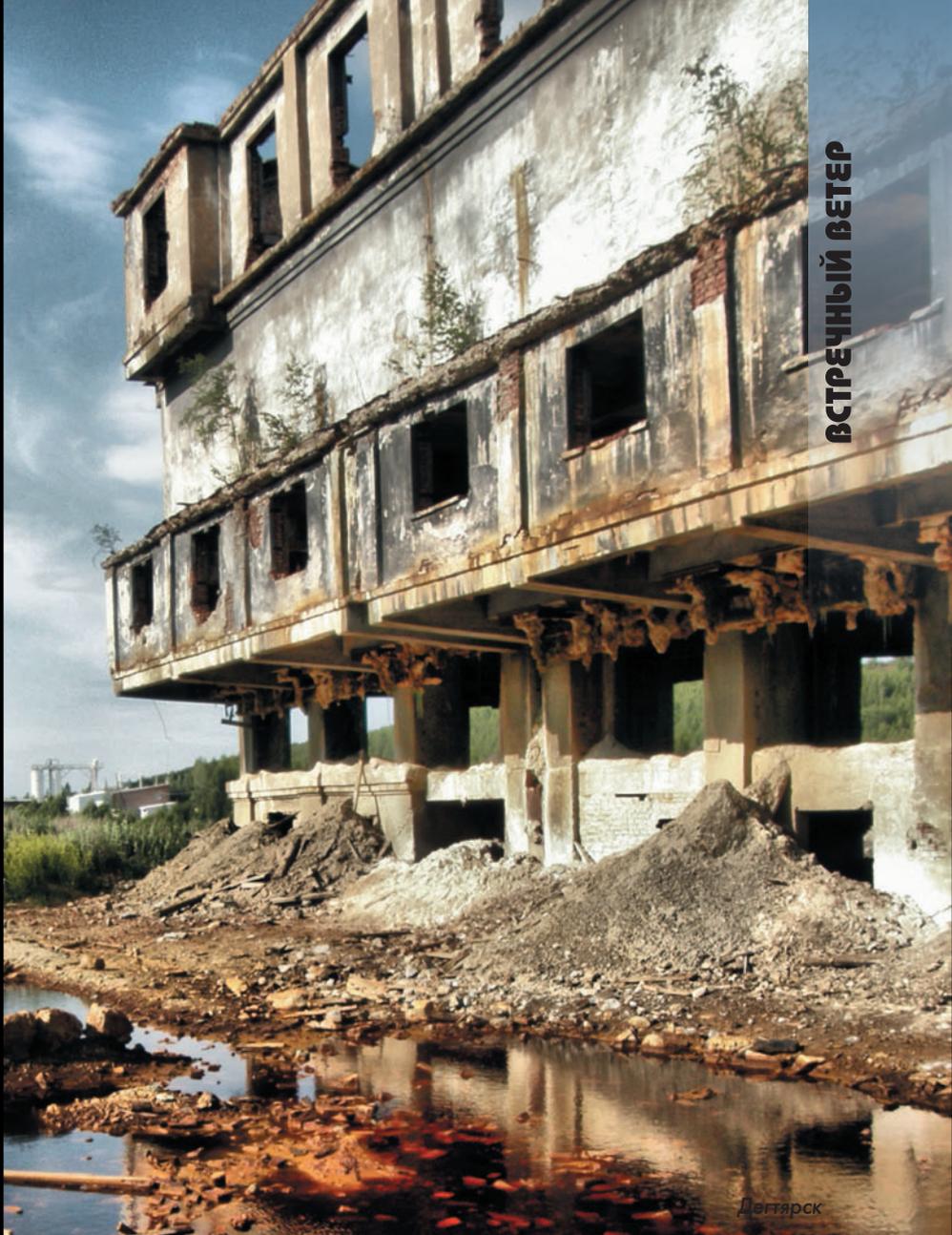

приключения, которые заставляют ребят искать всё новые и новые объекты для своих «индустриальных» походов. Кстати, в подобных поисках знание истории родного края тоже очень помогает. Узнают об объектах через Интернет, изучая фотографии местности со спутника, разговаривая с местными жителями.

Илья: Часто помогает и сарафанное радио. Бабушки и дедушки, которые всю свою жизнь прожили в этих местах, хорошо знают, что, к примеру там-то и там-то когда-то была военная часть. А вот там вот – больница, которую строили-строили, да так и не достроили.

И конечно, внутри движения поклонники индустриального туризма тоже обмениваются данными об объектах своих путешествий. Только, как и в любом «клубе по интересам», у современных «сталкеров» есть свой негласный кодекс чести. Подробную информацию о местонахождении объектов никто и никогда не сделает широкодоступной. Подобной информацией, как правило, обмениваются только по принципу «ты мне – я тебе». Чтобы не спровоцировать туда массовое паломничество зевак, которые разрушат хрупкую атмосферу тайны и заброшенности.

Илья: Ещё один важный момент – после твоего посещения объект

Дегтярск

САЛЮТ

база отдыха

- Два комфортабельных жилых корпуса в сосновом лесу
- VIP коттеджи семейного типа
- Современные конференц-залы
- Кафе, диско-бар
- Игровая комната для детей с воспитателем
- Детская площадка среди сосен
- Русская баня, сауна с бассейном
- Беседки с мангалом
- пляж, лодки, катамараны
- Бильярд, теннис и другие развлечения.

Верхняя Сысерть

Тел.: (34374) 25-420, 25-634,

(343) 359-93-89. www.salutupz.ru

должен остаться таким же, каким был до тебя. То есть не надо писать на стенах «Здесь был Вася» или выбрасывать где-нибудь в углу мусор («всё равно же никто не увидит!»). И как бы ни хотелось забрать с собой на память какую-нибудь железку, гильзу или пружинку – не стоит.

Есть у любителей индустриального туризма и техника безопасности. Ведь на давным-давно заброшенном заводе никто не проверяет прочность конструкций, по которым тебе придётся лазить. В заброшенном подземном тоннеле на посетителях может обрушиться потолок. И самые неожиданные «военные» сюрпризы может преподнести прогулка по ракетным шахтам.

Дмитрий: Поэтому всегда перед путешествием необходимо изучить, какие опасности может таить

в себе объект. Вдруг туда без противогаза входило опасно? Лишними никогда не будут каска и фонарик, аптечка и минимальное альпинистское снаряжение, которым, конечно же, нужно уметь пользоваться. Во время самого путешествия тоже нужно быть внимательным и осторожным, не лазить по тем местам, которые не внушают доверия и грозят вот-вот обрушиться на вашу голову. На всякий случай нужно иметь при себе сотовый, а близких предупредить, куда ты отправился. Чтобы в случае непредвиденного ЧП можно было вызвать помощь, а родственники знали бы, где тебя искать. И наконец, не стоит ходить по заброшенным местам в одиночку или с непроверенными людьми. Оптимальный размер группы для путешествия – это человек 5 – 6.

Так что же делать?

«...Разбив лагерь выше каскадов, мы, невзирая на нудный дождь, трогаемся цепочками вдоль обоих берегов к верховьям. Затем спускаемся вниз, к дороге. Все встречные группы (за два дня – более десятка) с недоумением взирают на мешки в наших руках. Людям просто невдомек, зачем мы это делаем.

Попутно проводим ликбез, поскольку через одного у идущих и пиво, и вода в различной таре. Виктор Фомин в вежливой форме обращается: «Пожалуйста, не бросайте бутылки на тропе, кладите в костры».

По дороге мы спускаем шесть полных мешков, скигаем на костре, оставляя в золе лишь капли расплавленного стекла. А назавтра занимаемся наведением порядка на полянах вдоль дороги и собираем еще 20 мешков. Здесь к нашей работе присоединилась группа из Серова, не захотевшая соблюдать нейтралитет...» (из статьи Якова Пронина ПОЧИСТИТЬ МИР. И ЖИГАЛАН В ПРИДАЧУ, газета «Заря Урала», 1 августа 2006 г.).

Замечательно, правда? Энтузиасты пришли, все прибрали, следующие многочисленные посетители уникального памятника природы могут наслаждаться прекрасной – незазоренной (о!!! Нашлось-таки слово!!!!

А то все время в голову приходило несколько иное!) природой. Вот только надолго ли не засорена? Увы, приборку на Жигалане команда из Красноуральска делает ежегодно, а кучи мусора все равно не уменьшаются. Скорее наоборот: туристов все больше, и сегодня уже двадцатью шестью мешками не обойтись.

Так что же делать?

Прежде всего, сразу оговоримся, что надежды на власти и всякие вышестоящие органы нет: вокруг практически любого города и поселка – большая кольцевая помойка, а тут – в

лесу, в отдалении... Ну, сами понимаете, «в одной стране живем».

Устраивать акции почаще? Но ведь правда – чистота сохраняется максимум неделю – до следующего выходного нашествия.

А если взять и поставить большие щиты и написать на них (всего лишь напомнить, ведь все и так всё прекрасно знают!) правила поведения:

1. КОСТРЫ РАЗВОДИТЬ НА СТАРЫХ КОСТРОВИЩАХ.
2. МУСОР УВОЗИТЬ С СОБОЙ ИЛИ ОСТАВЛЯТЬ В ОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТАХ.
3. ДЕРЕВЬЯ В ВОДООХРАННОЙ ЗОНЕ (вдоль берегов) НЕ РУБИТЬ
4. НАДПИСИ НА ДЕРЕВЬЯХ И КАМНЯХ НЕ ОСТАВЛЯТЬ.
5. ОДНОРАЗОВЫЕ ТУАЛЕТЫ НА ТРОПАХ НЕ УСТРАИВАТЬ (неловко, что приходится и такое говорить...)

А если еще и прописать статус памятника (а Кваркуш – это ландшафтный памятник природы, р. Жигалан – гидрологический памятник природы) и то, что памятники природы – наследие наше!!! – вообще-то охраняются государством? А вдруг поможет?

декабрь 2009

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

veter@uralstalker.com

Человек в экстремале
 О. РЫЖИХ Уральский urban trip: сталкеры и зоны 2 пол. обл.
 Школа экологического воспитания
 И. КУЗНЕЦОВА Так что же делать?.....2
 Путешествие по Уралу. Серебряное кольцо
 А. СЛЕПУХИН «Ну, вы и забрались, товарищи манси!».....4
 История уральского туризма
 Р. ТИХОНОВ Заснеженный Хордьюс 13
 Экспедиция
 В. ЮКЧУБАЕВ Просто разведка..... 16
 Юбилей
 Н. ПАЭГЛЕ Спасаящий красоту..... 22
 Проекты «Уральского следопыта»
 «Уральский следопыт. Ледовый шторм - 2010»..24

АЭЛИТА

aelita@uralstalker.com

Законы Вселенной
 Д. АНАШКИН Встреча одноклассников 26
 Законы Вселенной
 С. ВАСИЛЬЕВ Жди меня..... 34
 Повод для улыбки
 Т. КИГИМ Чёрный гробовщик 38
 Координаты чудес
 А. ШОЛОХОВ Зонт 43

РЕКА ВРЕМЕНИ

reka@uralstalker.com

Тропой поиска
 Ю. ГОРБУНОВ Писательницы России (продолжение) 63
 Далекое—близкое
 Л. ЭГЛИТ Юбилей забытого жанра..... 45
 Портреты
 И. ПЛОТНИКОВ Учитель скульптора Шадра 49
 Литературное краеведение
 А. КОНДОР Сокровище Тамурии (продолжение) 50
 Краеведческая копилка
 В. ТРУСОВ Расстрелянный обелиск..... 65
 Далекое—близкое
 В. ПОПОВ Углежогги 66
 Далекое—близкое
 А. МАКСЯШИН Шереметевский - художник и педагог 68
 Камни Урала
 И. ШЕРЕМЕТЕВСКИЙ Турмалин - краса и гордость
 В. АВДОНИН минерального царства... 72
 Библиография
 Содержание журнала
 «Уральский следопыт» за 2009 год. 77
 Человек и природа
 М. ФОНОТОВ, В. САДЫРИН Чуткий ветру..... 3 пол. обл.

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго
Ответственный секретарь – Е. Пахомова, info@uralstalker.com
Худ. редактор, верстка – М. Ю. Шафикова
Набор – В.М. Кадочникова.
Корректор – Т. В. Сергеева.
Рекламная служба – В. Голобородская, barvara@uralstalker.com, С. Шафиков, com@uralstalker.com
Интернет – Е. Марков
Фото 1 полосы обложки – В. Голобородская

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».
Редакция, издатель – ООО «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.
Наблюдательный совет –
 • Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»,
 • Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
 • Семен Спектор, заслуженный врач России,
 • Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке **Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям**

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».
 Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
 Почтовый адрес редакции, издателя:
 620014, г. Екатеринбург, а/я 479
 тел. (343) 295-61-27, (343) 295-61-28
 E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Журнал зарегистрирован **Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ**
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:
 - Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
 - Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
 - Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
 - Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
 - Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Розничная продажа:

- в магазинах «ЖИВОЕ СЛОВО»
- в магазине «100 000 книг»
- в Почтовых отделениях Свердловской области

Лидер
 Уральского
 Турбизнеса
2007

А. СЛЕПУХИН

Фото предоставлено автором

«Ну, вы и забрались, товарищи манси!»

I. Вступление

Это крылатая фраза, подхваченная мною во время экспедиции в Суеватпауль, высказанная моим товарищем по путешествию Натальей Бердюгиной, ой как была актуальна сейчас, во время третьей вылазки этнографической экспедиции. Собирался я в неё тяжело: было много работы, бестолково связующейся в единое целое, к тому же пришлось поехать одному – Наталья готовилась к североамериканскому вояжу. Да, и со всей экспедиционной техникой мне не везло: моя видеокамера за пару дней до экспедиции отказалась работать, да и все знакомые не могли меня выручить. Пришлось ехать без неё. С фототехникой тоже вышел «пассаж». С собой я беру только свой Nikon, но тут отчего-

то прихватил и обычную мыльницу. Nikon сделал пару снимков и неожиданно отказался работать. Этому было оправдание, хотя и неутешительное – пару недель назад я перевернулся на байдарке во время сплава. Видимо, фотоаппарат не смог выдержать этой нагрузки. Обидно и неприятно! Но необходимо двигаться дальше. И, как оказалось, «мыльница» пригодились!

Моими спутниками на этот раз оказалась небезызвестная Светлана Ивановна Литосова, директор североуральского краеведческого музея, с ней мы прошли много дорог во время экспедиции, Валерий Алексеевич Шакаев, учитель истории и любитель археологии, страстный поклонник манси, да

Сергей Евгеньевич Чаиркин, заместитель начальника отдела археологии Научно-практического центра по охране и использованию памятников культуры Свердловской области.

Моя дорога выдалась тяжёлой: всю предыдущую ночь пришлось ехать в автобусе, сон был непрост, да ещё полдня ушло на стыковку со всеми остальными. Наконец, добравшись до посёлка Полуночное, собираемся вместе. Мы со Светланой Ивановной были рады видеть коллег, ожидавших нас в тенёчке возле экспедиционного уазика. С ними оказался и новый знакомый – Александр, молчаливый мужчина, вызвавшийся быть проводником на интересующий нас объект – речку Пому. Собравшись

Закат

и поздоровавшись, наша группа трогается в путь. Буквально через полкилометра нас настигает неприятность – пробило колесо уазика. Вот новость ещё!

Казалось, всё было против нашей поездки, но, видимо, мы отдали необходимую дань для осуществления путешествия. Едем. уазик мерно подпрыгивает на ухабах, то и дело «хлюпая» носом в какие-то лужи. Через полчаса езды ловлю себя на мысли, что самим нам найти необходимый свороток и дорогу на Пому было бы затруднительно. Проходит ещё час, прежде чем Александр даёт указание – сворачиваем. Машина берёт круто вправо, пытаясь «с разбега» перепрыгнуть через колдобины. Следует ещё три километра лесной дороги, поворот, и скоро мы упираемся в полянку с высоким настилом без крыши. Территория манси. Под тряпками на настиле лежит мешок с мукой. Недалеко стоят выдавшие виды мотоциклы. Дальше нужно идти пешком. Готовимся к переходу. У меня огромный рюкзак – мы со Светланой Ивановной готовы к самостоятельному существованию и возвращению обратно в привычный нам мир. Археологи приехали с нами только на пару часов. Рюкзак приятно оттягивает своим весом плечи. Всё бы ничего, да нас сразу же атакует масса кровососов. Жуть! Толпами летают, норовя ужалить побольнее.

Дорога оказывается не очень длинной, всего три километра, но очень интересной. Вдоль дороги я заметил и сфотографировал несколько интересных приспособлений, какими пользуются манси: удобное сиденье возле ручейка, хитроумная ловушка-силоч для рябчиков, затейливая поленница, слопец – ловушка для мелких куных и крупных птиц. Всё сделано

своими руками, практично и удобно. Здешний лес оказался живой, в отличие от суеватского, более дружелюбным и открытым. Подходя к селению, замечаю, что он становится более редким, без подлеска, и продуваемым

II. Пома-пауль

Мы со Светланой Ивановной идём медленно, а потому входим в Пома-пауль (или Пакин-пауль) чуток позднее остальных. наших коллег встречает приветствен-

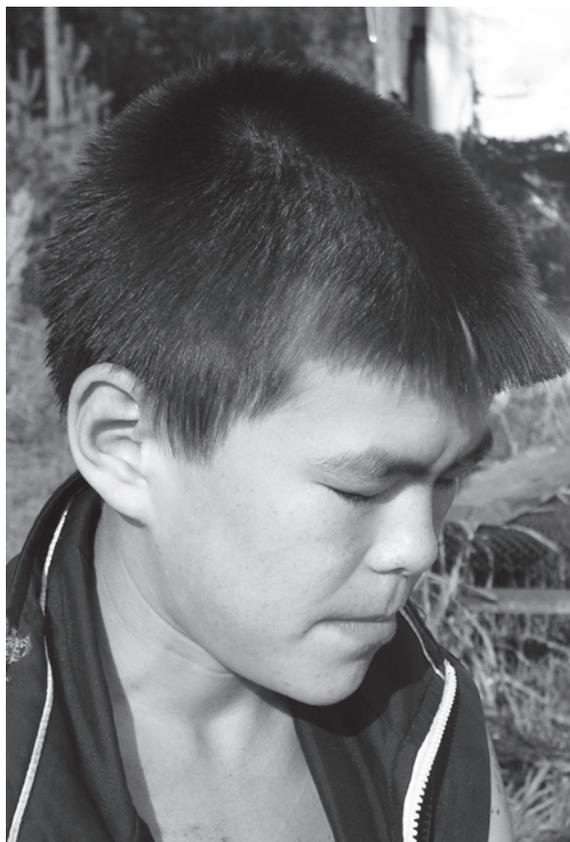
Лосинья шкура

ный хор лаек, пытающихся перекричать друг друга. Выглядывают осторожные дети из разных углов, любопытно присматривающиеся к тебе. Из первой избы выходит коренастый мужчина, приветливо улыбающийся. Знакомимся. Это Петр Пакин. У него многочисленное семейство. Всюду видны детские вещи и игрушки. Идём дальше. Между крайними домами посередине стоит новый почти готовый дом. У дальнего строения видны скамейки, на которых расположились все мужчины: и наши, и хозяева. Снова следуют крепкие рукопожатия. Внимательные глаза,

чуть исподлобья осматривающие тебя. Братья Виктор и Пётр Пакины, Прокопий Куриков, брат Анны Кирилловны Хандыбиной, знакомой нам по Хорпии. Из летней кухни выглядывает девичье лицо. Потом появляется и сама девушка, быстро выскальзывающая по каким-то делам. Как выяснилось позднее, это Марина Дунаева. Марина скромно удаляется. Мы же беседуем с мужчинами манси. Разговор неспешный – одна половина мужчин уже потянулась к сигаретам. Задымили, и обстановка слегка разрядилась. Манси, несмотря на знакомые лица, не спешат – внимательно осматривают незваных гостей. Александр вспоминает какие-то памятные случаи из охотничьих будней. Пётр поддакивает, а Виктор молчит. нас угощают чаем. Крепкий напиток, даже подслащенный, сводит скулы с непривычки. Наконец археологи начинают осматривать берег. У них не так много времени, но уже через полчаса они насобирали половину пластикового пакета старинной керамики. Сразу же звучит заключение опытных учёных: керамика местная и датируется II тысячелетием до нашей эры. Позднее находят и выход глины, из которой и лепили когда-то давно бытовые изделия и посуду.

Археологи договариваются с хозяевами о дальнейшем сборе керамики и вскоре, прощаясь, уходят. Мы же со Светланой Ивановной остаёмся. Для нас всё только начинается. Мы не торопимся и больше наблюдаем за манси. Именно эти картины из жизни наиболее интересны. Вот только дождёмся, когда наши хозяева привыкнут к нам, тогда будет и общаться легче.

Манси к керамике абсолютно равнодушны: никакой конкретной

Миша Пакин

пользы от неё нет – черепки и есть черепки. Лишь после того, как археологи проводят мастер-класс по первичному поиску осколков, хозяева начинают понимать, что они (осколки) могут принести им хоть какую-то выгоду.

Буквально через полчаса в пауле устанавливается тишина: собаки лениво спят возле своих будок, люди вернулись к своим привычным делам.

Мы тоже не торопимся: мирно расспрашиваем хозяев, стараясь для начала узнать побольше о роде Пакиных, их территории, условиях жизни и традиционных занятиях. Поначалу с нами общаются Виктор и Пётр – старшие из братьев Пакиных, – да немного включаетесь в беседу Прокопий Куриков. Затем узнаём, что Ольга, жена Петра, уехала в Ивдель с археологами, а чуть погодя и сам Пётр уходит проследить за какими-то делами. Кроме него в доме остаются дети и молодая семья. Оттуда доносится музыка, какие-то крики – видимо, началась привычная весёлая жизнь.

А мы пока остаёмся у дома Виктора. Именно он становится главным собеседником и рассказчиком, а лишь спустя время и Прокопий разговорился. Чтобы завоевать доверие, мы попеременно со Светланой Ивановной рассказываем о том, что слышали, видели, узнали или сделали. Манси охотно слушают, периодически хмыкают или поддакивают: «Т-та...».

Это одобрение у них получается такое особенное, впрочем, как и они сами.

Разговор неспешный. Девушка Марина украдкой бросает торопливые взгляды на нас, но подходить

и заговорить с нами стесняется.

Чуть погодя и Виктор уходит в дом, и мы остаёмся с Прокопием Кирилловичем и его падчерицей Мариной. Поскольку мы много и часто общались с сестрой Прокопия – Анной Кирилловной Хандыбиной, то и наше новое знакомство быстро переходит в доверительную (до определённых моментов!) беседу. Даже Марина осмелела и подошла к нам. Мы стараемся тепло и по-доброму разговаривать с обоими.

Сам пауль расположился на большой поляне на краю редкого ельника и прогалин, спускающихся к Поме. Река небольшая, но берега в основном заболочены. Лишь высокий обрыв береговой зоны на излучине в самом поселении обжит и лишён болотистой растительности. Пома вьётся тонкой струйкой, изгибаясь словно змея. Ширина её не превышает четырёх метров, да и глубина небольшая. Вода чистейшая и вкусная, хоть речка и вытекает из заболоченного Помского озера.

Правда, вода холодная. Даже несмотря на изнуряющую тридцатипятиградусную жару, река не

прогревается. В течение всей нашей экспедиции я несколько раз залезал освежиться в ПOME, но долго не смог находиться в ней.

В пауле два старых дома и один новый недостроенный, который принадлежит семье Прокопия Курикова. Дом Виктора – это старая родительская постройка. Отец четырёх братьев (по старшинству: Виктор, Пётр, Николай и Владимир) Николай Алексеевич проживал в нём с женой Ольгой Михайловной (в девичестве Дунаевой). Рассматривая семейный архив, я обращаю внимание на то, что дом изначально был установлен на этом месте.

Рядом с домом Виктора расположена летняя кухня, возле которой и протекает наша жизнь. Небольшая хибарка, в которой есть место и для хлебопечки. У Пакиных нянькур (хлебопечка) установлена именно в летней кухне, в отличие от других паулей, которые я успел посетить. Рядом с печкой валяются формы для выпечки хлеба. Кстати, скажу, что хлеб у манси всегда вкусный. Причём мука явно не очень высокого сорта, да и реки иногда несут воду из торфяников, а хлеб всегда душистый и очень вкусный. Я попробовал хлеб в трёх паулях на Пельме, на ПOME, на Лозьве и всегда поражался его вкуснотище!

Чуть дальше от летней кухоньки стоит амбар. Но не традиционной постройки по типу «сумьх – избушка на курьих ножках». Амбар установлен на земле. Строение крупное, добротное. К сожалению, его внутренний интерьер и содержимое нам не показывают. Но на фасадной стене импозантно висят крошни – мансийский рюкзак, а также другая мансийская утварь, выполненные вручную.

Позади летней кухни расположена землянка-холодильник. Дверь закрывает неведомое нам пространство. Очень любопытно было бы взглянуть, но так и не получилось. Рядом видна жилищная впадина. Но без раскопок её давность определить трудно. Манси же ничего вразумительного сказать не могут: давно было...

Возле обоих домов (Виктора и Петра) располагаются небольшие

огородики, в которых хозяева выращивают только картофель. Почему нет других овощей, не понятно. Свекла, морковь и даже капуста легко могли бы произрастать в этом климате: тепло, вода рядом. Но помовцы этого не делают. Лень? Возможно.

На южной стороне дома Виктора в тенёчке замечаю растянутые части лосиной шкуры с двух ног сохатого – будущий камус для подбивки охотничьих лыж. Они настолько живописно и оригинально смотрятся, что я не задумываюсь и фотографирую.

Зато с другой шкурой у меня вышла досада. На северной стороне дома Петра я заприметил растянутую медвежью шкуру без головы. Но фотоаппарат случайно оставлен в доме, и пока я расспрашиваю о медведе, об охоте и других деталях. Мне отвечаю неохотно, стараясь или отмолчаться, или «увести» разговор в другое русло. Я решаю не настаивать и вернуться с фотоаппаратом позднее, ближе к вечеру. Но вечером её не оказывается – хозяева предусмотрительно убирают объект моего интереса. Разговор на эту тему совсем не идёт – манси молчат. Несколько раз начинаю – эффект тот же.

Манси уже не так осторожны, но и особо не откровенничают. Мы идём знакомиться с молодёжью Петра Пакина. Самым смелым оказывается одиннадцатилетний Миша. Худенький, но жилистый, немного угловатый на первый взгляд подросток с внимательными и быстрыми глазёнками, которые из-под жёстких чёрных коротких волос наблюдают за мной.

Довольно скоро он привыкает к нам со Светланой Ивановной. И мальчишку словно прорывает: он торопливо, но с достоинством показывает свою игрушку – самодельный самолётик (выдержанными оказываются все его пропорции!), демонстрирует своё умение ходить на ходулях и даже игровой домик.

Расскажу всё по порядку. На вопрос, как он смастерил самолётик и откуда узнал про размеры его деталей, Миша отвечает, что под-

смотрел у других ребят в другом посёлке манси – Тресколье, куда ездил с отцом. Вернулся и сделал себе такой же. И действительно, я несколько раз видел в паулях у ребятни такие игрушки. И, безусловно, с соблюдением всех деталей и пропорций.

Ходить на ходулях Мишу никто не заставлял – самому захотелось. Первая пара ходулей была неудачной – подставки для ног быстро сломались. Зато нынешние более прочные. Подросток у нас на глазах ловко забирается на них и делает несколько ловких движений.

Пока мы общаемся с Мишей, за нами наблюдает девочка возрастом помладше – это его сестра Варя. Ей девять лет. Она стесняется разговаривать с нами, отводя глаза, когда обращаемся к ней. Но наблюдает и не уходит. Любопытно!

Варя сидит на корточках возле небольшого тазика с водой, в котором сидит совсем маленькая девочка с соской во рту. Это Наташа. Обе девочки внимательно наблюдают за нами и неохотно идут на контакт.

Зато Миша показывает нам понравившиеся мне вещи: прежде всего, великолепный рюкзак отца – крошни. Пока я рассматриваю отцовскую приспособу, Миша приносит и свои крошни. В конце нашей экспедиции он уступает мне их за достойную оплату, и я увожу с собой мальчишескую поделку. Конечно, сделана она из подручного материала, какой мальчик нашёл. Заплечные ремни не кожаные, а лишь войлочные. Но для меня это, прежде всего, память о его хозяине – Мише Пакине.

Довольно близко от отцовского дома мальчик построил домик для игр. Сам! Как оказалось, подросток сам рубил сухой, под присмотром

отца собрал постройку. У домика нет крыши, только потолок. Постройка высотой мне по плечо, но всё равно поражает своим видом. Обустроена по-мансийски: щели и дыры заткнуты мхом, кое-где вбиты распорки. Миша благосклонно разрешает нам заглянуть в него. Внутри есть небольшой столик, сиденье, много игрушек. Дом построен недавно, поэтому «отделка» пока незакончена. Выясняется, что Миша не разрешает туда ходить девочкам. Моё! И если играет с сестрой, то только не в домике.

Мы со Светланой Ивановной интеллигентно заглядываем в дом Петра, предварительно спросив разрешения.

Первое, что бросается в глаза в сумраке жилища после ослепительного света – это висячая апа, люлька. Это Наташина кроватка. Люлька старая – через неё «прошёл» не один ребёнок Пакиных. И, как только появляется в семье новый малыш, люльку ремонтируют, и в неё поселяется новый постоялец. Несмотря на слабое освещение, замечаю орнамент на боковых стенках люльки. Апа с высокой спинкой – значит, дневная. Внутри какие-то непонятные тряпочки.

В доме беспорядок. Молодёжь постарше Миши и Вари не стре-

Варя Пакина

мится к общению с нами. Мы вынуждены уйти.

Возле летней кухни дома Виктора хлопочет Марина. Она начала с нами общаться и рассказывает любопытные детали из жизни. После неизменного чая, а манси завязтые чаёвники, мы с ней и Прокопием Кирилловичем идём погулять возле пауля. Причиной прогулки стал разговор об охоте, и прежде всего, о слопце. Слопец – это ловушка-давилка для крупных птиц и некрупных куньих. Прокопий Кириллович охотно рассказывает о методе охоты слопцом. Ловушка представляет собой действительно давилку, поскольку давящая плашка собирается из сырых, не толстых брёвнышек между стенок из вертикальных стоек. Зверь или птица, хватая наживку, приводит в движение плашку, которая и придавливает его внутри ловушки. Хитроумно и просто! Правда, Прокопий Кириллович замечает, что для росомахи слопец совсем не ловушка – она всё равно уйдёт из него. Зверь сильный, хитрый и наглый! Как выяснилось во время беседы, зверь, попавший в слопец, действительно остаётся не поврежденным. Отсюда и понятие – давилка.

Идя по тропинке из пауля, мы вскоре оказываемся на расчищен-

ной большой поляне. Дров и валежин на ней почти не осталось. Одни пни да редкие тоненькие берёзки.

Прокопий Кириллович – крепкий мужчина. Рассудительный и довольно начитанный – знает много, и речь правильная. Пока мы осматриваем слопец, он, подболевшись, стоит в своей кожаной кепке, несмотря на жару. Манси делится своими воспоминаниями об охоте, говоря, что слопец довольно удачная ловушка, правда, в этот уже давно никого не ловили.

День близится к концу, жара спадает, но гнуса не становится меньше. Если днём нас доводили огромные слепни и оводы, то к вечеру повылазили комары и мошки. Ранний вечер – время, когда нас донимают и те, и другие.

Ужин для нас не только еда – это, прежде всего, возможность общения. Мы снова разговариваем, рассказываем и спрашиваем. Если речь не заходит о сокровенном, то с нами делятся.

Я выпрашиваю познакомиться с фотоархивом рода Пакиных и параллельно узнаю, что фотографии Прокопия Курикова Марина потеряла, точнее, их у неё украл кто-то. По всей видимости, история тёмная и неприглядная, но это уже история.

Чтобы как-то себя реабилитировать Марина быстрёхонько приносит старый и подержанный чемоданчик советской эпохи с железной ручкой и застёжками-прижимами. Фото лежат в чреве чемоданчика в беспорядке и перемешаны редкими грамотами и устаревшими документами. Среди последних замечаю комсомольский билет Вити Пакина, справку на имя Ольги Михайловны, матери братьев, и т.п. Фотографии поражают нас со Светланой Ивановной. Пока разбираем карточки исчезнувшей эпохи, расспрашиваем хозяев, хотя Пакиных среди сидящих у летней кухни нет, о том времени.

Оказывается, когда братья были поменьше, в пауле стояла чамья – амбарчик небольших размеров на высокой «ноге», на которой уместилось всё семейство. Ныне чамьи в Пома-пауле нет.

Некоторые фотографии уникальны. Меня поражает фото с медвежьего праздника. На нём трое братьев (отец Николай Алексеевич и два дядьки нынешних Пакиных – Алексей и Илья) и их зять Никита Владимирович Бахтияров, женившийся на сестре Акулине Алексеевне. Выясняется очень интересные эпизоды. Акулина сама ходила на медведя. Сохранилось даже фото, где она с ружьём у очередного по-

Пома – река Пакиных

Щенок

верженного зверя. Вот она запечатлена на небольшой карточке, где-то на Урале, пекущая хлеб (лепешка) в самодельной, из камешков, печке.

Но особое значение я придаю фотографии именно с медвежьего праздника. Трое братьев сидят возле медвежьей шкуры, а слева их зять – Никита Бахтияров. Именно его я признаю как добытчика, поскольку его рука держит медведя за ухо. Шкура уложена в ритуальную позу: голова находится на уровне передних лап. Сверху голова прикрыта арсыном – ритуальным платком. На когтях передних лап животного видны небольшие колючки – все признака ритуала налицо.

Фотографии настолько уникальны, что мы заводим разговор о возможности забрать часть архива с собой, чтобы иметь возможность качественно отсканировать фотографии.

После мы получаем эту возможность – Виктор даёт «добро». Рассказам нет конца, кажется, что необходимо было уже в первый раз приезжать на целую неделю.

Самое тяжелое для меня, оказывается, разобраться во всех хи-

тросплетениях семейных уз. Очень часто встречаешь (узнаешь) манси с одинаковыми именами, и трудно разобраться, кто кому приходится родней. Для меня так и осталось загадкой, почему Прокопий Куриков с семьёй проживает в этом пауле, точнее, каковы родственные связи у него с родом Пакиных.

В доме у Петра настоящее веселье – гульба. Пока мы разбираем фотоархив, приходит Миша, у которого в руках оказывается осколок керамики больших размеров, примерно 20 на 25 см. Мы со Светланой Ивановной даже обомлели от такой неожиданности.

Это прямое подтверждение того, что здесь изготавливали керамику и очень давно. Какой же это был сосуд, если кривизна осколка незначительна!

Как оказывается, Миша принёс керамику на продажу. Началось! Понимая значимость находки, а ещё больше последствий, мы отказываемся от покупки, понимая, что сам Миша не догадался бы об этом. Так и есть – молодёжь подслала. Мы уговариваем Мишу попить с нами чая, но он, стусевавшись, убегает обратно.

Вечер приносит необходимую прохладу. Но вместе с тем, активизируются и комары. В июле здесь ночи светлые, точнее это даже не ночи, а марево. Вдруг спавшие собаки мгновенно оживают. Лай и волнение длятся бурно, но не долго. Мы замечаем невысокую фигурку подростка, приближающегося к нам. Примечателен облик гостя, точнее, гостыи. На лицо одета берестяная маска (искусно сделанная!), традиционное женское платье манси материи оранжевого цвета с неизменными вшивными полосками на вороте, груди, ман-

жетах и краю подола. На ногах у гостыи нярочки – обувь мансийская. На голову надета старая песцовая шапка – возможно, ничего достойного не нашлось! А поверх маски надеты ещё обычные очки. Для чего вот только?!

Ещё минуту назад исполошившиеся собаки лаяли, а сейчас они уже лениво лежат у своих конурок, безмолвствуя. Мы быстро признаём в госте младшую сестру Миши – Варю. Так же как и брата, уговариваем почаёвничать с нами. Но Варя, ни слова не говоря, уходит.

Мы пытаемся у Марины, Прокопия и Виктора разузнать, чему был посвящён маскарад, но они, улыбнувшись, отмалчиваются.

Опять «происки» молодёжи. Нас пытались поразить, но рассказывать не хотят.

Мы снова сидим у костра, ведя неспешные разговоры. Манси не особенно словоохотливы, но зато любопытны и с удовольствием слушают рассказы про свой народ. Периодически возвращаемся к разговору о роде Пакиных. Оказывается, у братьев Пакиных было две тётки – Акулина и Евдокия, и двое дядьёв – Алексей и Илья. Семья Пакиных была большой. Во время разбора фотографий нам показывают небольшое старое фото, на котором запечатлены дед и бабушка Пакины. На снимке семейная пара невысокого роста. Манси скромно замерли перед фотографом. На мой вопрос о дедушке Виктор почему-то молчит, не отрываясь от своего занятия – он выстругивает палочку, назначение которой мне неизвестно.

Но вот передо мной фотографии, сделанные неизвестным фотографом газеты «Уральский рабочий».

На них запечатлён отец – Николай Алексеевич Пакин. На одном снимке он поёт, подыгрывая себе на санквылтапе. На другом старый манси оживлённо рассказывает о чём-то, а на третьем он вместе с Олегом Викторовичем Штраухом, старинным другом семьи, известным на Севере краеведом. Штраух даже после смерти Николая Алексеевича остаётся другом семьи Па-

киных. Фотографий, видимо, было сделано много, но в родовом архиве лишь три описанных снимка. Николай Алексеевич в пожилом возрасте производил сильное впечатление на людей: колоритная внешность, волосы с проседью, откинутые назад, усы, большие глаза с цепким взглядом, крепкие пальцы, перебирающие струны санквылтапа. Именно этот инструмент я увидел в доме у Пакиных над кроватью Виктора.

В течение всего нашего пребывания у манси погода оставалась жаркой и сухой. Гнус, не переставая, метался по паулю, не давая нам покоя. Манси, хоть и более привычные к нему, тоже устало отмахивались от надоедливых соседей.

Количество керамических осколков постоянно росло – археологи постарались на славу. Теперь молодёжь манси с удовольствием собирала глиняные черепки.

Мы со Светланой Ивановной были по-своему очень довольны – многое сумели сделать, узнать, познакомиться и пообщаться с манси. Хотя многие вопросы так и остались без ответов. Видимо, время ещё не пришло для ответов на них.

Последний вечер у манси. Мы собрались в обратную дорогу – выходим рано утром, чтобы пройти по холодку значительное расстояние – 15 километров. Принимая во внимание возраст и непростые болячки Светланы Ивановны, для неё этот маршрут уже достоин уважения. И пусть мы пойдём по лесовозным дорогам, но все же силы у моей спутницы уже не те.

Мы в последний раз сидим у костра, наблюдая за закатом. Солнышко неспешно заходит за громаду Кент-нёра («хребет-шапка»). Красивейший пейзаж надолго остаётся у меня в памяти. Я несколько раз фотографирую хребет, освещённый лучами красного светила. Также успеваю заснять и ветряк на фоне горы и заката, что стоит посреди пауля Пакиных. Сейчас в вечерних лучах он получается настолько живописно, что невольно любишься им.

Ещё днём Марина, заговорщицки пошептавшись со мной, уединяется в своём уголке на женской половине дома, где и мастерит. Я периодически к ней навещаюсь, зная причину этой скрытности. Марина, видимо, была настолько впечатлена нашим приездом и общением, что

решила смастерить для Светланы Ивановны детские нярочки. На память в музей.

Она умело шьёт их, торопясь успеть до нашего отъезда. Даже в сумерках дома, не зажигая свечки, девушка сумела закончить свою поделку.

И вот раскрасневшаяся мансийка вручает свой подарок директору музея. Светлана Ивановна растрогана и рассыпается в словах благодарности, отчего Марина ещё больше смущается. Так в Североуральском музее появился новый экспонат, пусть уже из современных и нетрадиционных материалов, но выполненный руками мансийки.

Мы укладываемся спать – завтра в обратный путь.

III. Домой

Рано утром мы потихоньку выходим из гостеприимного дома Пакиных. Успеваем хлебнуть чая, умело приготовленного Мариной и Виктором. Пока перекусываем, в пауль приходит Владимир, младший брат Виктора. Мы коротко знакомимся, но времени пообщаться уже нет. Нас провожают мужчины и Марина. Прощание короткое, но

Миша Пакин и его дом

Амбар Пакиных

НОВОГОДНИЕ ПРАЗДНИКИ В КАРАГАЙСКОМ БОРУ!

СКИДКИ НА ДЕТЕЙ до 40%

ПУТЕВКИ на декабрь от 1000 р. в сутки

СТЕПНОЙ КЛИМАТ + СОСНОВЫЙ ВОЗДУХ

ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫЙ РАЙОН

МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА "КАРАГАЙСКИЙ БОР"

БАССЕЙН 25 м

САУНА

ТУРЕЦКАЯ БАНЯ

КОМИССИЯ ТУР-АГЕНТСТВАМ УВЕЛИЧЕНА!

СУТКИ от 1600 р.

"ЛЮКС" от 1800 р.

принимаем с банкетом и без

ШОУ-ПРОГРАММА каждый день

ПРОКАТ СПОРТ-ИНВЕНТАРЯ

ТЮБИНГОВАЯ ТРАССА

Лиц. ФСНЗ № 9901-000-771
Цены даны на дату публикации

(351)

260-25-87
г. Челябинск,
ул. Цвиллинга,
51а, оф. 311

эмоциональное. Нам снова хочется приехать к этим людям, но пока нужно возвращаться домой.

Идём мы достаточно быстро, сопровождаемые тучей гнуса. Первые шесть километров до основной лесовозной дороги мы проходим достаточно легко, но зато последующие девять даются уже труднее. И всё же к часам к одиннадцати добредаем до моста через Тошемку. Здесь останавливаемся на обед. Через некоторое время я, орудуя ножом, собираю дрова и, вскоре костерок, довольно облизывая котелок, греет нам воду. Вот и наш походный обед.

Только успели сесть, как послышался звук приближающейся автомашины. И точно, к мосту подъезжают два грузовика. Водители любезно соглашаются отвезти нас в посёлок Полуночное, только немного перекусив. Мы, конечно, согласны – нас устраивает любой вариант.

Вскоре наш кортеж трогается. Поскольку мест в кабине мало – садимся по одному в разные грузовики. Но зато остаток в 60 ки-

Мансийская девушка Марина Дунаева

Ветряк

лометров мы преодолеваем уже не сопровождаемыми мошкаркой. Разморенный дорогой и неразговорчивостью водителя, я успеваю по дороге немного вздремнуть.

Но вот и Полуночное. На окраине нас высаживают, и мы, тепло попрощавшись, идём к остановке. Автобус будет только через 2 часа. Это время мы проводим в неспешной беседе, обсуждая недавние впечатления.

Приходит автобус и увозит нас в Ивдель. Дальше уже всё прозаично и неинтересно. Наше путешествие к манси закончилось.

И всё же, несмотря на неудобства дороги, оно удалось. Я снова хочу продолжить знакомство с этим удивительным народом, который забирается от нас всё дальше и дальше в неприветливые уголки Северного Урала, чтобы вести хоть и не такую жизнь, как их отцы, но всё же таки приближённую к традиционному укладу. Но вот только сколько это ещё продлится, кто знает?

Заснеженный Хордьюс

Купив билеты в пассажирский вагон, погрузились в поезд. Утром прибыли на станцию Полярный Урал. Поезд подошел к станции по снеговому тоннелю. Когда выбрались из вагона по ступеням, вырубленным в снеговой стенке, подошел начальник станции и сказал: «Москвичи? Тогда садитесь обратно в вагон и уезжайте!»

Мы ответили: «Нет! Свердловчане!»

– А там откуда?

– «Уралмаш!»

– Ребята! Да я там работал зам начальника цеха, да у меня и сей-

час там дядя работает, зам директора завода.

Начальник станции согласился, чтобы мы прочитали лекцию о машинах «Уралмашзавода» на следующее утро, а пока устроились в вагончике, предварительно откопав в него вход. Начальник станции вызвал по рации электрика с Елецкого, а заодно и сообщил в Свердловск о нашем выходе на маршрут. Электрик прибыл попутным грузовым поездом, и у нас в вагончике стало светло. На улице крепла пурга, температура была 26 градусов мороза, видимости никакой. Соседями (в следующем вагончике) у

нас были девчата метеорологи, так что мы по телефону узнавали прогноз погоды на ближайшее время. Выход был назначен на следующий день после лекции, а пока велась сборка нартовых платформ и распределение груза.

В рюкзак 18 кг на нарту 36 кг.

В нарту впрягались попарно.

Головные – Тихонов и Иванов: палатка и спальник на шестерых, пенопластовые коврики, ножовки, примус, запасные лыжи.

Вторые – Шестаков и Сапожников: продукты, гитара, примус.

Замыкающие – Бикмеев и Широков: печка на 2 примуса, топливо.

Выходной груз: на нартах 72 кг, в рюкзаках 36 кг на двоих. Вечером сделали «отвальную», пригласив начальника станции. Варили на костре из остатков забора гулаговского лагеря (доски по 2,5 метра). Наутро пошли на станцию читать лекцию. С железной дороги было 3 человека, включая начальника, остальные были заняты чистой стрелочных переводов (ждали пассажирский в Лабитнанги). Поезд подошел, из снега торчали только трубы печек вагонов. Лекция была терпеливо выслушана, потом рабочий попросил у начальника 100 граммов спирта, выпил, закусил кусочком сахара и пошел чистить стрелочные переводы.

В 12 часов выглянуло солнце, мы взяли азимут параллельно хребту и вышли на маршрут. В тундре разлитое солнце, снег до того уплотнен ветром, что лыжи не нужны, идем в ботинках, уложив лыжи на нарты.

Ночевали на открытом месте, выпилив в ближайшем ложке снеговые кирпичи и выложив стенку от ветра. Это было только начало ежедневного ритуала остановки на ночлег. Продолжение ритуала было утром. Наш шестиместный спальник за ночь отсыривал. Утром, готовился в палатке завтрак (у палатки было вырезано отверстие в дне под установку кухни). Естественно примусы газили, и в палатке, пока варился завтрак, был «Освенцим». Спальный мешок занимал в палатке много места, его выносили наружу, оставили только пенопластовые коврики. Мешок застывал на морозе, тогда следовала ритуальная операция «размягчения» мешка лыжными палками. Она служила разминкой перед выходом. Мешок практически был полон льда, весил, наверное, более 30 килограммов; его еле поднимали втроем.

Один варил в палатке, остальные складывали мешок и грузили на нарты. Окорок, который везли с собой, задохнулся. Пришлось его разрубить и промывать марганцовкой. В дальнейшем вспомнили, что делает манси в пургу. Спальный мешок называли «большой манси».

Ритуал разминки «большого манси» несколько спасал от «Освенцима» в палатке, поэтому выполнялся неукоснительно, затем проходил завтрак в палатке, запасались продукты на обед (сухари и кофе в термосы).

Следовала упаковка нарт, и группа в 9 или 10 часов снималась с ночевки. Ежедневно нас сопровождали ветры. С утра на небе были облака, часам к 12 появлялись «раздергайки», высокие перистые облака. Это значит, с 15 часов начнется пурга. Температура держится $-24 - 26$ градусов, что довольно неприятно.

Через 2 дня прошли траверс перевала Хара-Маталоу. Надо выходить к Пай Еру. Снова пурга в тундре обнаружили бочки с горючим, видимо для тракторов, пополнили запас горючего. Уже вдоволь насмотрелись «сполохов». Заметили некоторые особенности. Большая Медведица стоит вертикально, воздух в тундре разрежен, расстояния до объектов как бы скрадываются. Как-то на стоянке вблизи Пай Ера попытались определить расстояние до ближайших скальных выходов (показалось метров 600 – 800). Пошли в разведку и за 3 часа не дошли до них, пришлось вернуться.

Движение осуществляем параллельно Поясовому хребту, он отлично виден. Идем по азимуту; обозначенных на карте рек и речек не находим, они под снегом. На траверсе горы Пай Ер влипли в щелочные поля. Нарты не идут по щелбню; темп движения снизился. На следующий день стоим под Пай Ером, ветродуй, пора строить иглу. В ход пошли ножовки, благо плотного снегу сколько угодно. Первую опытную «иглу» заложили человек на двадцать, но вскоре поняли свою ошибку. Перестроились, теперь строим на 6 человек. Технология отработана на пенопластовом макете. Большое значение имеет порядок закладки первого ряда снеговых блоков, они выкладываются с уклоном, затем идет круговая укладка. Иглу построили за 2 часа, вырезали рядом кухню и прихожую, затащили внутрь рюк-

заки, зажгли висячий светильник и были несказанно удивлены. Внутри иглу переливалось всеми цветами радуги. Щели между блоками забросали снаружи снегом, на улице -24 , а в иглу -11 градусов. У руководителя день рождения, отметили по 7 грамм спирта и по сухарю, которые с великим сожалением выдал врач. Впервые тепло ночевали (утром в иглу было $+1$ градус). В тундре метет, в иглу тепло, только тает. Два дня простояли под Пай Ером, наверх не пускала пурга. Шутили, может, пойти в «большой манси», но опасно может при такой парусности ветром утащить в тундру. Пора выходить под Хордьюс. Попытались вытащить из иглу пожитки через кухню, оказалось проблематично, решили провалить иглу шестером не могли этого сделать, тогда прорубили топором щель и выпилили выход. Уложились. Прощай, иглу наш приют в пургу и мороз.

Ночевали без комфорта в палатке со снеговой стенкой. Через полтора дня вышли от иглу под Хордьюс. С утра сделали разведку подъема. С обеда отправились на восхождение. Чтобы не потерять на обратном пути стоянку, на стенку у палатки повесили чехол от гитары и пустые мешки. Взяли обратный азимут на лагерь. Уже пуржило; подъем шел по узкому логу. Если по пути попадали камни, мы из них выкладывали пирамидки-туры для обратного хода к палатке. Пурга заворачивала не на шутку. Поднялись на первый зуб Хордьюса, оставили записку. Дальше невозможно было двигаться, пурга сбивала с ног. Стали возвращаться. Пока спускались по логу, все было хорошо. На выходе из лога в тундру все наши туры из камней были разметаны ветром. Видимости никакой, сплошная стена ветра и снега. Пурга срезала лыжную. Обратный азимут ненадежен.

Мы развернулись по нему шеренгой в прямой видимости друг друга и продолжили движение в направлении лагеря. Совершенно неожиданно обнаружили следы «тычки» от лыжных палок, следы лыжни утренней разведки. По ним

вышли на лагерь. Снеговая стенка разрушена, палатка сорвана с растяжек, чехол и мешки унесены ветром. Подняли и установили палатку, совершив при этом убийство полевой мыши (просто затоптали в палатке) Устроились на ночевку. Ужин с «Освенцимом». Ночевали плохо. Палатку засыпало снегом, она придавила нас, одному из участников приснилось, что его похоронили, он с криком вскочил, разбудив все население «Большого манси». Зажгли фонарь, осмотрелись и успокоились.

Утром снова происшествие. Пурга натолкала снег под нашивки на брюках, и теперь брюки скрипели при каждом движении. Дежурный вместо двух примусов для приготовления завтрака решил разжечь сразу три. Примусы очень плохо разжигались, дежурный для разогрева налил керосин на чашечки примусов и поджег его. Один из примусов «проснулся» и взревел. Чтобы не было пожара, дежурный решил выбросить примусы из палатки,

два успел, а один вцепился ему крючком за штаны и взревел под ним. Дежурный выскочил из палатки. Он крутился с примусом по снегу, пока тот не отцепился и он не бросил его в снег. Завтрак был спасен. С «Освенцимом» дежурный сварил кашу и кофе. Мы уложили нарты и взяли азимут на станцию железной дороги Абезь. Через два дня вышли к первому лесу, это были две лиственки, около которых ребята прокурили целый час. По карте должна быть река Юнъяха, но таковой не обнаружили, зато вышли на избушку, вровень с крышей занесенную снегом, набитую белыми куропатками. Значит, жилье близко. Решили сделать дневку и истопить баню. Для бани выпилили в снегу яму глубиной 2 метра, не достали до земли; и выпилили входные ступени в нее. Потом развели костер из кустарникового сушняка и протаяли яму до почвы. Нагревали для каждого по ведру воды и мылись в яме, переключая ее спальником «Большим

манси». Шестакова посвятили в «Пупыри».

Через день вышли к настоящему лесу (пихта) в долине реки Уса. Снег глубокий и рыхлый; нарты не идут. Перераспределили груз. Что в дальнейшем не потребуется, оставили на стоянке (в том числе и нарты). Хотели сжечь канистру с топливом, благо его теперь было в избытке. Канистру бросили в костер, пришлось спастись от взрыва и выбросить канистру в снег. Ее от перемены температуры и давления сплющило.

Перебрались через реку Уса, в поселок Горняк. Пошли искать в поселке ночлег; нам отвели школу. На радостях пошли в баню, она не работала, но мы наготовили дров, и нам ее разрешили затопить. Мы с удовольствием помылись и пошли в школу. По дороге купили ящик сухого вина. Сразу же объявился «помощник» – преподаватель физики из этой школы. Беседовали с ним до утра. Утром на автобусе уехали на станцию Сивая Маска, а потом, поездом через Киров, в Свердловск.

Владимир Юкчубаев
Рисунки А. Туманова

Просто разведка

Вечер и сумерки накатывали медленно, но неумолимо. Так же неотвратимо крепчал мороз, в тайге становилось темнее. Полумрак все плотнее окутывал высившиеся на горизонте безмолвные горы. Обледеневшие болота расстились то справа, то слева, словно белые простыни. Накатанная дорога крутила по кромкам без устали: то ныряя в неглубокие распадки, то – в кедровые мандалы или сосновые бора. Так же без устали крутил баранку Вадим, бессменный водитель нашей вахтовки – разбитого «Урала». Вахта дело серьезное: нужно всегда и везде успевать, вовремя увезти бригаду на буровую или, наоборот, вывезти на базу. Порой приходится Вадьке

неделями не выходить из кабины своего «Урала», перехватив для сна пару часов.

Я сгорбился в углу кабины, в ногах мешался ящик с приборами, из-за которых мы ехали в такую даль, ящик не давал спокойно вытянуть ноги и хоть на минуту расслабиться. Во рту неприятный привкус сигарет, нестерпимо щиплет глаза от застоявшегося дыма, и почему-то тянет в сон. Вадиму все нипочем, во рту – бессменная «беломорина», похоже, о сне он и не думает, а у меня просто слипаются глаза. Стоит мне только задремать, как очередная колдобина приводит в сознание толчком такой силы, что кажется, вот-вот головой пробью крышу кабины и вылечу в сугроб.

Из сладкого забытья вывел дикий рев Вадима:

– Михаил, кончай спать, скоро приедем, вот-вот буровая, осталось совсем немного. Где-то километра четыре, не больше.

– Да ты мне это же говорил часа три назад.

– Ну, ошибся, а сейчас точно, от этой гнутой кедрины всего одну длинную болотину проскочить и – дома.

– Сколько время, Вадим? А то все едем, едем, ни конца, ни края.

– Зачем тебе время? Считаю – приехали. Совсем немного осталось, в столовую – и спать.

– Ты лучше на часы погляди. Столовая закрыта, и работы не впропорот.

– Какая работа с дороги? Отдохнуть нужно. Нет, только в столовую и спать, все остальное потом.

В этот раз Вадим не обманул, стоило выехать на болото, как вдалеке, словно елка в огнях, увешанная гирляндами, засверкала наша буровая.

– Я же говорил – вот и разведочная буровая «Р-41» во всей красе. Только уж очень далеко, почти сутки добирались, а мне еще обратно, но это завтра.

– Успеешь выспаться, вдруг попутчик на обратную дорогу будет, а может, попутчица.

– Какая попутчица, откуда они там?

– Говорят, там новая геологическая есть или лаборантка – Надюха. Вдруг домой засобирается, вот тебе и попутчица. Всю дорогу будешь рассказывать.

– По такой дороге много не расскажешь, тут гляди в оба, а то в сугробе окажешься, помощи ждать неоткуда.

Пока ехали последние километры, окончательно стемнело и, кажется, стало еще холоднее.

– Вадим, подъезжай к нашей станции, выгрузимся, а там видно будет.

Будто услышав мои слова, в крайнем вагончике приоткрылась дверь, выплеснув в морозную ночь клубы плотного пара и тепла, словно в сказке из света высунулась лохматая голова Маги, или правильнее Магомед. Посмотрев на нашу машину и мгновенно оценив, что ждать от нас нечего, так же не спеша он исчез за дверью.

Бригада отдыхает, кто спит, кто играет в карты, кто читает, а некоторые просто бездельничают. Поселков поблизости нет, нет и телевизора, поэтому особо заняться нечем.

Наш балок, где живут и работают геофизики и геологи, притих на окраине лагеря, примолкший и одинокий в ночной стуже, даже не светится ни один огонек в промерзших окнах.

– Все, Мишаня, не ждет тебя сегодня никто, видишь, темнота сплошная. А кто еще там у вас работает в эту вахту?

– Васька, но ты не знаешь его, первый месяц работает.

Со скрипом машина остановилась у нашего жилища. Приоткрыв дверцу, я выскользнул наружу, вмиг меня окатило гжучим морозом, окутало паром дыхания до озноба, мороз пробрался под полушубок, сковал зимние полусапожки, превратив ноги в подобие ходуль. Взяв ящик с геологическим модулем, я, распахнув настежь дверь, вбежал внутрь, следом за мной протопал и Вадим.

– Сейчас чайку горяченького поьем, перекусим что-нибудь, и жизнь наладится. Васька! Где ты? Не слышишь, приехали гости. Проснись, давай, собери на стол. Замерзли же, и воды дома нет.

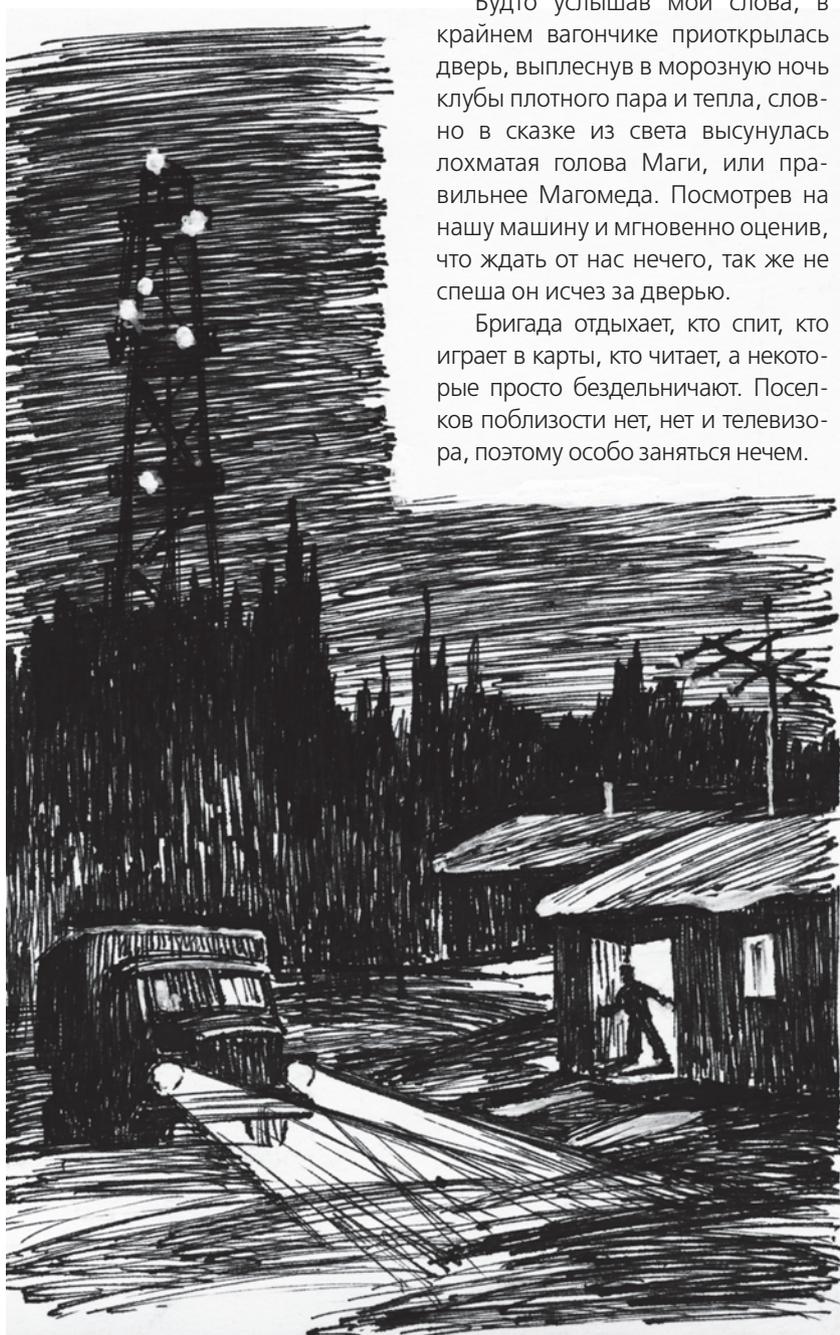
Заскрипев, приоткрылась дверь спального отсека:

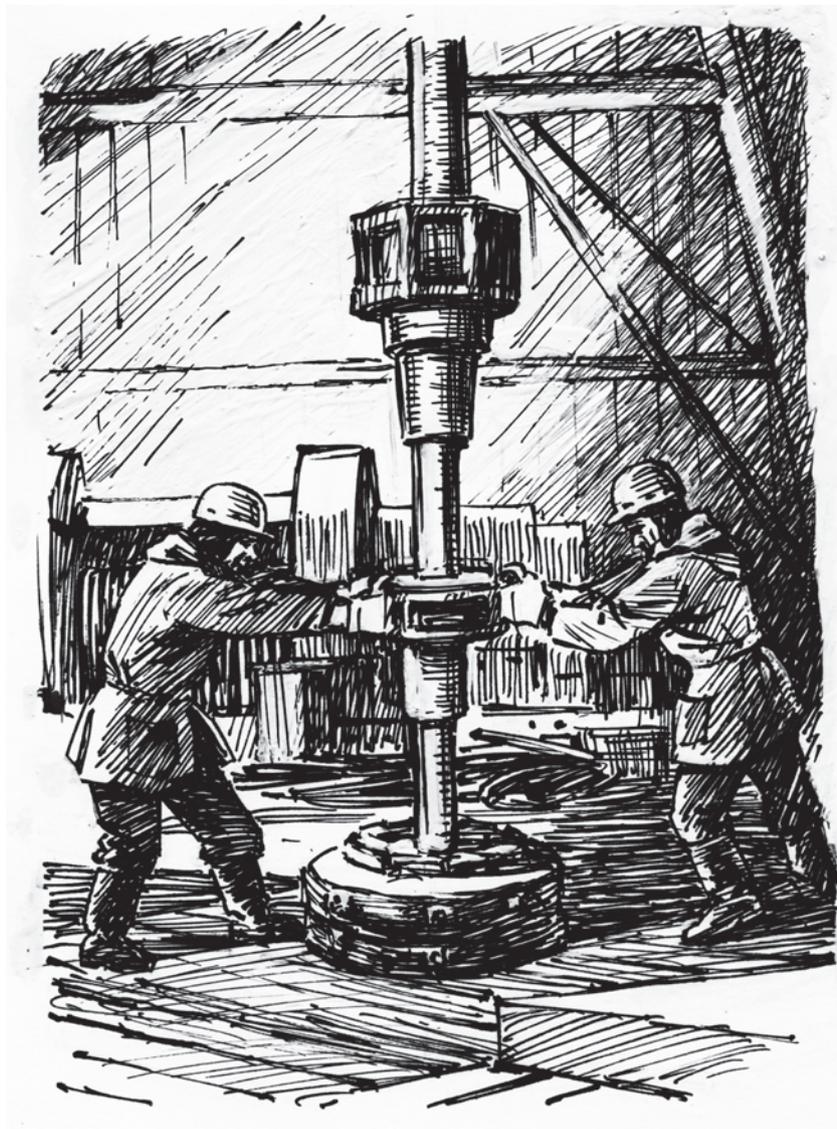
– Ну что ты, право слово, раскричался, все у нас есть и даже вода, хлеб в столовой взял, чай на столе, поесть, правда, ничего. Да еще в столовую можно сходить, Вика не ушла, готовит что-то на завтрак. – Сонный и весь помятый Васька наконец-то выбрался к столу.

– Приехать приехали, а что привезли, кроме приборов? Колбаса и сыр, конечно, неплохо, а кофе просто чудесно. – Не торопясь, Василий долил в чайник свежей воды, щелкнул выключателем, нарезал хлеб, выставил банку рыбных консервов и умиротворенно устроился за столом в ожидании чего-нибудь посущественнее.

– Есть, все есть. Подожди секундочку, дай Вадиму отдохнуть, а то гоняешь, как на ипподроме.

На ужин ушло два часа, Вадим лег спать на верхней полке, а мы решали свои проблемы. Тянулся уже четвертый день вынужденных

простоев, когда температура опускается ниже сорока, когда стынет металл и становится хрупким, словно стекло. Поэтому на буровой все работы приостанавливаются в ожидании потепления.

Сейчас у нас все в порядке, аппаратура в рабочем состоянии, все хорошо. До проектной глубины еще далеко: бурить, как минимум, два месяца, так что нас никто не подгоняет и режим работы у нас размеренный и устойчивый. Только нас волновало, как определить газ, с какой глубины, нефтяной или болотный. А главное, какое его содержание в пласту.

– Пойдем тогда спать, утро вечера мудренее.

И как в давно забытом фильме, мелькают кадры молодости и юности. Выпускной в школе: было

весело, несмотря на то что мы прощались с юностью, а некоторые и с затянувшимся детством. Вспоминается наш нефтяной техникум, который определил наши дальнейшие судьбы. Распределение на место работы – кому куда, это лотерея, кому повезет, а кому нет. Повезло ли мне? Как сказать... Но ничего, прижился, и с работой повезло как никому другому. Нефть только начиналась, Нефть с большой буквы. Тюменская нефть! О которой потом будут слагать стихи и петь песни. Многих она сломала, многих взяла к себе, но многие выстояли, а меня она просто заморозила-затянула, на многие годы, а может, навсегда. И не будет ни сил, ни желания сменить давно обжитый махонький Мегион на большой и солидный город – город, где

много пыли и где все куда-то спешат, постоянная суета и толкотня, утомляет и быстро надоедает. А вот Мегион, где все в кучке и нет никакой суеты и толчеи, вполне устраивает. Все существование таких городков, как Мегион, жизненно связано с поиском и добычей нефти, только с ней и ни с чем другим. Иссякнет нефть, и исчезнут с карты страны такие города, как этот, города-спутники нефти.

Все же однажды мне тоже повезло, когда я стал участником открытия новой залежи нефти, нефти, на которой все и стоит, и держится в Тюмени. Давно, правда, это было, в то время я был еще простым оператором на станции. Бурила почти такая же буровая, найти нефть мы, конечно, и не надеялись, просто бурилась разведочная скважина, и у нас была цель – изучение геологического, так сказать, разреза. Все шло своим чередом, уже пробурили две с половиной тысячи метров, осталось где-то пробурить совсем немного, когда у нас на станции забастовали все приборы. Одни зашкалили вправо, другие влево, запищали – заверещали газовые анализаторы, а дело это было в глухую, такую же морозную ночь, когда глаза слипались и думать ни о чем совсем не хотелось. С большим трудом я раззявил слипающиеся глаза, не понимая еще, что творится – неужто какая авария? Тут меня подбросило к компьютеру, среди путаницы кривых с трудом разобрался, что в общем-то все в порядке, на буровой все нормально, просто в буровом растворе огромное количество всяких разных газов. Не медля включил переговорное устройство и гаркнул во всю мощь динамиком на пульте бурильщика:

– Эй, Серега! – а это его была ночная смена. – Новожилов, проснись, гляди, газ попер, как бы беды не случилось. Давай вставай на промывку, промыть надо скважину и раствор очистить от газа. Хватит недра дырять, постой немного, а я к мастеру сбегаю.

– Как это постой? Ты что это, Мишаня, шутишь? Какой тут газ? В этом-то болоте, кроме жаб, ничего и нет. Ты, Передереев, не пугай нас, бурить нам надо, метры стране давать, сам знаешь, план это главная штука, а это и зарплата да северные, глядишь, и денежка в карман накапает. А впрочем, иди к мастеру, только спросонья он жутко злой, – прохрипел динамик и заглох.

А как не хочется выходить из теплого балка на стужу и холод, но ничего не поделаешь – работа такая, черт ее дерит. При всяких неожиданностях в первую очередь надо предупредить мастера, а уж он-то знает что делать, в каких только переделках не побывал наш Михеич. Он быстро соображает даже спросонья, а тут надо быстро думать, газ это очень опасная штука, особенно когда под жутким давлением он

с ревом вырвется из скважины наружу – его уже ничем не остановишь, не задавишь. Сметая все на своем пути, выбрасывая тяжеленные бурильные трубы с километровой глубины, словно карандаши, складывая буровые мачты, словно карточный домик, окутывая голубоватым инеем, вырвавшись из глубин, газ от малейшей искры вспыхивает, превращая всю округу в огромный ревущий неуправляемый факел, не дай бог, случится и у нас. Быстренько натягиваю поношенную телогрейку, на ощупь натягиваю свои такие теплые валенки и вываливаюсь в ночь и холод.

Услышав мою «пламенную речь», Михеич кубарем скатился с кровати, с виду не крупный, даже вроде и хрупковатый, а на самом деле упертый и со стержнем внутри, а опыта буровицкого за спиной немерено.

– А не шутишь, Миха, может, твои хитрые приборы врут и нет газа никакого. А может, они ошибаются, а?

– Нет, Михеич, не ошибаются приборы. Нефть рядом! Чую я ее, вот увидишь. Керн, когда поднимем, точно нефть будет.

Михеич метнулся на буровую, а я в тепло своей станции, поднимать своего напарника, спать в такое время просто преступление, тут такое заваривается, а он дрыхнет!

На буровой тоже зашевелились, инструмент приподнялся над забоем, и резко подскочило давление промывки, Михеич дело туго знает. Сейчас будут мыть и промывать скважину, вымывая из нее весь газ, до тех пор пока мы не дадим добро бурить дальше.

Не успел я поднять Генку с теплой постельки, как в настезь

распахнувшуюся дверь в клубах пара и холодного воздуха к нам ввалился инженер по буровым растворам Караваев, или просто химик, как их все зовут на буровых.

– Сами не спят и другим не дают, – с деланным возмущением загудел Петруха, – сейчас придется утяжелять раствор! А чем? Нет ничего, запросил базу, обещают только к утру подвезти барит, а сейчас что? Сейчас просто сыпать глину, а какой прок, да никакого.

– Так не сыпь, жди утра, а может, к утру и буровая взлетит, тогда и барит будет не нужен, – сказал проснувшийся Генка, – что-то же нужно делать, чего ждать.

– Глядите! Еще один советчик проснулся, – взвился Петруха, – да что вы понимаете в технологии буровых растворов, это же целая наука, книги об этом написаны, а они – глину сыпь. Ладно – глина, а нефть-то есть или как?

– Как-как, газы нефтяные, понятно тебе, растворная душа. У нефти свои газы, только свои и никакие другие. Газы, которые выделяются из нефти, вот они и есть ее спутники, как у алмазов спутник – камень пироп, например, нашел пироп, ищи рядом алмаз, так и у нефти.

– Ладно, ученые, заморочили голову, пошел я раствор утяжелять. – И снова скрылся в клубах пара.

– Мишаня, правда, что газ пошел, а я думал, здесь ничего не будет, а тут слышу, ну просто чудеса, да и только.

– Конечно, правда, содержания просто огромные, того и гляди, выброс будет. Так что зевать не приходится, давай на всякий случай приготовим все материалы по пробуренным метрам, приготовимся на случай эвакуации, а то потом будет поздно.

– Надо вещи прибрать, упаковать в рюкзаки, некогда потом собирать.

За окном зарождался новый день, тягучий и долгий рассвет нехотя заполнял все закоулки укутанной в белые перины тайги

и промерзшие болота. Мы с Генкой были готовы к срочной эвакуации, вещи уложены, материалы по скважине скопированы на диск, который тщательно упакован и спрятан в глубине рюкзака. Больше нам ничего не оставалось делать, как отправиться в столовую.

Там было тепло, а за столом сидели Саня с Олегом и травили свои нескончаемые байки. Нехотя препирались между собой и цепляли недвусмысленно нашу повариху Аленку, а той палец в рот не клади, откусит по локоть и не заметит, язычок у нее как бритва.

– Глядите, наука появилась, куда нефть-то дели? А то мы уж бидоны приготовили, а может, напрасно? – издали начал свои прибаутки электрик Санька. – Поставили всю буровую на уши, а сами спокойно в столовой сидят.

– Вот-вот, – вторит ему Олежка, – в столовой спокойней, Алена рядом, всегда накормит.

Не обращая внимания на реплики Олежки и Сани, мы устроились за угловым столиком в ожидании, когда же Аленка увидит и нас.

Все же наше терпение увенчалось успехом, Аленка накормила нас завтраком, после которого мы вновь поспешили на станцию.

Ничего особенного за время нашего отсутствия не произошло. Бурение приостановилось, шла интенсивная промывка скважины. Подвезли в мешках барит – это такая мелкая крошка очень тяжелого минерала барита, за счет его веса утяжеляют буровой раствор, который потом прочно удерживает рвущийся наружу из недр газ. Часть бригады была занята на разгрузке мешков с крошкой барита, а остальные во главе с Петрухой засыпали его в огромные емкости с буровым раствором.

С большой осторожностью долото коснулось забоя, и по миллиметру, под неусыпным оком Михеича, углубка скважины начала продолжаться.

К утру благополучно бурение закончилось, пришла пора

поднимать наверх пробуренную породу, вот тут-то и все определится, пустая порода или наполненная черной пахучей нефтью.

С тревогой, надеждой и отчаянной решимостью мы с Генкой ждали момента, когда первые куски породы достанут из специальных буровых труб. Наконец, подняли последний инструмент, и из керноприемника на буровую площадку выпали первые куски керна – песчаник! Чистый песчаник, пропитанный бурой пахучей жидкостью! Нефть, только она одна имеет такой запах – запах давних тысячелетий, дошедший из далеких глубин, из самых недр Земли, разве возможно его спутать с другим запахом?

Ура!!! Нефть!!! Вот она, родимая, для нее, все для нее, и эти бессонные ночи, и непростой труд буровиков в жару, и дикие морозы, труд сотен людей, и не только именно здесь, в тайге среди болот. В нашей нефтеразведочной экспедиции, в разных НИИ, где до хрипоты спорят ученые, доказывая свою правоту – где ее искать, родимую, и как.

И все же мы сумели подсечь нефтеносный пласт, не пропустили и не перепутали с десятками похожих горизонтов. Так что по буровой мы ходили героями, и нас даже зауважали, как-никак, а тоже первооткрыватели, а не просто ГТИшники, это так называется наша станция – станция геологических исследований.

Конечно, потом на базе были почести, и даже благодарственную грамоту ко дню нефтяника выдали, а вот медали за первооткрывательство не дали. Наверное, не положено, да это и не так важно, а важно то, что мы были у истоков открытия до этого неизученного нефтяного горизонта, который впоследствии вскрывали и другими скважинами с хорошими запасами нефти. Но все же мы были первыми!

С такими обнадеживающими мыслями я заснул. Снились забытые кем-то буровые с полной оснасткой, готовые к работе, но проржавевшие. Заросшие черто-

полохом и кустарником когда-то жилые балки, а сейчас одинокие и никому не нужные. К чему бы это?

Проснулся, как всегда после необычных снов, с тяжелой головой. На верхней полке похрапывает Вадим, Василий спит тихо, только изредка что-то бормочет во сне. Сколько же времени? На циферблате моих часов уже полседьмого, нужно подниматься.

После вчерашнего ужина на столе осталось не очень-то много, но достаточно для нормального завтрака. Пока я рассуждал сам с собой, проснулись Вадим с Василием.

Мы с Васей расставляли микроскопы и другие хитрые приборы для изучения проб шлама (это все то, что остается от пробуренных пород, и, конечно, для описания поднятых образцов пород, а проще говоря, поднятого с далеких глубин керна).

Вадим, наскоро надев шапку, в валенках на босу ногу выскочил проверить своего кормильца «Урала». Все же машина проработала всю ночь под окнами нашего балка, потому что глушить ее в такой мороз просто нельзя. Двигатель выстудится до такой степени, что потом будешь целый день отогревать, чтобы вдохнуть в него жизнь.

Через полчаса появился Вадька, продрогший, но довольный, – с машиной все нормально, позавтракаем и можно ехать домой.

– Михаил, а может, поедем вместе до дома? Что здесь тебе делать, у Васьки все в порядке, даже работает.

– Даже не знаю, давай, сходим в столовую, поговорю с мастером, а там все решится. У Василия все в порядке, а чуть что, пришлю помощника, пока бурения нет, дежурить можно одному. Как ты на это смотришь, Вася?

– Вполне нормально, одному даже лучше, никто не мешает. Занятие по душе всегда можно найти. Красота.

– Тогда ладно, переговорю с начальством, и все спланируем.

Пока ребята ходили в столовую, я обошел буровую. Да, странная и необычная картина – примолкшая буровая, вся в объятьях мрака и холода. Бригада отдыхает в балках, и на буровой пусто и одиноко. Что-то похожее мне приснилось этой ночью, поэтому настроения с утра не было.

Как бы там ни было, надо идти к буровому мастеру решать проблемы, это, конечно, не Михеич, но так-то знающий мужик, с ним говорить легко и просто.

На все про все понадобилось около часа, были решены основ-

ные вопросы. Какие еще датчики нужно будет установить на буровой, чтобы вырисовывалась ясная картина проходки скважины. Когда в любое время дня и ночи мастер или технолог смогут на мониторах наших компьютеров видеть реальную картину работы всех узлов буровой установки. Больше мне решать было нечего, можно возвращаться домой.

Вновь перед глазами замелькала зимняя тайга, безмерные болота и дорога с ямами и кочками, одним словом, плохо накатанный зимник и Вадька с дымящейся «беломориной» в накрепко сжатых губах. Глаза сами собой слипаются, и голова заваливается куда-то набок, дремота накатывает неумолимо, и нет ни сил, ни желания противиться, только очередной ухаб мгновенно приводит в себя, и сон улетучивается, чтобы через какую-то минуту вновь накатить с еще большей силой. Вот примерно в такой борьбе и проходит остаток дороги до дома, дома, где ждут другие проблемы, которые нужно решать быстро и без промедления. Так и летят года, не успеваешь и оглянуться, как – сорок, а за ними пятьдесят, а впереди столько еще незавершенных дел и разных задумок, на которые не хватит целой жизни.

Наталья ПАЭГЛЕ

Фото предоставлено автором

Спасающий красоту

«...Однажды, только я выехал из поселка, как услышал звонкую птичью песенку. Я остолбенел: морозное утро, а какая-то птаха красиво поет?! И вижу: на одной из веток, прицепившись к шишке, висит птичка покрупнее воробья, красивого красного оперения. Повозившись с шишкой, клест, а это именно он и был, громко запел. Смотрю в бинокль и вижу у ствола гнездо, в глубине которого восседает самка клеста» – это только небольшая картинка из удивительных «Фенологических заметок» Олега Викторовича Штрауха, изданных недавно в Екатеринбурге.

Издание интересное и представляет собой собрание рисунков «художника северного края», как называет его в предисловии

искусствовед Н.Н. Мамаева. Но Олег Викторович не только художник, в первую очередь он – исследователь природы родного края, действительный член Географического общества, член уральского орнитологического общества, член Союза охраны птиц России, почетный гражданин города Ивделя и просто удивительный человек. Мы познакомились с ним три года назад.

Благородство манер – абсолютно естественно для него. Небольшого роста, с тонкими, интеллигентными чертами лица, он напоминает мне птичку. А может быть, такое впечатление создается только оттого, что сам всю жизнь он изучает птиц. И душа у Олега Викторовича поет так же, как поют

птицы, радуясь восходу солнца, предвещающему жизнь.

Птицы у Штрауха были везде. Целые горы рисунков на столе, на полках книжного шкафа, птицы на диване и на окне.

– Я – художник анималист и реалист, что вижу, то и рисую, – раскладывая передо мной рисунки, рассказывал Олег Викторович.

Они не просто выполнены в цвете, они реально отражают окрас пера птиц, листву деревьев, закат и грозу, цвет неба и озера. Рисунки – это сюжеты из настоящего состояния природы, увиденные фенологом Штраухом. Птицам, конечно, отдан приоритет во всем, но и звери в почете у Олега Викторовича. Кабаны, лоси, лисы, медведи отображены в рисунках.

А поэтому не случаен мой вопрос о том, как же можно было это все с натуры рисовать, если даже бывалые охотники не рискуют один на один с медведем оставаться?

– Я тоже охотник был неистовый, – рассказывал Олег Викторович. – Бинокль и ружье – спутники жизни. И все мои зарисовки на самом деле из жизни. Другое дело, что перед медведем или кабаном я, конечно, с палитрой не стоял. Делал карандашом наброски или снимал фотоаппаратом. А дома переводил на бумагу и краски. Детали старался передать максимально. Птиц я много лет наблюдал, знал их повадки и песни. Даже тех, которых стрелял на охоте, потом изучал, например, особенности оперения, а больше всего из птиц люблю вальдшнепа. Красивая птица, необыкновенная!

Ранним утром, еще до работы, уходил я в тайгу, записывать птиц, – говорил он, – а к восьми возвращался на работу. Это давало мне запас бодрости и сил. Я всегда хотел жить только рядом с лесом!

Еще недавно мне было жаль, что такие уникальные рисунки хранятся невостребованными, в то время, хотя, несомненно, представляют интерес с разных точек зрения. Сегодня около 100 рисунков переданы в Свердловский областной краеведческий музей, отдел природы, которым руководит Елена Сергеевна Скурыхина, и уже не один раз они были представлены на персональных тематических выставках. И вот теперь они изданы альбомом «Птицы Северного Урала», где содержится 60 прекрасных иллюстраций, оформленных словно в отдельной рамке каждая.

– Эта форма выбрана неслучайно, – говорит инициатор издания Ирина Анатольевна Кузнецова, старший научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН. Отдельный лист дает возможность использовать рисунки как наглядное пособие в школе или библиотеке, закрепить его перед зрителем на стене. Ведь рисунки Олега Викто-

ровича представляют огромный интерес с познавательной точки зрения, будут так полезны на уроках природоведения, биологии, географии...

Своим выходом в свет это интересное издание обязано нескольким людям, а еще стечению обстоятельств, когда пересеклись пути нескольких энтузиастов, на которых до сих пор держится мир. Первый из них – Олег Викторович Штраух, которого искусствовед Н.Н. Мамаева называет «художником-примитивистом»: он «писал акварели для души», писал их всю свою долгую жизнь. Другой энтузиаст и в данном случае идеолог проекта, Ирина Анатольевна Кузнецова: изучая природу Северного Урала, в своих путешествиях добралась до поселка Полуночного, где в тот момент жил Олег Викторович. Там они и познакомились. Не один год мечтала Ирина Анатольевна об издании альбома уникальных рисунков, но, как известно, только тогда мечты становятся явью, когда подкрепляются деньгами. А денег старший научный сотрудник академического института найти никак не могла. И тут опять другой случай свел ее еще с одним энтузиастом, Павлом Леонидовичем Поповым, жителем Красноуральска, который, вдохновившись творчеством анималиста, создал мультимедийный диск, послуживший в свою очередь хорошей рекламой, с которой Ирина Кузнецова в поисках спонсора продолжала стучаться в разные двери. И достучалась. Материал с диска произвел большое впечатление на руководителя департамента по рациональному использованию и охране животных Министерства природных ресурсов – Михаила Ренатовича Бокачева. Он-то спонсор и нашел – издателя Дмитрия Михайловича Усачева. Огромное участие приняла и Елена Сергеевна Скурыхина – ведь переданные в музей рисунки для печати надо было отсканировать, все 100, подготовить к публикации, и это отнюдь не минутное дело! Цепоч-

ка замкнулась, в результате перед нами красочный альбом.

Тираж альбома не велик, всего 100 экземпляров, но важен сам факт издания в плане сохранения творчества удивительного краеведа, исследователя-натуралиста и художника. Альбомы переданы в школы, библиотеки и музеи городов Северного Урала: в первую очередь Ивдельского городского округа, а также Североуральска, Волчанска, Красноуральска, Карпинска. И конечно, часть тиража передана самому Олегу Викторовичу.

Судьба Олега Викторовича не проста. Счастливое детство в хорошей семье, казалось бы, могло стать залогом не менее счастливой будущей жизни. Но Великая Отечественная война распорядилась по-своему. И Олег Штраух, молодой, талантливый, влюбленный в науку человек, только за принадлежность к немецкой национальности оказался в Ивдельлаге. А здесь, как пишет И.А. Кузнецова в авторской статье к изданию, «все было, вплоть до самой тонкой грани между жизнью и смертью», но он не только уцелел, но и остался влюбленным в жизнь, «сохранил способность видеть спасающую красоту». Не могу забыть о том, как, когда я уезжала от него три года назад, он, провожая меня, искренне произнес: «Я такой довольный своей судьбой, такой довольный, грех жаловаться...»

Лето этого года Олег Викторович провел в Ивделе, а на зиму собирался к сыну в Пелым. За ним обещали приехать со дня на день. И вот еще одно замечательное стечение обстоятельств: буквально за два дня тираж был готов! И тогда Ирина Анатольевна загрузила альбомы в личную машину, и вместе с Еленой Сергеевной они двинулись в путь. На север.

Надо ли говорить о том, как был счастлив Олег Викторович! Труд всей его жизни в этом издании! Он видит его и держит в руках! Он получил признание!

Через три года Олегу Викторовичу 90 лет. А он собирается еще в лес. Славный человек и оптимист.

Фото из архива Уральского следопыта

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ. ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ - 2010»

14 ФЕВРАЛЯ 2010 года журнал УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ проводит на площади им. 1905 года города Екатеринбург традиционные молодежно-патриотические состязания ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ. УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ-2010. Журнал УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ - издание, имеющее огромный, многолетний опыт поддержки и освещения различных видов активного отдыха. Соревнования по ледолазанию проводятся с 2008 года. В рамках фестиваля ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ-2010 планируется провести конкурс ледового граффити, соревнования по зимнему велоориентированию и состязания рыболовов.

Основная задача ЛЕДОВОГО ШТУРМА – популяризация среди Свердловской молодежи экстремальных видов спорта и активных видов отдыха, продвижение идеи семейного самостоятельного и организованного туризма.

ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ включает в себя зрелищные и познавательные состязания:

Творческий конкурс Ледовое граффити будет проводится в два этапа в Ледовом городке на площади им. 1905 года. 7 февраля пройдет первый отборочный этап: проба рисования на тыльной стороне стены Ледового городка (по 1 кв. м. на участника). 13 февраля состоятся состязания по нанесению граффити на внешнюю сторону стены Ледового городка вдоль ул.Ленина с 12:00 до 20:00. 14 февраля участники совместно распишут главное панно – финальную трассу состязаний ледолазов при помощи специальной техники и горного снаряжения. В завершение фестиваля будет запущен праздничный фейерверк.

Соревнования по велоориентированию начнутся в 10:00 на городском пруду от плотины и закончатся в 20:00 в Ледовом городке на площади им. 1905 года. Всем участникам выдадут карты-схемы. Участники будут поделены на две группы ЛАЙТ и ПРО.

Сразу после старта велосипедистов на лед пруда выйдут участники состязаний по зимнему лову на мормышку. С 10:30 до 14:00 они будут определять сильнейшего.

Традиционные соревнования по ледолазанию начнутся в 16:00 и закончатся в 20:00. С 10:00 до 16:00 будет открыта трасса для начинающих, всех физически подготовленных людей. «Альпиндустрия» обеспечит участников страховкой и снаряжением.

Таким образом, на площади им.1905 года, в самом центре города Екатеринбурга, УРАЛЬСКИМ СЛЕДОПЫТОМ будут представлены зрителям различные виды экстремальных или просто активных видов спорта и молодежного творчества.

В это же время, традиционно пройдет выставка снаряжения, оборудования и экипировки, на которую приглашаются ведущие производители, поставщики и продавцы города и региона.

Приглашаем на праздник!

Встреча одноклассников

Александр Викторович всегда работал по общественной линии – сначала в комсомоле, потом в стройотрядах – естественно, командиром. Затем областным руководителем – под его началом были уже командиры. Дальше... нетрудно догадаться: он командовал командирами командиров.

Изо всей этой замысловатой карьеры Александр Викторович вынес испито-приветливое выражение лица и способность переходить на «ты» с собеседником уже на второй минуте разговора. Нам «переходить» не требовалось. Мы много лет проучились с ним в одном классе. Теперь же оказались соседями за столом. Бывшие одноклассники собрались на очередной юбилей по поводу круглой даты – прошло целых двадцать лет с того момента, как мы закончили школу...

Напротив меня за столом оказалась Наташка, кажется, Терехова – фамилия припоминалась с трудом. Ее присутствие удивило: она никогда не была «активисткой» общественной жизни. Напротив, примыкала к той части класса, что по мере возможности саботировала общественные начинания и вела «неправильный образ жизни». В школе такие ученики были «в уважухе» и почете: правильные дети страшно им завидовали. Но и побаивались такой жизни, отчего попробовать курить хотелось еще сильнее.

Сразу после окончания школы все менялось ровным счетом до наоборот: самые крутые амбалы оказывались самыми тупыми. А интеллигентные хилаки поступали в институты и по окончании зарабатывали больше «крутых» раза в три...

В моей школе, однако, до грузчиков не доходило – физико-математический уклон обязывал. Так что самые «клеевые» шли в военное училище. «Хилаки» – в университет.

В общем, в институт Наташка так и не попала. Я ее встретил потом в военкомате; она выдавала справки об откреплении от армии тем, кто поступил. Незавидная должность для поисков жениха – у всех ведь уже сокурсницы на горизонте. Потом слышал, что она все же вышла замуж. За курсанта. Ехать с ним в Сибирь по распределению отказалась; развелась. Теперь, говорят, он молодой генерал.

Справа от меня оказался Мишка Гудков. Это было как глюк: в школе мы с ним два года просидели за первой партой. Меня в наказание посадили, а он отличник был. Ему нравилось. Он любил природу, рыбалку и особенно катание на байдарке. Я с ним однажды тоже в поход ходил. Правда, едва согласившись, тут же передумал. И, когда настало время идти, тихо слинял на дачу. Однако на байдарке обязательно нужен был третий. Меня разыскали, в рюкзак одели и с собой на лодку посадили. Как сейчас помню этот поход: очень холодно и все время дождь.

Третий участник нашего с Мишкой похода тоже был здесь. Андрей... вот кто парень – странный. После школы мы вместе в университет поступили, только он учиться не стал. На втором курсе бросил. «Способности открылись, – так он мне объяснил. – Людей вижу. Все их болезни, желания и недостатки: все передо мной как на ладони. – Он вздохнул. Видимо, знания давались не легко. – А иногда мысли читаю, – продолжил задумчиво. – Но это когда планеты правильно стоят и солнечная активность на минимуме, иначе фонит». – Как часто солнечная активность совпадает с правильным расположением планет, он не уточнил.

Обычно веселый и жизнерадостный, сегодня Андрей был мрачнее тучи. Я встретил его в школьном вестибюле, спросил, в чем дело. Андрей, как-то неопределенно поморщившись, ответил невнятно, что, мол, с энергетикой сбой; он такое сразу чувствует: флюиды чужеродные и ощущение угрозы есть.

Я его словам значения не придавал и дальше пошел. Как выяснилось позже – зря.

Всего за столом народца собралось человек девять. Включая классного руководителя: Бэлла Ивановну.

Она восседала во главе, убежденная сединами, и с нескрываемой гордостью оглядывала собравшихся. В каком-то смысле были мы «ее руки творенья». И творениями своими она, кажется, была вполне довольна.

Сейчас держал речь как раз – из удачливых учеников: Петр Балахович. Он в свое время начинал с компьютеров. Закончил, правда, в отличие от Абрамовича, ими же. Потому и обсуждал с нами теперь не то, какую ему купить новую яхту, а какой выбрать

Анашкин Дмитрий Владимирович, окончил физический факультет ЛГУ. Одновременно обучался в Университете музыкального искусства по классу гитары. С 1986 года играл на электрогитаре в группах ленинградского рок-клуба. Гастролировал по России с исполнителем первой советской рок-оперы «Орфей и Эвридика» Альбертом Асадуллиним. С 1998 года председатель правления одной из крупнейших в Спб общественных организаций – «Центр «Инновации». Писать начал в 2006 году.

«Мерседес». Почему у него из двух черных «Мерседесов» одинаковой длины и года выпуска один выходил – «гламурный», а второй «отстойный», уловить не удавалось никак.

Сегодня же Петя решил нас порадовать: он пригласил на вечер ансамбль, исполнявший репертуар в стиле семидесятых годов. «Это – последний писк», – пояснил он нам многозначительно. Ребята были и вправду смешные: все как на подбор крашенные блондины, в руках гитары с замысловатыми золотыми ободками; на лицах белый грим и румяна.

В общем понравилось. Вечер затянулся. Беседовал кто с кем и все вместе, много выпивали и засиделись за полночь. Музыканты давно закончили и ушли, и мы остались, пожалуй, последними в школе.

Однако двинулись. Тишина была полной. Кто-то пошел вперед, кто-то еще собирался. Я с Мишкой Гудковым, продолжая дискуссию про «наши ракеты на Кубе и не наш ядерный реактор второго поколения», почти спустился в вестибюль. В этот момент раздался крик.

– Ребята, сюда скорее, да что же это такое, замуровали нас! Быстрее!!!

Голос, кажется, принадлежал Наташке.

То, что мы увидели, спустившись, повергло в шок. Все двери, все выходы на улицу были наглухо замурованы. За открывавшимися внутрь дверями виднелась аккуратная кирпичная кладка. Совсем свежая, но уже схватившаяся...

«Красный кирпич. Хороший. – Отметил я автоматически. – Не сломать». Подошли остальные. Палитра выражений на лицах напоминала калейдоскоп, сверкавший всеми цветами радуги. От испуганного – у Наташки и Беллы Ивановны – до выражения яростного восторга у Петра. В жизни ему, похоже, осточертело уже все: прыжки с парашютом, дайвинг, катание на лошадях и вождение самолета. Теперь же судьба преподнесла сюрприз. У меня даже на мгновение мелькнула мысль: уж не он ли это подстроил? Для хохмы и от скуки... к тому же выглядел он несколько странно: его веселье было каким-то наигранным. Не притворным, в смысле того, что ему не было весело. Но он словно не верил в то, что ему хорошо...

Александр Викторович подошел к стене и профессионально поскреб ее пальцем.

– Хороший кирпич. Не сломать, – только и нашел что сказать, повторив мои мысли вслух.

Мы растерянно оглянулись. Окон в вестибюле не было.

– И здесь, здесь окна... тоже! Смотрите!!! – мы бросились на голос.

Еще одна наша одноклассница Алла, сидевшая до этого за столом так тихо, что я и забыл о ее присутствии, стояла в проеме двери, ведущей в галерейный переход. Раньше коридор был застеклен; да и теперь по-прежнему одна сторона представляла собой ряд окон. Изменение коснулось того, что было за ними.

Если до этого за окнами пестрели многоэтажки спального района, то теперь всюду виднелась только аккуратная кирпичная стена...

«Хороший кирпич», – снова послышался то ли осуждающий, то ли удовлетворенный голос. «Господи, замуровали!» – Наташка, казалось, была близка к истерике. Даже Петр в растерянности оглядывался по сторонам. От его лощеного довольства не осталось и следа.

– Что-то мне этот косяк не нравится, – опасно крутя головой, тихо проговорил он. – Одно дело – дверь, прикольно даже; а тут уже перебор пошел!

Он схватился за мобильник и нажал быстрый вызов. «Охрану вызывает», – облегченно пронеслось по рядам притихших одноклассников. Все ободрились.

Однако с охраной не выходило. Он набирал номер снова и снова... Безрезультатно.

«Это чё, блин, такое?! Что за гонимо, в натуре? – от волнения он перешел на диалект, изобилующий «бизнес-терминами». – В какой-токой «вне зоны»? Я вас, суки, щас самих на зону отправлю, чтоб не парили!»

Он ринулся вверх по лестнице на второй этаж. Мы бросились за ним, сообразив, что если кирпичная кладка закрывает весь дом, то нам конец... Нам просто нечем будет дышать! Мысль, видимо, пришла ко всем одновременно. Шумный вздох ужаса пронесся по коридору. Поднявшись, я замер у окна, не веря своим глазам: кирпичной кладки здесь не было и в помине. Но то, что я увидел, было ничем не лучше.

Из окна открывался хороший обзор: школу окружала высокая стена. Похоже, из бетона. Высотой метров пять, если не больше. На равных расстояниях друг от друга в ней виднелись четырехугольные амбразуры, из которых высовывались в сторону школы тупые трубы наподобие танковых стволов. Некоторые из труб были неподвижны, а две прямо напротив нас двигались. Они поднялись вверх и, оказавшись как бы нацеленными на нас, также застыли в неподвижности.

За забором происходила интенсивная жизнь: светились прожекторы, слышался шум машин. В небе кружили вертолеты. Я тупо попытался сообразить, как же это мы раньше не слышали ничего? Объяснение нашлось простое: столовая, в которой мы праздновали, выходила окнами во двор...

– Ни хрена себе, – изумленно выдавил Петр. Кажется, первый раз в жизни я видел его растерянным. Остальные молчали.

– Меня же Аркаша на машине ждет, я его встретить просила, как же мы теперь? – выдохнула Ленка, наш бессменный комсорг, красавица с большими голубыми глазами.

– А мне – Машку укладывать, – дрожащим голосом вторила ей Алла.

– Какие Аркаши, какие Маши... там вертолеты летают, – тихо ответил ей чей-то голос. Все замолчали.

– Так. – Петр, кажется, взял себя в руки. Весь его вид выдавал нешуточную мозговую активность. Он просчитывал возможные варианты действий – Что-то случилось – это ясно. Как нам узнать... – пробубнил он себе под нос. – И тут же лицо его просветлело. – Телевизор!!! – заорал он истошным голосом. – Где тут есть телевизор?

– В... в уч-чительской... – слегка заикаясь, выступила вперед Белла Ивановна. – У меня к-ключ есть...

– Пошли, – не терпящим возражения голосом командовал Петр и, взяв учительницу за локоток, почти поволок в учительскую. Она была открыта, Петр решительно надавил на кнопку пульта – экран засветился, и на нем возникло лицо президента России. Похоже, это была середина речи:

«... в таком формате, и я убедительно прошу граждан нашей страны не поддаваться панике. Инцидент, происходящий сейчас в Санкт-Петербурге, к счастью, является единичным. К его урегулированию привлечены все силы, в том числе международные. И мы надеемся на скорейшее прояснение ситуации. Повторяю, – президент сделал многозначительную паузу. – Не следует поддаваться панике. Эвакуация жителей Петербурга происходит в плановом порядке, лучшие ученые мира работают над разрешением природы возникшей аномалии, и результат не замедлит себя ждать. Все под контролем».

На экране возникло встревоженное лицо телеведущего:

– Повторяем, что за прошедший час в районе школы N330 Невского района города Санкт-Петербурга ситуация никак не изменилась. Совершивший посадку неопознанный летающий объект по-прежнему блокирует здание школы и находящиеся в нем люди. Ни на какие контакты объект не идет. Возможности подойти к блокируемой зоне ближе, чем на пятьсот метров, нет. По всей вероятности, работает какое-то неизвестное силовое поле. Инопланетный корабль в форме летающей тарелки изучается визуально при помощи спецтехники. По некоторым сведениям, в школе удерживаются девять человек. – Лицо диктора пропало, и по экрану поплыли картинки, напоминающие блокбастеры на тему «Конец Света»: военная техника, выстроенная боевым порядком среди одиноких многоэтажек. Небо прорезали лучи прожекторов, – На крышах домов установлены посты; ведется круглосуточное наблюдение. – закончил ведущий тревожным голосом.

Камера наехала крупным планом, и мы увидели на крыше одного из домов исполинский святающийся диск, усеянный точками иллюминаторов...

– Оп-па... – изумленно протянул Петр. Кто-то из женщин заплакал.

– Съемки, сделанные буквально только что, – продолжил диктор, и камера наехала в режиме максимального усиления. В объективе появилось здание школы. На втором этаже горел свет, и сквозь окна были видны размытые силуэты людей.

Это были мы.

Все застыли в молчании – каждый думал о своем.

В этот момент прямо напротив нас, у окна, словно из-под земли возник плазменный экран огромного размера – от пола до потолка. Появившееся на нем изображение заставило всех вздрогнуть – это было лицо довольно красивой женщины, но странным образом нечеловеческое. Оно напоминало персонажей старых фантастических фильмов, снятых по романам Жюль Верна: выбеленное, с подведенными черным глазами; прямая стойка воротника и высокая прическа, поверх которой красовался головной убор, наподобие тех, что носили египетские фараоны. Картину дополнял облегающий спортивный костюм с белой надписью «Адидас». Грудь женщины украшало бриллиантовое кольцо. В правой руке она держала совковую лопату средних размеров.

По всей видимости, внешность была собрана по частям. Полная схожесть с человеком целью не являлась: движения и мимика даже и не претендовали на это; существо словно дергалось ломаными некоординированными зигзагами. Иногда лицо, жизнерадостно улыбаясь, вдруг начинало хмурить брови, после чего сразу становилось серьезным, но ненадолго. Жестикаляция рук и вовсе не вязалась ни со смыслом, ни с интонациями речи. На заднем плане звучала электронная музыка, подходящая скорее для ночного клуба, чем для заставки телевидения.

Все в совокупности производило впечатление жутковатое.

– Люди! Мы пришли издалека. Мы не хотим вам зла. Но вы должны нам помочь... – голова ослепительно улыбнулась и сделала руками нечто, напоминающее глубокий реверанс. При этом фигура поклонилась, на секунду исчезнув с экрана. Мелькнул черенок лопаты, и лицо появилось опять. – Нам нужен преступник, сбежавший из мест изоляции и очень опасный для всего мира. Он робот, но живет в астрале... так называеете вы мир, где существуем все мы больше, чем здесь в материи сейчас. – Существо значительно подвигало бровями, одновременно подняв указательный палец вверх. – И вот в кого-то он вселился, и след приводит нас на Землю, вот в это здание, то есть к вам! Он среди вас, и мы не можем определить, в ком он конкретно; его здесь след вдруг оборвался, заметив слежку за собою, он все предпринял, что возможно. Теперь не можем мы узнать... ответить – кто из вас Андроид. Для нас вы все неразличимы... Но есть один отсюда выход: для вас Андроид чужероден и как-то должен проявиться, как – только вам одним понятно. Даем мы вам на это сутки; вы нам расскажете завтра, в каком из тел он поселился. – Голова встала анфас и лучезарно улыбнулась. Затем, вернувшись в исходное положение, закончила: – Иначе всех мы уничтожим, чтоб с этим точно нам покончить!» – Голова вопросительно склонилась, как бы ожидая реакции.

Мы молчали. Информация и способ ее донесения не способствовали быстрому восприятию. Однако

я понял единственное: они кого-то преследует. И он среди нас.

– Не, чувиха, – первым снова опомнился Петр. – Так не пойдет. Ты нам конкретно скажи, кого замочить, чтобы проблемы кончились. Мы тогда покалякаем и, может, чего решим, как вам помочь. А то, что же это получается? Вы сами не знаете, кто вам нужен? И грозитесь всех мочкануть. Мы-то тут за что ответку держать будем? – Видимо, Петр при угрозе жизни впал в окончательное волнение и перешел на блатной «бизнес-лангвидж».

Существо задумчиво посмотрело на Петра и что-то, видимо, для себя решило.

– Меня вы так и не поймете, сейчас я попрошу на помощь. – Женщина неожиданно скрылась в недрах экрана, а на ее месте появился мужик подозрительной наружности в мятом пиджаке и с небритым лицом.

– Слушай сюда, кореш. – начал он, глядя уже только на Петра. – Тут непоняток никаких нет, в натуре. Чувак один к вам походу слился, который у нас на счетчике стоял. А нам он задолжал крупно. Он – кто-то из вас. Так что терки щас уже поздняя метать. – Он испытующе посмотрел на Петра. – Или завтра в это же время вы нам его на кон, или всех без базара замочим...

– Да что же вы за инопланетяне такие, что со своими проблемами разобраться не можете! – послышался голос Александра Викторовича. – Ну, применили бы там машину времени какую-нибудь, чтоли... за что же невинных-то убивать?

Небритый исчез с экрана, на его место вплыл мужик в черном костюме и с дипломатом в руках.

– Это не вопрос. Реальность нам придется откорректировать полюбому. – уважительно пояснил новый персонаж. – Чтобы стереть следы вторжения. Обратный временной сдвиг тоже понадобится, только это потом. Чтобы вернуть вас в тот момент, когда нам пришлось вас заблокировать. Только выйдете вы в новой реальности спокойно из школы и разойдетесь по своим делам. Все, за исключением Андроида. А для вас он как бы погибнет. Еще до того, как вы вместе собрались, естественной смертью, так сказать.

Но сейчас о другом: если мы узнаем, в ком он из вас, то уничтожим только его. А всех остальных просто по времени назад сдвинем. А если нет – придется вас всех убрать. По-другому – никак... Он от нас уже три раза уходил – больше нельзя. Вред несоизмерим.

А у вас действительно есть шанс. Станным он должен для вас быть; чем-то серьезно от человека отличаться. Тем более, сейчас: пока мы вас в пространственном коконе держим, реальность для вас изменилась. Как, мы не знаем. Только наблюдайте: кто, на что и каким образом реагирует. Больше мы ничем помочь не можем. И так на всю планету утечка информации, потом чистить придется...

Экран погас. Александр Викторович оторопело смотрел в экран. В его комсомольско-активистском мозгу ситуация не помещалась...

Все некоторое время стояли молча. Потом стали настороженно поглядывать друг на друга. Известие, что между нами робот, не веселило.

Да и умирать не хотелось. Очень... Я оглянулся по сторонам: люди разбились на группы, кто кого лучше знал. На остальных посматривали подозрительно. Подошел Мишка. Только сейчас я заметил, что выглядит он несколько странно: лицо бледное, грустное, под глазами круги.

– Что же делать, что же делать теперь? – услышал я издали причитания Бэлы Ивановны. Она, похоже, как «педагог старой закалки», чувствовала себя ответственной за происходящее.

– Андрюша, что же с нами будет? – к нам подошла заплаканная Наташка. – Что за козлы такие, уроды, цирк устроили и убить пообещали! Что делать-то? – Мишка тоже посмотрел на Андрея вопросительно.

– Искать Андроида, – уверенно ответил Андрей. – А по поводу цирка... так я ничего смешного пока не заметил.

– Ага, разве не цирк – сначала фараониха эта с лопатой, потом бомж. Только последний что-то по-человечески...

– А, ты про это... – Андрей понял ее вопрос. – Они канал подстраивали... Петька наш «по фене» начал – они ему на переговоры уголовного; Александр Викторович с ними официально – они в ответ такого же, с портфелем... А вначале, я думаю, второпях интегрировали. У них, видимо, на планете можно внешний вид усреднять.

– Только нам от этого не легче, – грустно резюмировал Михаил.

– Так, друзья мои, – Петр, пребывавший первое время в прострации от услышанного, снова взял инициативу. – Есть предложение!

Все повернулись к нему – предложений, видимо, больше ни у кого не имелось.

– Думаю, никто из нас не заинтересован в том, чтобы умереть. Поэтому начинаю с простого. – Он обвел взглядом притихших людей. – Мы знаем, чувак, что ты среди нас. Инопланетяне парить не будут. Мы предлагаем тебе поступить по-нормальному. Тебе – все одно конец. С нами или без нас. Выпустить они тебя не выпустят. Вместе порешат. Так зачем тебе лишняя кровь, братан? – Он скорбно опустил голову. – По делу говорю, сдайся. Не губи бессмысленно души. – В его голове послышались проникновенные нотки. Кто-то всхлипнул. Повисла длинная пауза.

– Понятно... – недобрым голосом резюмировал Петр. – Тертый калач попался. Не зря о тебе инопланетчики хлопчут! – И так, – в его голосе появились металлические нотки. – Разбиваемся на три группы. Сейчас расходимся по комнатам, каждому – класс. Кто хочет вместе – плизз. Завтра с утра дискуссии по группам – будем странного на чистую воду выводить. Подъем в семь утра. Встреча в вестибюле. Потом голосование. – И он, нервно поигрывая скулами, первым отправился в глубь коридора, видимо, выбирать себе класс для ночевки.

Я тоже пошел, открыл первую попавшуюся дверь, прошел в класс и лег на парту.

Не спалось. Я решил зайти к кому-нибудь поговорить. В голову почему-то пришла Наташка. При ее незамысловатом жизнерадостном характере оценка происходящего могла быть простой и ясной. Этого мне сейчас не хватало. Единственной загвоздкой было – удобно ли идти? А не легла ли она уже спать, даже, может быть, разделась... а тут я со своими разговорами. «Могут не понять, – я глубокомысленно почесал затылок, но тут же сам себя осадил, – какое спать, если среди нас пришелец? И зачем ей раздеваться, если у нас не то что белья, даже кроватей нет?!»

Я встал, сунул ноги в ботинки и вышел в коридор. Прошел один класс, второй. Нашупал ручку. Подумав, стукнул два раза и услышал тихое: «Да, войдите».

Я оказался в большой комнате со сводчатым потолком. Вдоль стен стояли забитые папками шкафы. За столами сидели две милостивые девушки. Одну из них я узнал: это была Наташка Терехова, моя бывшая одноклассница. Мы «выпустились» с месяц назад. Я поступил в «универ», она же, как помню, собиралась в медицинский. Идея сама по себе глупая, а учитываемая физико-математический уклон нашей школы и посредственную Наташкину успеваемость, вовсе безнадёжная. Судя по тому, что ей пришлось теперь идти работать, экзамены она провалила.

– Вам кого? – дружелюбно спросила меня ближайшая из девушек. На нее, кажется, произвели впечатление мои темно-зеленые бархатные брюки и красные лаковые штиблеты на огромной платформе.

– Да я справку принес из университета. О поступлении, чтобы отсрочку от армии оформить. – Я все никак не мог решить, признаваться ли мне Наташке. Она меня явно узнала, но я все же решил имитировать «плохое зрение». Ближняя девушка понравилась мне куда больше. Я подал справку. Кокетливо поглядывая, она принялась прикалывать ее к моему «Делу». Получилось плохо. Справка выскальзывалась из рук, скрепка не разгибалась. А после приложения к ней дополнительного усилия разгибалась слишком сильно и не держала. Я понял, что надо действовать, пока есть возможность.

– А вы не подскажите... – я решил мотивировать просьбу о телефоне волнением за свою справку: «А то скрепка такая неудачная, вдруг выпадет, и меня по ошибке в армию заберут. Позвоню на той неделе, а вы мне расскажете, удалось ли ей до комиссии продержаться...»

Но в этот момент в комнату влетели еще две девушки – одна симпатичнее другой. Галдя и заинтересованно посматривая на мои бархатные штаны, они стали рассаживаться за столами.

Глаза у меня разбежались, на лицо выползла идиотская улыбка. Это не ускользнуло «первой» девушки: контакт был утерян. Она выкинула испорченную скрепку, выхватила из коробки новую и, намертво приколов справку к моему делу, захлопнула папку.

– Через семь дней в списках у дежурного. До свидания. – Я расстроился, но не очень. Взглянул на Наташку. Та изображала, что внимательно чита-

ет что-то написанное на пустом листке. «Надо же! – подумал я с сожалением. – У нас в классе первая красавица была, от парней не отбиться... А тут в углу сидит и в тряпочку помалкивает. М-да, все в жизни относительно!» – Я дернул входную дверь и оказался в коридоре.

Оглянулся вокруг. По телу прошли мурашки. Я стоял в школьном коридоре...

«Что это? Галлюциногенный бред?»

Но откуда? Может, пришельцы применили наркотики, решив поубивать нас, не дожидаясь развязки?! И ведь пока я там был, – я вздрогнул при воспоминании о только что пережитом – я себя не помнил!

А может?... Ну конечно!..

Облегчение смешалось с досадой, что я не догадался сразу. Конечно! Наташка – Андроид! Именно потому и случился этот морок; это и есть то, что отличает робота от людей!» – Я, чуть не плача от радости открытия, побежал к соседней двери: там, как я видел мельком, обосновался Алексах с подругой. Мне хотелось поделиться. Я постучал в дверь и, решительно распахнув ее, ввалился внутрь.

Человек, идущий мне навстречу, показался смутно знакомым, и точно: это был мой бывший одноклассник Сашка Новиков. Он беззаботно прогуливался по рядам с аппаратурой и радиодетальями под руку с худощавой девицей, лет на десять моложе его.

– Вау! Какие люди без охраны! – он тоже меня узнал. – Какими судьбами? – Его радости, казалось, не было предела.

– О, здорово... Алексах! – Я с некоторым трудом припомнил его имя и теперь смутился, не зная, о чем говорить дальше. – Да вот, панель от приемника сперли из машины – новую ищу. А ты тут какими судьбами?

– А я тут работаю, ларек у меня свой! Вон тот, на углу – видишь? – Он махнул рукой в дальний конец рынка. – Какую, говоришь, тебе панель? Щас спросим. Я протянул ему инструкцию.

– Нет проблем, пошли, – он уверенно двинулся по рядам. – У Петровича такая есть. «Бэушная». За полцены!

Мы поболтали еще минут двадцать, в основном об одноклассниках; о том, «как у тебя», а «у тебя»... без излишних подробностей. Договорились встретиться, чтобы «выпить водки», и разошлись.

Единственное, что меня порадовало, после того как мы расстались, это то, что коридор снова превратился в школьный. Встреча, которая сейчас произошла, действительно имела место быть. Два года назад.

Решение о том, что Андроидов не один, а сразу трое, далось мне не легко. Мы все-таки были друзьями, и теперь я с горьким чувством направился в класс, где расположились Андрей и Миха. Я теперь понимал странное выражение Мишиного лица и просил у него мысленно прощения. Я, грешным делом, сначала подумал на него...

Сейчас же все прояснилось: он догадался раньше меня и переживал, что беда случилась сразу с

несколькими друзьями, пусть и давно минувших школьных дней.

Я остановился у его комнаты. Прислушался. Тишина. Осторожно постучал и открыл дверь.

Поезд подъезжал к конечной станции. Перестали стучать колеса, люди заторопились на выход. Мы подняли огромные туки – особенно большим был рюкзак с байдаркой – и вскоре вышли на перрон. Нас никто не встречал.

Добрались до пристани. Собрали байдарку, покидали в нее вещи и стали залезать. И тут случилось несчастье: из-за обилия вещей центр тяжести лодки сместился и мы, не удержав равновесия, перевернулись. Я дернулся вылезти, но тяжелые вещи придавили мне ноги. Автоматически я вдохнул, холодная вода обожгла легкие, и я, теряя сознание от неожиданного удушья, только успел подумать, что не зря не хотел идти в этот поход...

– Слушай, а даже здорово, что мы из байдарки вылезти не успели! – оптимистически заметил Андрей. – А то ходили бы сейчас по Земле... без дела. А тут смотри: красота какая!

Вокруг действительно открывался замечательный вид: косяками плыли рыбы, наверху светило солнце и его лучи, как сквозь призму, проникали почти до дна. Все пространство было словно наполнено играющим живым светом. Мы двигались на байдарке почти у самого дна. Впереди Михаил, за ним Андрей. Я был замыкающим. Грести оказалось трудно, так как весла целиком находились под водой, но мы никуда не торопились – жизнь уже закончилась.

Впереди у нас была вечность... Внезапно дно пошло вверх – впереди по течению оказался остров. Река в этом месте раздваивалась.

– Пора переходить в параллельные миры! – прокричал Андрей; ему вторило эхо.. Мы с Михой были не против.

– Давай! – крикнул я. – А как? Ты знаешь? – Вопрос был риторическим. Раз Андрей предлагал, так значит, знал.

– Просто, – ответил он, чуть обернувшись, но не переставая грести. – Надо двигаться параллельно дну!

– Но оно же кривое, – с сомнением заметил Миха. – Как можно двигаться параллельно кривой?

– Можно! – уверенно ответил Андрей. – Для этого надо нашу байдарку скривить! – Он оглянулся и заговорщицки подмигнул.

«Всего-то... – подумал я разочарованно. – Мог бы и сам догадаться».

Мы приостановили движение. Я выплыл из байдарки. Вытащил из рюкзака лейкопластырь и начал примащивать к днищу брюки с рубашкой. Под водой пластырь не приставал, и я просто обматывал его вокруг лодки.

– На бантик вяжи, – жизнерадостно посоветовал Андрей. – Вдруг у дна кривизна изменится, развязы-

вать придется! – Я счел его замечание правильным и стал вязать бантом. От смешно развевающихся в воде завязочек вверх шли маленькие пузырьки, радостно переливающиеся всеми цветами радуги...

Когда работа была окончена, я отплыл от байдарки на расстояние, чтобы оценить кривизну. Она показалась мне недостаточной. Тогда я достал из рюкзака ножовку и чуть подпилит у байдарки днище спереди и сзади. Теперь все выглядело идеально. Резиновая обшивка лодки теперь оборвалась и медленно колыхалась, но под водой герметичность была уже не нужна. Я снова сел в байдарку, и мы двинулись дальше. Теперь мы двигались совершенно параллельно дну; мир вокруг нас начал изменяться. Краски стали тускнеть, предметы словно теряли осязаемость, стали призрачными и неустойчивыми и, наконец, пропало совсем...

И в этом новом мире существовало еще что-то, кроме меня. Это был ряд параллельных линий, устремленных из бесконечности сзади меня в бесконечность впереди. «Ну конечно! Параллельные миры». – От этой мысли стало спокойней. Прямые были ярко-желтого цвета на фоне черного («Космоса», – как я почему-то решил).

Вдруг одна из прямых начала мелко вибрировать.

– Ну, ты как, круто? – зазвучал в моей голове голос Андрея. – Я балдею!

– Ага, неплохо! – завибрировала другая прямая голосом Михи.

– Вы, что ли?! – я тоже завибрировал.

В этот момент передо мной словно замелькал фильм, в котором черно-белые кадры бежали, плавились, обрывались... Поле пшеницы, по которому бегают маленькая девочка; моряк в парадном мундире, всматривающийся в море; самолет со звездой на борту, летящий со сверхзвуковой скоростью; старик, сидящий на деревянном крылечке и думающий: «Вот и старость пришла»; лес, пахнущий хвоей; журчащий ручей; руки, небо, дерево, сарай, зал, эхо, дверь... Не задумываясь, я распахнул ее и вышел. Меня качало.

Я постоял некоторое время, прислонившись к стене. Затем сел на пол. Я был совершенно опустошен. Более того – напуган.

То, что Андрей с Михой тоже Андроиды – было несомненно. Но не это пугало меня. А то, что я только что пережил. Одно дело стать снова участником событий, которые со мной уже когда-то происходили. С Наташкой и Алексахой было именно так. Я снова стал участником событий, которые имели место быть раньше.

А вот то, что я увидел теперь, не укладывалось ни в какие рамки. Более всего поразило, что это не было СНОМ. Тот мир, в котором я побывал, был полностью реальным. Я осязал, слышал и чувствовал запахи. Я испытывал эмоции и совершенно реально ощущал все как действительно существующее...

«Что же это и зачем это случилось со мной?» – я никак не мог успокоиться. Да, мы действительно плавали на байдарке; более того – она действительно в самом начале ЧУТЬ не перевернулась... но мы чудом

удержали равновесие и в дальнейшем путешествие прошло гладко. «Что же выходит? – подумал я. – Мы были тогда на какой-то грани, за которой мы, не успев высвободить из-за багажа ноги, перевернулись бы вместе с байдаркой и утонули... И теперь я видел то, что могло бы быть за порогом смерти?»

Я еще раз вздохнул и огляделся. Теперь я сидел на корточках и из-за этого мог видеть в окно многоэтажный дом, стоящий сразу за забором, окружавшим школу. На самой его крыше, словно шляпка исполинского гриба, застыла, переливаясь белыми огнями иллюминаторов, гигантская тарелка...

«Инопланетные пришельцы продолжают насильственно удерживать девять человек. Они находятся в задании средней школы, где, как прояснилось в ходе проведенного нами журналистского расследования, пленники оказались не случайно. Все они двадцать лет назад учились в этой школе в одном классе. С ними вместе инопланетяне удерживают их бывшего классного преподавателя – Бэлла Ивановну Ахмадулину.

Сейчас в район города, захваченный пришельцами, стягивается тяжелая бронетанковая техника. Напомним, что вчера семнадцать ядерных боеголовок, базирующихся на территории России, были перенацелены на Санкт-Петербург. На данный момент гражданское население из города практически эвакуировано. В случае, если до двадцати четырех часов по московскому времени нападающие не выдвинут каких-либо требований, принято решение атаковать...»

Петр выключил телевизор – по всем каналам шло одно и то же – круглосуточно велось прямое вещание с места событий.

Он прилег на парту, но быстро понял, что не заснуть. «Пойти, что ли, поболтать с кем-нибудь? – подумал он и решил: – Пойду к Ленке, она точно не спит. Поболтаем, может, у нее какие идеи есть...» С этой мыслью он встал, вышел в коридор и, подойдя к соседней двери, постучал. Услышав короткое «войдите», открыл дверь и зашел в класс.

Я отвернулся от окна – зрелище было неприятным. Воспоминания об инопланетянах на экране не были плохими, каким-то образом им удалось донести до нас информацию, практически не вызывая никаких чувств. Но то, что имелось в сухом остатке, не радовало – они обещали нас убить.

«Надо сообщить остальным, – я, наконец, начал продуктивно мыслить. – Если, конечно... среди оставшихся больше нет Андроидов». Теперь стало ясно, почему пришельцы никого не выпустили – они ожидали любых сюрпризов.

Бездействовать дальше уже было нельзя, и я решительно пошел вниз, в вестибюль. Туда, где мы все договорились встречаться.

Едва зайдя в помещение, я сразу же ощутил сгустившуюся атмосферу неприязни. Там была Бэлла

Ивановна, Александр Викторович и – я с испугом заметил сидящих несколько в отдалении Наташку и Алексаху с подругой. Я прервал их разговор. Причем обсуждение, кажется, имело ко мне непосредственное отношение. Увидев меня, все замолчали.

Выражение, с которым они смотрели на меня, не радовало.

– Пришел, дружок, – как-то мягко, но с сожалением приветствовала меня учительница. – Что же вы нам сразу-то не сказали? – Она была действительно расстроена. И добавила неожиданно: – Со всяким могло бы случиться. Вы же не по своей воле...

Я застыл на пороге. «О чем они тут без меня разговаривали?» – вяло соображал я.

– Мы все поняли. – Алексаху взял инициативу на себя. – Ты – Андроид. Ты заходил к Наташке. Если бы этим все кончилось, нам было бы еще что обсуждать... – Он помолчал, давая всем осознать, ЧТО можно было бы обсуждать. – Но ты заходил и к нам... – Он замолчал.

Белла Ивановна сидела на стуле сгорбившись. Думаю, любой исход был бы для нее горьким. Все мы ее ученики. И случившаяся с кем-то из нас беда была и ее горем.

– Дмитрий. Я не знаю, как проверить... я была бы счастлива... но они... – Она помолчала, – видимо, ей было неприятно даже произносить слово «инопланетяне», – они сказали: он, этот робот, один. И, – она снова замялась, – этот беглец в одном из нас... Так что теоретизирование здесь не уместно. К сожалению, – закончила она действительно с большим сожалением в голосе...

В это время раздался шум шагов и на пороге появились сразу три персонажа – Петр, Алла и Ленка. Выглядели они озадаченно. Петр был странно молчалив и только поглядывал на нас выжидающе. Как и я, они остановились у входа.

– Димка – Андроид, – выпалила вдруг Наташка. Теперь она смотрела на меня безо всякой брезгливости. Даже вроде бы с завистью. Как на неожиданно подвернувшегося выгодного жениха, от которого, правда, непонятно чего ожидать. То ли сказочные миры, то ли урановые рудники навеки. Перспективы туманные...

Алексаху взял слово и быстро, не вдаваясь в подробности, рассказал, что с ним произошло после того, как я зашел в его комнату. Затем, более сбивчиво и путая слова, рассказала Наташка.

У пришедших сообщение вызвало немалый интерес. Более того, Петр как-то сразу подобрался, и его поведение неуловимо изменилось. Он стал более уверен и к нему, кажется, вернулось прежнее самообладание.

– Так вот оно что, вот что... Но его прервали. В комнату вошли Миха с Андреем. Выглядели они озадаченно.

– Что?! – быстро спросил Петр.

– Да сон какой-то странный видели.

– Много пересказывать, но мы словно в нем жили! – перебил Андрея Миха. Он вопросительно посмотрел на присутствующих.

– С Дмитрием? – спросил Алексаха, кажется, уже и сам зная ответ.

– Да! – удивился Миха. – А откуда...

– С кудыкиных гор, – перебил его Петр. Странно, но при нас он совершенно преображал свою речь: она становилась почти нормальной. – Я еще одного не рассказал. – Петр помолчал. – У нас тут с Ленкой тоже ... того. Короче, решил я ее сегодня навестить, не спалось. Скучно стало. Поговорить захотелось, прошлое вспомнить. Такая любовь все-таки. Была. Да только в дверь зашел, как оно у нас все и вышло. – Он снова помолчал, видимо, подбирая слова. – Произошло.

– Что произошло? – непонимающе уставился на него Алексаха.

– То произошло, что у нас двадцать лет назад было... – Петр с досадой посмотрел на непонятливого Алексаху. – А Ленка, как случилось, с испугу к Алке бросилась, ну и ... Ну и покурили они в школьном туалете. Тоже лет эдак двадцать назад. Так что вот... так что вот... – повторил он задумчиво, и до нас, наконец, дошло. Все подавленно молчали. – Так что и не знаю я теперь при чем тут Димыч. Как и Ленка... я ведь на нее подумал, что она этот Андроид, – закончил он с видимым облегчением.

– А я на него, когда он ко мне зашел, и это все... получилось... – вяло вставила Лена. Она, кажется, с трудом ориентировалась в происходящем...

– Я понимаю, ребята! – неожиданно для всех включилась вдруг Агла. Она до сих пор молчала, совершенно шокированная происходящим. – Мы вылетаем из реальности, как только у нас появляются групповые воспоминания!!! – Она сама, кажется, удивилась своему предположению. Отчего смутилась и замолчала.

– Какие... групповые воспоминания? – с некоторым сарказмом прозвучал вопрос Александра Викторовича. – Ты нас ни с кем не путаешь?

– Да, что-то вы, милочка. Это уж слишком! – Вступила заметно приободрившаяся Бэлла Ивановна. Сообщение, что мы не роботы ее явно порадовало. – Давайте лучше как выйти отсюда, подумаем, пока эти преступники не вернулись. На нас ведь весь мир смотрит, миссии по спасению... Не дадут же они нас просто так убить! Пускай они нас по одному выпускают и тестируют – ДНК берут; да хоть черта в ступе! Инопланетянина своего ищут.

– Черта в ступе? А вот это точно! – вдруг зычно заговорил Александр Викторович. – Тогда они точно только ступу найдут. А вы, Бэлла Ивановна – сухой из воды. Потому как по всем ДНК и тестам вы – человек!

За столом раздался гомон.

– Что это он себе позволяет? – зашумел народ. – Ты что, Викторыч? Вконец обурел? – начал было Петр, но вдруг по-другому, по-новому посмотрел на Бэллу Ивановну.

– Я, конечно, очень извиняюсь, Бэлла Ивановна, – продолжил Александр Викторович, он, казалось, был сам не свой. – Мне моя догадка и самому не нравится. Но как вы нам можете объяснить следующий фено-

мен: ни разу за вечер ни вчера, ни даже сегодня... при встрече с вами или в вашем присутствии никто не испытал этого самого «спонтанного воспоминания»? – Он помолчал. Затем продолжил:

– Мне вдруг неожиданно пришло в голову: оказавшись в условиях инопланетного силового поля, иметь эти самые резонансные групповые воспоминания совершенно не является НЕНОРМАЛЬНЫМ. Скорее наоборот: ненормально их не иметь! То есть получается, что если человек не входит в резонанс ни с кем из нас – он не является тем человеком, за которого себя выдает... Ведь у нас у всех, хоть вместе взятых, хоть по отдельности, этих самых «общих» воспоминаний хоть пруд пруди! Вот ведь в чем штука, Белла Ивановна...

Все потрясенно молчали, глядя то на Александра Викторовича, то на нашу старую учительницу. Объяснение, несмотря на свою убийственную логичность, не укладывалось в голове.

– То есть позвольте, милостивый государь, – Бэлла, кажется, не до конца осознала серьезность объяснений. – То есть вы всерьез полагаете, что я... Я и есть тот самый... предатель? – Последнее далось ей с трудом. Присутствие духа она, однако, проявляла недюжинное. Смотрела умно и находчиво; высказанному предположению, кажется, ничуть не удивилась, а даже, напротив, чего-то в таком роде и ожидала. Вспомнив себя в ее ситуации, я поежился.

– Все. Щас инопланетчики Бэллу замочат, – испуганно прошептал Алексаха.

– Быть может, у вас самой найдется что-нибудь предложить? – спросил Петр.

– Есть, – неожиданно сообщила учительница. И тихо, словно разговаривая сама с собой, добавила: – Как мне ни жаль этого человека... но моя жертва ничего бы не испутила. Да и останься он на Земле, это было бы, пожалуй, только хуже. – Она встала и направилась к двери. – Я выйду. – Она взялась за ручку. – А вы тут пока сами решите – появятся ли у вас без меня... воспоминания. – С этими словами она тихо прикрыла за собой дверь.

...Мы с Мишей Гудковым, продолжая дискуссию про «наши ракеты на Кубе и не наш ядерный реактор второго поколения», спустились в вестибюль, и, толкнув дверь, вышли во двор. Пожали друг другу руки на прощание.

– Ну, давай, через год Бэлла опять соберет, свидимся. – протянул мне руку Миха... – Или кто его знает...

– Точно – кто его знает. – На меня накатила философия. – Викторыч вон год назад так же говорил, а поди -ж ты... под машину попал... И насмерть.

Я достал из кармана флягу коньяка. Мы выпили по глотку. Многозначительно помолчали.

– Ну, пока?

– Пока...

Ничего больше не говоря, мы разошлись в разные стороны, чтобы, быть может, встретиться снова через год...

Жди меня...

– Ты!.. Ты!.. Ты!.. – лингвоанализатор скрипел, не справляясь с определениями, которыми она меня характеризовала.

– Ну, я, – небрежность в голосе всегда ставит собеседника на место.

Она, наконец, посмотрела на экран, и следующая фраза осталась при ней.

– Претензии? – я перехватил инициативу.

– Я представлю их позже, – вежливо ответила танланцзы.

Вот еще напасть. Тут бы со своим ИРом разобраться – бубнит не переставая: «...Нарушение правил выхода из гиперпространства, вызвавшее крушение иного транспортно-средства. Причинение ущерба арендуемому кораблю гиперперехода. Несоблюдение графика переездов. Необоснованные энергетические потери...»

– Да заткнись ты! – не выдержал я.

«...Неуважительное обращение к ИРу корабля...»

Тут меня осенило:

– Выведи список в письменном виде – ознакомлюсь на досуге.

ИР замолчал. Звякнул сигнал, и мне в руки выполз лист с мелкими буквами.

Синхронно включился экран связи, и танланцзы затрясла перед моим носом таким же листком.

– Да, отчасти я виноват, – о том, что признание вины облегчает наказание, знают все, – но ведь и вы не включили габариты!

– Какие габариты? – удивилась она. – На этих моделях они не предусмотрены.

– Вот видите. Фирма-арендатор не оснастила ваш корабль всеми требуемыми по закону средствами навигации. Значит, она и виновата, – я, конечно, не стал ей говорить о том, что забыл включить маяк автонавигации. Да и зачем? Мой ИР об этом прекрасно знает. – Может, просто продолжим наш дальнейший путь, а встречные иски направим потом?

– Об этом я и хотела вам сказать, – танланцзы выдвинула нижнюю челюсть вперед, обнажив резцы, что указывало на крайнюю степень раздражения, – вы прочитали распечатку?

– Сейчас, – я взглянул на лист.

Так. «Ресурсы. Жизнеобеспечение. Энергия – земной год. Кислород регенерируемый – больше средней продолжительности жизни индивида. Вода регенерируе-

мая – двенадцать лет. Питание – земной год. Средства связи – не определимо. Гиперпривод – рабочее состояние. Системы ориентации и коррекции – заблокированы. Точка перехода – в зоне контакта».

– У меня всё нормально! – обрадовал я танланцзы.

– А у меня – нет! – прошипел лингвоанализатор.

– И что не так? – осторожно, стараясь не пробудить гнев инопланетянки, спросил я.

– Главным образом – не работает гиперпривод, – она опять ткнула свой список прямо в объектив, будто знала, что я разбираюсь в их символах.

– Давайте сделаем так, – как можно воодушевленное сказал я, – вызовем спасателей и немножко их пождем.

– Гиперсвязь от того же движка работает, что и двигатель... – лингвоанализатор опять скрежетнул.

– Вызову я.

ИР вмешался в наш разговор:

– В графе «поломки и неисправности» присутствует пункт о выходе из строя систем гиперсвязи.

– Что там еще присутствует? – угрожать Разуму корабля не только смешно, но и глупо – запись идет постоянно, но я не сдержался.

– Читайте сами, – нагло заявил ИР оскорбленным тоном и смолк.

– Поиск по факту неприбытия? – спросила танланцзы, не обратив внимания на мою перебранку с ИРом.

ИР словно ждал вопроса – ответил немедленно:

– Объясняю специально для вас, так как эти данные есть в распечатке моего пассажира, – голос у ИРа был едкий и противный. – Первое. Для прибытия спасателей необходимо отправить им координаты места аварии. Координаты данного места мне неизвестны в связи с произвольным выходом корабля из гиперпространства. Второе. Поиски по факту могут быть начаты только в момент фиксации неприбытия. Такой момент наступает, когда заканчивается срок аренды гиперкорабля. В связи с тем, что корабль арендован без ограничения, это произойдет в случае отсутствия денег на счету, с которого идет начисление арендной платы.

– Это общепринятая практика, – вмешалась танланцзы, – это удобно.

– А как же пропажа самого корабля? – я попытался поучаствовать в разговоре. – Он же тоже стоит денег.

Васильев Сергей Викторович, родился в 1966 году в городе Ленинграде (Санкт-Петербург). По образованию инженер-строитель (Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта). Первый рассказ «Простые вещи» был опубликован в сборнике «Хищные вещи века» (Волгоград) в 2005 году.

– Остаточная стоимость входит в арендную плату. Третье. Поиски могут начаться, если встречающие обратятся с заявлением о неприбытии. Однако для начала поисков всё равно будут необходимы точные координаты, что возвращает нас к первому пункту.

– Меня не встречают, – настроение портилось.

– Даже если бы и встречали... – танланцзы по-прежнему говорила ровно.

– Тогда я слетаю за помощью – много времени это не займет.

ИР влез опять:

– Гиперпереход возможен только в свободном пространстве. Ваш корабль находится на поверхности планеты. При посадке произошел обвал горных пород. Таким образом, двигатели коррекции засыпаны крупными валунами. Также засыпаны основной, аварийный и служебные выходы из корабля. Механизмы восстановления отсутствуют, так как вы оставили их в порту, мотивируя это личными потребностями. В случае освобождения корабля от горных пород, я незамедлительно смогу продолжить маршрут следования до планеты Земля.

– Не слетаю, – убито сказал я.

– Механизмы моего корабля в порядке. Если я пришлю их вам, они смогут освободить вас, – танланцзы нашла выход удивительно быстро для женщины.

– Не думаю, что смогу управлять ими изнутри, – мне становилось всё хуже. Хотелось плюнуть на всё, упасть на пол и полежать, прижавшись лбом к прохладной поверхности.

– Тогда я приду вместе с ними, – просто сказала танланцзы.

Не думаю, что многие видели танланцзы хотя бы по трехмернику. Контакты с ними редки. Зоны интересов наших рас далеки друг от друга. Ксенологи, дипломаты, редкие торговцы – это все, кто интересуется ими. Первыми их встретили китайцы – отсюда и название. И оно им вполне подходит. Телом танланцзы напоминают гигантских богомоллов с человекоподобной головой и до безумия прекрасным лицом.

Пустыни – вполне привычная для них среда обитания. Она собиралась недолго и взяла немного: пищу, обогреватель, механизмы для разборки завалов. К сожалению, они малы по размерам, и всю дорогу ей придется идти пешком.

Я выслал к ней своего связиста – маленькую летающую мушку, которая не только поможет нам разговаривать, но и передаст изображение. Если что – я попытаюсь помочь ей. По крайней мере, буду видеть – что произошло.

Мушка покрутилась вокруг танланцзы, приноравливаясь к освещению и контрастности, и я проверил связь:

– Можно спросить? Как тебя зовут?

– Ди-юй, – выдал лингвоанализатор после некоторого раздумья.

– А меня – Сергей.

– Что означает это слово?

– Ничего, просто имя. А твое?

– Я скажу потом. У нас будет время для разговоров. Она пошла ко мне.

Это было необычное зрелище. Танланцзы двигалась по песку широкими размашистыми шагами – словно летела. Не проваливаясь и почти не оставляя следов. Чувствовалось, что идти так она может долго. Почти как дома. Вот только на их планете было значительно теплее.

– Ди-юй, почему ты пошла? – спросил я, когда у меня начала кружиться голова от ее равномерных движений, – у меня не так много денег. Агентство скоро заинтересуется – почему перестала поступать оплата.

– Я не могу ждать. У меня есть обязательства.

– Ты можешь рассказать о них?

– Тебе не будет интересно. Обязательство перед семьей.

– У тебя большая семья? Ты замужем, или у вас нет института брака?

– Я ушла от него. Отпрысков у нас не было. Теперь необходимо вернуться в родной клан. Жизненная потребность.

– У вас такие строгие законы или традиции? – мне становилось всё интереснее, я даже на секунду забыл, с кем разговариваю.

– Не то. Без поддержки родных, без их незаметного присутствия мы обречены на гибель. Это как тепло нашего солнца.

– У нас на Земле свое Солнце. Оно тоже дает жизнь всему.

– Оно не такое, как у нас. Вы свободно путешествуете из мира в мир. А мы всегда должны возвращаться.

Мне показалось, что Ди-юй грустит. Хотя какие эмоции может передавать лингвоанализатор?

– Не грусти, – сказал я, – мы вернемся на Землю, а потом я сразу найму тебе корабль до твоей планеты.

– Ты странный, Сергей. Можно, я буду называть тебя Се? Так правильной.

Я разрешил.

Шуршание и скрип песка под ногами. Свист ветра. Редкие убегающие животные. Еще более редкие растения. Всё это проходило мимо меня.

Иногда встречаешь человека, скажешь ему пару слов, он тебе ответит – и понимаешь, что с ним будет приятно и комфортно, не зависимо ни от чего. Такой для меня стала Ди-юй.

Она умело вела разговор. Выслушивала со вниманием, в нужный момент вставляла замечания и задавала вопросы. Интересовалась всем новым, заставляя доходчиво объяснять непонятные слова.

И спрашивала. Спрашивала...

– Расскажи мне про море.

– Море. Оно огромно. Когда оно тихое – в нем отражается небо. Когда дует ветер – оно бурливо и гневно. Оно разное. Синее и зеленое, пенное и прозрачное. Мягкое и жесткое. Живое. Хочешь, я покажу его тебе?

Не дожидаясь ответа, я нашел информкарту «море» и запустил ее на связиста. Перед Ди-юй раскинулась проекция бесконечной воды, ходящей волнами. Ветер вздымал пенные гребни и бросал их вниз.

– Здорово, – сказала Ди-юй, – и страшно. Я боюсь его, Сергей. Убери, прошу тебя.

– Оно не страшное. Оно ласковое и теплое, как мама. Ты увидишь его, когда мы прилетим на Землю.

Танланцзы сделала шаг, и изображение осталось за ее спиной.

– У вас на Земле всё такое необычное, яркое, шумное. Ничего. Я привыкну.

– Ты не сразу полетишь домой? – удивился я.

– Не сразу, – улыбнулась она, – я хочу посмотреть на то, о чем ты мне рассказываешь.

– Я преувеличиваю, – смутился я, – иногда бывают и ужасные события. Только наша память старается быстренько избавиться от такого. И остается только хорошее.

– Вы – счастливые. Мы не забываем ничего... – танланцзы замолчала, думая о своем.

Танланцзы не останавливалась. Ела на ходу свою кашлицу. Даже когда наступил вечер и солнце коснулось горизонта, не сбавила шаг.

– Так и будешь идти всю ночь? – решил уточнить я.

– Буду пытаться.

– У тебя хватит сил не спать? Ведь идти еще три дня.

– У меня может не хватить сил проснуться, – пояснила Ди-юй.

– Буду тебя будить, – улыбнулся я.

– Да. Пожалуйста. Я рада, что ты сам догадался.

Солнце зашло, и наступила ночь без всяких сумерек. Я осветил танланцзы с помощью связиста – иначе ее не было видно. Сама же Ди-юй могла идти и без света. Вот только температура упала слишком резко и намного. Ди-юй делала шаг и замирала на мгновение, на два мгновения, на три... Песок осыпался у ее ног. На каждом следующем шаге приходилось вытягивать тонкую стопу. Скорость Ди-юй упала, грация ушла. Только разговор не прекращался.

– Хочешь, я расскажу тебе про лес?

– Конечно. – Танланцзы говорила мягко, насколько это мог передать переводчик.

– Лес – это когда много деревьев. Они стоят очень близко друг к другу, под ними растет зеленая трава, и цветы, и ягоды, и грибы... Лес – хорошее место, доброе. Там отдыхаешь. Туда стремится всякий.

– Наверняка наши деревья не такие, как у вас. Покажи.

В инфотеке нашлись береза, дуб, сосна, липа. Можно было прогнать жизненный цикл каждого – от веточки, едва торчащей над землей, до громадного дерева. Они зеленели, когда наступала весна, желтели осенью, зимой облетали и покрывались снежными шапками...

Взошедшее солнце бросило резкую тень на песок. Новый день.

Спать хотелось. Я объяснил танланцзы, что люди не могут без сна.

– Спи, Сергей. Спи, милый. Днем мне будет не так тяжело без тебя, как ночью.

Я заснул прямо в кресле.

Скрип - скрип. Шурш-шурш. Песок.

Танланцзы устала. Я не могу ничем помочь ей. Только смотреть. И это всего хуже. Уж лучше я бы пошел вместо нее. Это невозможно, я помню. Тем мучительнее ждать. Но это всё внутри меня. Физически я здоров, сыт и в прекрасной форме. Зачем? Я не могу передать всё это Ди-юй. Я разговариваю с ней. Весь день. Весь вечер. Всю ночь...

Ди-юй легла на песок, подтянув колени и обхватив их руками.

– Ты не можешь идти? – задал я дурацкий вопрос – и так было всё понятно.

– Холодно, Се.

– Ты замерзаешь?

– Не так. – Казалось, Ди-юй виновато улыбается. – Застываю, замедляюсь, засыпаю... А потом не могу проснуться. Я не дойду, Се.

– Ты дойдешь, Ди-юй! Дойдешь! – Я пытался сделать голос уверенным. – Не засыпай, пожалуйста. Скоро взойдет солнце и согреет тебя.

– Разговаривай со мной, Се. Когда я слышу твой голос, мне почему – то становится теплее.

Горло перехватило. Я прерывисто вздохнул и сказал, почти как ни в чем не бывало:

– Хочешь, я познакомлю тебя с моей мамой?

Холод побеждал, и танланцзы всё труднее было бороться с ним.

– С мамой? – ответила она после долгого молчания тягучим голосом, – А она похожа на тебя?

– Немного, – усмехнулся я.

– Я понравлюсь ей? Ведь я совсем не похожа на вас, людей. Она не будет бояться меня? Вдруг она меня выгонит?

– Так не будет. Я скажу ей, что не могу без тебя. Это правда.

– А где вы живете?

– Вообще, люди живут в домах. Различной конструкции.

– Я видела. Где ты, Се?

– В высотке. С мамой. – Я почему-то смутился. Ну, не будешь же объяснять инопланетянке все тонкости семейных отношений. Да и не надо ей это.

– И другие люди тоже? Живут рядом с вами?

– Не совсем рядом.

– Всё равно они будут недовольны соседством со мной.

– Мы поедем путешествовать. В разные страны. Туда, где тепло. Там светит яркое горячее Солнце. Там, где есть вода, растет множество растений. А где ее нет – раскаленный песок...

– Хорошее место, – одобрила Ди-юй. – Мы сможем поселиться на границе – где заканчивается одно и начинается другое.

– Ты хочешь этого, Ди?

– Хочу... Смотри – небо розовеет. Скоро восход.
Я повернул связиста. Наступало утро. Танланцзы смогла пережить эту ночь.

– Ди-юй, я хочу услышать твой голос. Я выключу переводчик, а ты скажи мне что-нибудь, – она вполне могла не согласиться на мою просьбу, и я страшился этого.

– Слушай.

Кнопка выключения была под пальцем – оставалось только надавить на нее.

Танланцзы пела. По-другому нельзя было назвать ее речь. Ее голос постоянно менял тональность. Что она хотела сказать – я не знал. Голос завораживал, притягивал, проникал в меня. Было сладко и грустно, тревожно и спокойно.

Ди-юй, замолчала.

– Что... Что ты сказала? – спросил я. – Ты всегда так говоришь?

– Не важно. Не всегда...

– Я тоже люблю тебя, Ди-юй. – Неожиданно для себя сказал я. – Хочешь, я спою тебе?

– Спой, Се. Спой.

Связист летел рядом с Ди-юй на постоянной высоте от поверхности и формировал мое объемное изображение. Казалось, я шел рядом с ней. Мы говорили. Иногда и без лингвоанализатора, наслаждаясь голосами друг друга. Я уже начал понимать живую речь танланцзы.

Ди-юй заметила хищников первой, но напали они на меня. Один пролетел сквозь фантомные ноги, второй попытался ударить в корпус, а третий – ухватить за шею. Он и сбил связника на песок.

Ди-юй не раздумывала. Бой для нее был одним из проявлений жизни. Искусством. Эстетически выверенным, безупречным и красивым. Удар ноги, и голова хищника отделена от тела. Хлесткий удар рукой, и брюхо хищника располосовано от горла до задних ног. Ди-юй резко согнулась в поясе, приблизив лицо к раскрытой пасти третьего, и несколько долгих секунд смотрела в темные провалы его глаз. Потом ухватила хищника за морду с двух сторон, слегка сдавила ему голову, резко подняла и отбросила его от себя. Он покатился, визжа и подвывая, вскочил на ноги и помчался прочь.

– Их много. Он скажет остальным, что я – не та добыча, которой стоит добиваться. Я не смогу убить сразу всех, – сказала Ди-юй. – Пошли?

Я видел рану на ее плече. Я видел, как садится солнце, освещая ее тонкий силуэт. Я мог слушать. Не мог говорить, показывать и двигаться – связник был испорчен.

Ди-юй подняла мушку с песка, повернула так, чтоб я мог видеть ее лицо, и сказала:

– Я приду. Жди меня, Се.

Положила связника обратно и зашагала навстречу солнцу, постепенно исчезая в его еще ярком свете...

Она дойдет.

Я знаю.

Победа в конкурсе ЭКОГОРОД-2009

27 ноября 2009 года в администрации Екатеринбурга состоялось подведение итогов конкурса «Экогород-2009». Цели конкурса – развитие гражданских инициатив в области экологии и охраны окружающей среды, стимулирование и создание дополнительной мотивации для экологической деятельности, выявление наиболее эффективных подходов к организации природоохранной деятельности. В нем приняли участие горожане и организации, реализовавшие в 2008-2009 годах проекты экологической направленности.

В номинации «СМИ» лучшим назван журнал «Уральский следопыт» с проектом «Исеть в центре Екатеринбурга глазами рыболовов» с присвоением звания «ЭкоЛидер – 2009» 1 степени. Во время проведения ежегодного фестиваля МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ, 31 мая на акватории реки Исеть были проведены состязания по рыбной ловле, накануне участок реки был зарыблен карпом. Результаты соревнования продемонстрировали богатый мир реки в черте города Екатеринбурга (см. УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ №7, ЗВЕРБОЙ №3), улучшение экологического состояния водоема.

Чёрный гробовщик

– Ужасное дело, ужасное дело, – бормотал пожилой похоронщик, налаживая венки. По венку висела лента с надписью «От благодарных детей и любящих внуков». – Ни стыда у людей, ни совести.

– Да, представьте себе, – рассказывал посетитель, хмуро уставившись в гляцевый каталог. – Мать, как услышала, с инфарктом слегла. Сидим себе спокойно, ужинаем... Извините, я, кажется, повторяюсь... Никогда не могу успокоиться. Убил бы! Сидим, ужинаем... Раз тебе звонок: «Приносим соболезнования, ваш супруг скончался». Ну как так можно?! Перепутали, оказалось... ах, чёрт! Сволочи, одним словом, сволочи.

– Последние времена, последние времена, – мелко кивал Протасов. – Мелкие пошли людишки. Мать родную за грош продадут. Ничего святого.

– Да, – мрачно продолжал посетитель. – Мать, как услышала, так и слегла... Отец-то жив оказался – перепутали они, представляете! – а мать... вот она, мать. Гримируют.

– Загримируем, загримируем, – кивал Протасов. – Это из «Вечной жизни» вам звонили? Креста на них нет. Так перепутать! Ничего святого.

– Они же, всем известно, в сговоре с врачами...

– В сговоре, в сговоре...

– Чёрные гробовщики...

– Угу. Веночек за пятьсот будем брать или подороже?

– Нет, ну как же так можно... а вы тоже от врачей информацию получаете?

– Мы? Нет! – искренне возмутился похоронщик и даже перекрестился. – Ни в коем разе. У городской договор с «Вечной жизнью», чтоб их там всех перекорёжило...

– Нет, ну какие сволочи... – бормотал посетитель. – Мама моя, мама...

– Ничего святого, – вздохнул Протасов и протянул квитанцию. – С вас сорок семь девятсот. Без памятника.

У посетителя перехватило дыхание, но он справился с эмоциями и потянулся за бумажником. Приняв деньги, Протасов распрощался с клиентом и направился в цех.

Здесь он чувствовал себя как дома. От шлифовальных машин разлетались брызги, мрамор и гранит радостно превращались в аккуратные надгробия.

– Павлуша! – перекрикивая машинный визг и мат графировщиков, проорал Протасов. – Ходь сюда!

– Чево, Петрович? – подкатил зам Павлуша, глыба в центнер весом и в полдубка обхватом. – Всё в норме.

– Как там с материалом, братцы? – Иван Петрович деловито достал блокнот и «Паркер».

– Восемь плит ночью приволокли. Нормально, хватает.

– Отлично, – сказал Протасов, заноса прибыль в блокнот. – Значит, не надо закупать. Никто не видел?

– Да ты чё, бать? Сторожа, как всегда, своё получили, а так – вандализм... Он и в Африке, типа, вандализм! – Павлуша расхохотался.

– Добро... больше ничего сказать не хотите?

– А чё говорить... «Вечная жизнь» опять из-под носа контракт увела. Мы с пацаном поехали разобраться, встретили их возле подъезда... Ну, блин, ты нас, Петрович, извини, но мы гроб нечаянно перевернули. Зато двое «выжиг» в гипсе лежат, – Павлуша гоготнул.

– Это всё?

– Ну и с ветеранского мемориала на Южной горе плиту уволокли. Говорят, за ней директор «Вечной Жизни» ребят посылал.

– Вот сволочь, – с чувством сказал Иван Петрович. – Такая плита хорошая была, я её ещё на той неделе облюбывал. Она у нас уже по четвертому кругу шла. Нет, ну как он мог! Ничего святого.

– Ничего, – подтвердил Павлуша, засовывая в рот половинку чизбургера.

* * *

Вернувшись домой, Иван Петрович занялся обычными ежевечерними делами, которыми занимается каждый добропорядочный, семейный и благонадежный человек. Выпил чаю, посмотрел телевизор и уже было задремал в любимом кресле, как вспомнил про нынешнюю катавасию с конкурентами из «Вечной жизни».

– Последние времена, – пробормотал Протасов, и, кряхтя, полез в портфель за бумагами. – Уже работу домой брать приходится... Ничего святого.

Бумаги, подсунутые Павлушей под конец рабочего дня, удручали. По отчету выходило, что из-за проклятых «выжиг» (а как иначе именовать сотрудников «ВЖ», не к ночи будь помянута?) фирма только за последнюю неделю потеряла денежный эквивалент трех солидных BMW.

Татьяна Кигим, родилась в 1981 году в Днепропетровске (Украина), с 1994 года живет в Калининграде. По образованию – историк, по роду занятий – журналист. Рассказы Татьяны публиковались в журналах «Мир фантастики», «Знание – сила», «Безымянная звезда», «Преступление и наказание», областной прессе г. Калининграда.

– Что в мире деется, что деется, – возмущенно приговаривал Иван Петрович, пересчитывая на калькуляторе убытки. Выходило много. – Этак, братцы, мы совсем разоримся, если позволить кому попало первыми к покойным авторитетам приезжать! И «скорой», паскудники, на сто рублей за жмура больше пообещали... И плиту с афганского мемориала первые свистнули... Ничего святого!

Глава «Вечной жизни», Дмитрий Алексеевич Смерчиков просто-таки напрашивался на то, чтобы урыть его, собаку, его же лопатой.

«Эх, братцы, опять нас прижимают бессовестные конкуренты... Придётся кончать. Надо бы позвонить, сказать Павлуше, чтоб заказал», – подумал Протасов и потянулся к телефону. Но не успел он взять трубку, как аппарат зазвонил сам. Автоответчик высветил номер зама.

– Лёгко на помине! – обрадовался Протасов и поднял трубку.

Но вместо хрипловато-ломкого баска Павлуши сквозь треск и помехи прозвучал отчуждённый голос:

– Чёрный гробовщик идёт за тобой.

Тут же раздалась гудки.

– Тыфу ты! – выругался Протасов, с недоумением глядя на трубку, будто оттуда мог вылезти поясняющий этот беспредел факс. – Вот шутников развелось! Ничего святого.

Определитель номер Протасов завёл не от хорошей жизни: не переводились желающие позвонить ему среди ночи и посулить «гроб на колесиках». Впрочем, пионерских страшилок Протасов никогда не боялся, а гробов за свою жизнь перевидал столько, что никакие технические навороты – хоть колеса, а хоть бы и гусеницы – не взволновали бы его нервную систему.

Но сейчас ему отчего-то стало неудобно. Мирно шебуршилась жена на кухне. Тихие звезды за невесомыми занавесками сияли спокойствием. Но на душе было ой как нехорошо. Наконец, Иван Петрович вновь потянулся к телефону.

Чёртов аппарат вновь затрезвонил, будто только и ждал, когда Протасов к нему потянется. Похоронщик отдернул руку и опасливо посмотрел на телефон. Снял очки, протёр их, снова напялил и внимательно пригляделся к циферкам на экранчике.

Опять светился номер зама.

– Ну, подлецы, ну креста на вас нет... Узнаю, кто – живым закопаю! И не дай Бог сам Павлуша балуется... этак, братцы, и до инфаркта недалеко! – очень громко сказал Иван Петрович, чтобы успокоиться.

Но, снимая трубку, он какой-то периферийной частью сознания уже осознал, что уж кто-кто, а зам Павлуша не имеет к звонку никакого отношения.

– Чёрный гробовщик сворачивает на Тополиную улицу, – сообщил безразличный голос на том конце трубки. В эфире роились помехи, будто звонили из другого города или вообще чёрт знает откуда, но очень издалека. Хотя номер-то мигал свой, местный. Драгоценного зама номер, и никого другого.

Протасов дёрнулся, отбросил трубку и даже вытер руки о плед.

– Вот людям вечером не спится, – пробормотал он. – Шутники проклятые!

Тополиная улица, на которой стоял дом Протасова, конечно, не улица Вязов. Но ведь и Иван Петрович человек немолодой. И работа у него нервная.

Протасов встал, аккуратно положил болтающуюся трубку, прошёл на кухню, взял из холодильника стакан с «Боржомом». Жена, не обращая на него внимания, жарила котлеты и заматывала кусочки будущего шашлыка в ломтики ветчины. Протасов любил покушать. «Один раз в жизни живём», – говаривал он. Сегодня отчего-то от этой мысли стало нехорошо. Иван Петрович размеренными глотками выпил воды, подумал и взял из шкафчика валокордина. Пожаловался:

– Какие -то подлецы звонят и звонят, представляешь, Маня? Как ужин сготовишь, позови... А я пока вздремну. Все нервы на работе вытрепал с этими нехристями...

Жена, не оборачиваясь от фарша и бекона, кивнула.

В комнату он шёл по длинному коридору своей квартиры в двести квадратов, купленной в прошлом году, на редкость удачном: с главврачом областной больницы удалось столкнуться, и число жмуров резко повысилось. Хороший человек главврач оказался, душевный. Не перевелись ещё сердечные люди. Не то что в городской – с «выжигами» столковались. Ну ничего у людей святого... На честно заработанные деньги и купил Иван Петрович эту квартиру с не очень удачной планировкой и длинным – длинным коридором. Длинным-длинным, особенно если идти по нему медленно-медленно... Ещё не доходя до кабинета, Протасов услышал требовательные звонки.

Он стоял на пороге комнаты, а трезвон всё не кончался, пока жена не крикнула недовольно:

– Да возьми ты наконец трубку!

– Сама возьми, – неожиданно для себя сказал Иван Петрович. – У тебя на кухне вторая установлена.

– У меня руки в муке.

Протасов вздохнул, осторожно приблизился к телефону и снял трубку. Прислушался, держа её на вытянутой руке. В трубке раздавались шипение и треск. А номер был Павлушин, который жил в соседнем микрорайоне. Вот напасть...

Похоронщик поднёс трубку к уху, и та, будто почуяв приближение тёплой кожи, взорвалась воплем:

– Чёрный гробовщик ищет твой дом!

– Ах ты тварь, – выругался Протасов и сбросил аппарат на пол.

Он нервно прошёлся по кабинету и даже выглянул в окно, таясь за занавеской. Показалось или действительно мелькнула тень среди тополей?

Протасов почувствовал, что в горле опять пересохло.

«Это кто-то дурачится, – подумал он, пытаясь взять себя в руки. – Это всего лишь глупые шутники, чтоб им ни дна ни покрышки».

Когда телефон зазвонил в четвёртый раз, Протасов уже знал, что ему скажут на том конце провода. И, тем не менее, он механически поднял трубку, чтобы услышать:

– Чёрный гробовщик ищет твой подъезд.

Чудненько! Чудесно. Кто-то устроил за ним охоту, и даже не надо догадываться кто. «Выжиги» треклятые, креста на них нет. И не киллера послали, нет! Решили запугать. В психушку отправить. С инфарктом – в областную, угу. Иван Петрович поморщился, вспоминая ходившие среди похоронщиков пьяные басни. Чёрный гробовщик, надо же.

– Хрен вам, – сказал Протасов и выдернул шнур из гнезда.

Слегка успокоенный, он взял мобильник и набрал номер Павлуши. Пожалуй, это надо было сделать сразу же, но Иван Петрович был человеком немолодым и с большим удовольствием пользовался традиционной техникой, а не новомодными штуkenциями. Но сейчас он взял сотовый, нашёл строку с номером зама и, едва дождавшись соединения, выпалил:

– Павел! Ты знаешь, какие -то отморозки...

– Чёрный гробовщик поднимается по лестнице.

Протасов отбросил мобилу и несколько секунд смотрел на неё круглыми глазами, как на ожившую гадину. Потом дрожащей рукой перекрестился.

Обострившийся слух донес до мозга звук поднимающегося лифта, и Протасов захотел в сортир. В конце концов, может же ему прийти в голову подняться сюда на лифте?

«Господи, о какой я чуши думаю, – пронеслось в мыслях. – Братцы, да что же я... Жена дома, охрана в подъезде! Дом элитный! Да это наверняка сосед на лифте проехал! Так, надо вызвать милицию. Но звонит ментам пущай Маня, так надёжней».

И тут, совершенно неожиданно и громкоподобно, с громким треском разлетелась лампочка в люстре. Только скудная подсветка подмигивала среди полок и картин, размножая тени в кабинете. Иван Петрович сел, вжался в кожаные подушки уютного, надёжного кресла.

– Маня...–просипел он.

Подойти и позвонить в милицию самому не решался. Кто его знает, может, злоумышленники и до ментовского номера добрались?

Так он сидел, считая про себя до ста, потом до двухсот, соображая, сколько ступенек придётся преодолеть незваному гостю, пока он доберётся на седьмой этаж. Неожиданно Протасов понял, что думает о посетителе как о вполне осязаемой реальности.

Секунды растягивались в века, и когда наконец снова зазвонил телефон (с оборванным шнуром! с оборванным шнуром!), Протасов почувствовал что-то вроде облегчения.

Он встал и мрачно уставился на проклятый аппарат.

– Так я тебя и взял, – сказал трубке, и от этих слов стало легко и просто. Он почувствовал приближение победы и даже усмехнулся. Страх стал уступать место нескрываемому торжеству. – Трезвонь-трезвонь. Нехристь несчастная...

Телефон звонил не переставая, а Протасов буровил его взглядом удава. «Хрен подойду», – говорил этот взгляд.

Внезапно в аппарате что-то щёлкнуло. Включилась громкая связь, и Иван Петрович икнул, чувствуя, как вылезают глаза из орбит.

– Чёрный гробовщик уже около твоей двери, – доброжелательно сказал телефон. – Вкати светлы очи в череп, болезный. Отмучился.

Огонёк громкой связи погас, и тут же раздалась трель входного звонка.

Протасов завыл и бросился на паркет, пытаясь задохнуться под диван. Он слышал, как жена пошла отворять, и выл от этого ещё громче.

В ответ раздалось заунывное мычание телка-кавказца с соседского балкона – пёсик явно обрадовался перспективе спеть под караоке.

Через несколько мгновений дверь в кабинет распахнулась, и в ярком проеме отпечатался высокий силуэт. Протасов как раз вовремя поднял голову, чтобы увидеть явление гостя, чью голову, если верить отпечатавшемуся на сетчатке негативу, венчала шляпа старины Фредди.

* * *

Протасов ещё немножко полежал в позе эмбриона, пытаясь втиснуться в щель под диваном. Гость его не трогал, молчал, и похоронщик, наконец, осмелился повернуться и разлепить зажмуренные глаза. Мужчина лет тридцати, с правильными и приятными чертами лица, стоял над ним с лёгкой улыбкой.

– Может, поднимитесь, Иван Петрович? – спросил гость.

Голос у мужчины был нормальный, без треска и статистических разрядов.

Протасов поднялся, отряхивая измятые брюки, и, искоса убедившись в явной человекообразности гостя, попытался взять суровые нотки. Получилось хреново:

– В-вы... вы что тут делаете?! Кто позволил?! К-кто пустил...

– Ваша супруга. Вы же не соизволили подняться с вашего замечательного орехового паркета, чтобы дверь открыть. Что ж, нас, гробовщиков, не любят, кому, как не вам, это знать.

И гость снова улыбнулся.

Протасов издал непристойный звук, обгадил брюки за восемь сотен евро и рухнул в кресло.

– Т-так вы... и вправду... Чёрный гробовщик?! – икнул он.

– Нет, милейший, – ответил гость, расположившись в кресле напротив и устраивая шляпу на коленях. – Чёрный гробовщик – это вы. А я просто хожу и закапываю таких, как вы, любезный. Поэтому меня называют Гробовщиком с большой буквы. А так – просто коллега.

– И в- вы... меня закопаете?! – ком ужаса подкатил к горлу Протасова и застыл там детсадовской манной кашей.

– А что, не стоит? Может, о вас кто -то сильно пожалеет? Кто-то помолится за вас, кроме жены и пары милосердных старушек, которым всё равно, над кем причитать? Вас кто-то помянет добрым словом, а, Иван Петрович? Думаете, газеты не разразятся улюлюканьем? Вы, Иван Петрович, вспомните: сколько вы покойников

обокрали, сколько родственников раньше врачей ого-рошили, сколько усопших спустя рукава зарыли? Неужели вам самому не стыдно?

Протасов, побелев от страха, вжался в кожаные подушки. Тем временем гость продолжал перечислять его грехи:

– С могил плиты воровали, по третьему кругу пускали, цены завышали, с вдов и сирот сдирали последнюю шкуру, именуя всё это «скидками»... У подъезда усопшего с конкурентами дрались! Киллеров нанимали! Врачей подкупали! Разве этого не достаточно, чтобы вас, извините за ваше же выражение, урыть?

Внутри Протасова что-то сорвалось. Он рухнул на колени и бросился лобызать туфли Чёрного Гробовщика:

– Умоляю вас! Заклинаю! Виноват! Каторжен! Чем хотите искуплю! Всем святым прошу! По-ща-ди-те! Дети малые!..

– Какие дети?

– Жена! Жена то есть! Племя- а-анники...

– Ну– ну, милейший,–отстранился гость, разглаживая стрелки на брюках. – Хватит костюм мне мять. Впрочем, я пока пришёл без инструмента и, так сказать, изучаю ситуацию. Насколько она, так сказать, безнадежна...

– Винова-а-ат! – заголосил Протасов. – Виноват! – и бухнулся в ноги гостю. – Братец, родненький! Не погуби, бра-атец!

– То есть вы осознали весь сволочизм прожитой жизни? – поинтересовался гость.

– Осознал! Каюсь! – заголосил Протасов так, что соседи, верно, решили, будто похоронщик хватил белочку. Гость поморщился. – Виноват, – слегка опомнившись и придя в себя, продолжил Иван Петрович. – Мировая обстановка располагает. Ужасные времена. Все стараются урвать кусок. Я сам не без греха. Но я осознал. Это не я, это обстановка, – он взмахнул рукой, обведя бархатные портьеры, антикварную мебель и бесчисленные безделушки вроде серебряного пресс-папье. – Ничего святого. Сам порой в холодном поту просыпаюсь. От стыда. Христом– Богом клянусь. Искуплю. Виноват. Простите великодушно!

– Ну что ж,–усмехнулся гость, сминая в руках шляпу. – Полагаю, вы сделаете из этого визита для себя некоторые вводы... За сим прощаюсь.

И он действительно вышел, слегка поклонившись на пороге. Протасов выдохнул и сел прямо на пол, мимо кресла. Про-нес-ло... Входная дверь так и не хлопнула.

– Маня... Маня! – сорванным голосом позвал гробовщик. – Кто это был?

– Ты о чём?–откликнулась жена. – В каком смысле – кто?

Протасов, переведя дух, отпер бар и плеснул себе на палец «Камю». А потом подумал и выжрал всё до капли из горла. Разум понемногу занимал полагающееся место в черепе, и Протасову стало стыдно от того, как он вел себя перед этим... да обычным человеком, чёрт побери! Обычным человеком, братцы! Вот же идиот-то, а. И обгадился, как последний пионер.

Как пионер, наслушавшийся лагерный страшилок.

«Это же был обычный человек, – дошло до Протасова. – Самый обычный! А ещё шляпу нацепил. Крюггер недоделанный».

Об оборванном проводе телефона он даже не вспомнил.

«Ну надо же какие люди злые на свете бывают,– вяло подумал Протасов, чувствуя, как коньячные пары блаженно заполняют мозг. – Наверняка конкурент из «ВЖ» подстроил, чтоб ему на том свете в гробу вернуться. Ничего для людей святого не существует. Завтра же урою, собаку».

Протасову стало грустно от того, как по– идиотски он купился на такую банальную разводку. Он даже всхлипнул от обиды, укладываясь на паркете в обнимку с бутылкой.

– С-сука,–прошептал он то ли в адрес выжиги-конкурента, то ли вслед незваному гостю, и провалился в сон.

* * *

Идиотский сон, навеянный, несомненно нервной должностью и рабочим переутомлением, Протасов поначалу смотрел с некоторым интересом.

Жена, обливаясь, слезами, указывала на него каким – то квадратным мордам:

– Вот он, дорогой мой Ванечка... ох, на кого ж он меня оста-а-авил...

– Чего надо? – рявкнул, вроде как трезвея, Иван Петрович, но его бесцеремонно перебили:

– Где покойник?

– Покойник? Какой покойник? – встрепенулся Протасов, вроде как окончательно протрезвев. – Почему зам не предупредил? Мы первые застолбили...

– Мария Васильевна,–тем временем продолжали морды,–наша фирма выражает вам всяческие соболезнования и хотела бы поскорее получить тело, чтобы оформить всякие формальности...

– Какое тело? Где тело? – возмутился Протасов, признавая в харях молодцев из «Вечной жизни». – Эт вы что, братцы, мимо меня с моей же квартиры трупы забирать будете?! Вот обнаглели! Ну-у, креста на вас нет!

– Этот, штоль? – тем временем спрашивала одна из харь, не обращая ни малейшего внимания на праведное возмущение Ивана Петровича и обращаясь исключительно к его жене.

– Ва-а-а-анечка-а- а-а- а- а! – заголосила супруга вместо внятного ответа и бросилась к Протасову, покрывая его слюнявыми поцелуями.

Он попытался вырваться, но не тут– то было.

А кирпичные рожи невозмутимо снимали с него, Протасова, мерки, заноса в блокнотик, кратко отвечая на расспросы жены и полностью игнорируя его самого.

От бредовости ситуации Протасову поплохело, хотя он совершенно ясно понимал, что это дурацкий сон. Но...

За спиной «выжиг» мелькнул силуэт человека в шляпе, и у Протасова оборвалось сердце. Он похолодел. Хотел было что-то сказать – но слова застыли в горле. А конкуренты споро и деловито заполняли какие-то бумаги.

– А чего не из евойной фирмы приехали-то? – спросила, наконец, жена, вытирая глаза платочком.

– Дык из уважения! Посмертный подарочек, типа! – гоготнул один из «выжиг». – Сначала закопаем, а потом и в евою фирму доложим. Да вы не беспокойтесь, усё за нас счёт, без-вод...возд...короче, забесплатно!

– Ну, если забесплатно... – с сомнением произнесла жена.

* * *

Абсурдный сон никак не желал кончаться. Протасов пытался выкарабкаться из домовины и объяснить, что он не умер, а просто заснул, но его никто не слушал.

– Холодненький, бедня-ажечка, – пропела соседка с четвертого этажа, целуя его в венчик.

– Ты что, дура?! Я ж живой! – воскликнул он, отбиваясь от сильных рук похоронщиков, но его почему-то никто не слушал. Ночью он, кажется, даже выбирался из гроба, шатался по квартире, но устал и лёг обратно. Проснулся же он, когда его несли под заунывный вой соседской псины и нестройное дребезжание тарелок оркестра. Он кричал и возмущался, но кто бы его слушал? Заколотили и опустили, неаккуратно стукнув гроб о дно могилы, и вскоре он услышал, как по крышке застучали комья земли.

... Тьфу ты, и приснится же такое!

Протасов дёрнулся, просыпаясь, и застонал от облегчения. На душе было мутрно и неспокойно, но слава Богу, что проснулся... Пойти, открыть бар, там есть ещё бутылка... Попытавшись встать, Иван Петрович почувствовал, что лежать ему не так чтобы удобно, хотя вокруг тихо, темно и мягко. Он сунулся раз, другой, в бок, стукнулся головой и понял, что спяну залез под стол... Или не под стол... Руки затекли в неудобном положении, а ноги что– то жало... Протасов понял, что это, похоже, очень неудобные ботинки. Он пошевелил пальцами, и картонная подошва отвалилась, пальцы уперлись в какую– то стенку.

– Э-эй...эй... – прошептал он, подозревая самое худшее, но отказываясь поверить в этот кошмар.

Запах, привычный сырой запах, столь знакомый ему по роду профессиональной деятельности, обволакивал тело.

– Свят-свят-свят, – пробормотал Иван Петрович. Почему– то он не испытывал паники, видимо, до шокированного мозга ещё не дошло нынешнее положение, но Протасов чувствовал, что паника не за порогом. Вот– вот до него дойдёт, что это не сон, и тогда...

Похоронщик дёрнулся и почувствовал, что руки у него связаны. «Сволочи, – подумал он, – какие же вы сволочи... даже руки развязать забыли! Халтурщики! Да что ж это в мире-то деется... Ничего святого...» Его разум всё ещё пытался вообразить, что это сон, шутка, что угодно – но только не сырая замогильная реальность, и Протасов подсознательно пытался отсрочить волну ужаса и сумасшествия профессиональным возмущением. «Сволочи, ботинки приличные стырили и руки развязать забыли». Возмутившись, он попытался высвободить запястья, и тут же отлетела дешевая

пуговица от манжеты. «Жмоты! Ворьё! Хал-турщики! Нормальную рубашку и то стырили!»

Руки были связаны слабо, и вскоре Иван Петрович получил возможность вволю царапать по крышке гроба, обитой дешёвым ситцем, профессионально отмечая: материя плохо прибита, доски плохо оструганы... Вот жульё! Грудь давило, он ощупал карманы и вытянул бумажник, набитый резаной бумагой. «Твою мать, – пробормотал он. – Мало того, что вы, уроды, меня закопали, так вы ещё и во гроб женой положенное вытащили! Совсем страх божий потеряли! Креста на вас нет!» От осознания факта, что конкуренты с ним поступили в совершеннейшей точности с правилами его собственной фирмы, стало глухо и безнадежно. Наконец-то разум сдался, и Протасов почувствовал: это не сон, это совершеннейшая правда. И бумажник пустой. И ботинки картонные.

– Боже, – пробормотал он. – Боже...

Снизу что-то давило, сучок царапал спину сквозь разрезанный на спине пиджак.

Пришло осознание: «Всё». Рванувшись, он бил и колотил по крышке, выл и орал, царапался и ломился.

А потом долго лежал в полной темноте и чувствовал, как ему не хватает воздуха. «Боже, – прошептал он, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы, – Боже, если я виноват, Господи, а я виноват... Господи, я искуплю... Пожалуйста, не покинь, не оставь, Господи... Боже, сделай так, чтобы это было кошмарным сном, Боже, дай мне шанс, дай мне...»

И тут в кромешной темноте мигнул зеленоватый огонек и раздалась трель. Мобильник! Мобильник, братцы! Трясущимися руками, путаясь в зацепившейся за манжету веревке, он выхватил из-под подушки, заломив в тесноте до боли руку, заветное чудо техники, торжество человеческой мысли... Высветился знакомый номер.

– Ребята, ребяташки, – он едва не плакал. – Братцы, миленькие, как же хорошо, что вы позвонили, братцы, ради всего святого...

– Погодь орать, – в голосе зама, Павлуши, звучали возбужденные нотки. – Слыш, Петрович, чё скажу... Тут мелкие уроды... типа вандалы... короче, плитку ветеранскую толкают. С мемориала. Чистый кусок. Реально так откололи, едва допихали... Брать?

– Да? – загорелся Протасов и торопливо, чтобы конкуренты не перебили, крикнул: – Конечно, бери!

Он ещё хотел дать ценные указания, но мобильник неожиданно пискнул, и батарея сдохла. Протасов тупо и неверяще смотрел на угасающий экран. И прошептал, и одними губами простонал:

– Бо-о-оже...

Накрыла темнота, и он завопил, срывая связи:

– Братцы, подождите, вытащите меня, братцы!

Но батарейка приказала долго жить, настолько долго, насколько хватит воздуха в этой могильной сырости. Оставалось лежать и думать: «Боже, пожалуйста, дай мне еще один шанс. Дай мне еще один шанс, пожалуйста, Боже».

ЗОНТ

Антон увидел зонт, когда вбежал в подъезд, чтобы спрятался от дождя. Черный зонтик лежал на почтовых ящиках. Антон осмотрелся. В подъезде никого не было.

«А что, если я воспользуюсь им, – подумал мальчик. – Только чтобы добежать до дома, а то мама меня и так заждалась, наверное. А вечером принесу его обратно».

Мама послала его за хлебом и в аптеку за лекарством, а он заигрался и попал под дождь. Решение пришло само собой. Он схватил зонт и выбежал на улицу. Дождь, казалось, пошел еще сильнее. Антон вынул зонт из чехла и открыл его. Большой купол мог уместить под собой еще троих мальчишек. Под зонтом Антон почувствовал себя важным, взрослым. Вот мама удивится, когда ее сын зайдет в квартиру, как взрослый дядя.

– Чего изволите, господин, – раздался сонный с едва уловимым южным акцентом голос.

Антон остановился. Посмотрел по сторонам. Самый ближний человек находился метрах в пятидесяти от него. Вряд ли Антон его услышал бы. Наверное, шум дождя и все такое. Мальчик пожал плечами и пошел дальше.

– Ваше желание, о несравненный.

Голос прозвучал громче и еще более недовольно. Будто говорил только что разбуженный человек. Человек, а никакой не дождь.

Мальчик не мог понять, что происходит. Вокруг никого. Если только... Антон быстро откинул зонт назад и посмотрел вверх. Глупости. Неужели я подумал, что надо мной Карлсон летает? Но кто-то же со мной говорит! А почему именно со мной?

– Э, уважаемый. Если вы позволите...

– Ты кто? – спросил мальчик.

– Я джинн, – произнес голос с такой интонацией, будто сказал, что он Иван Петрович – сантехник из ЖЭКа.

– Ты что, Хоттабыч? – не растерялся Антон.

– Зачем Хоттабыч? – обиженно спросил голос. – Меня зовут Абу-л-Аббас Ахмад ибн Мухаммад аль-Нишапури.

– Ага. А ты где?

– Сейчас покажусь.

Мальчик ждал.

– Я здесь.

Антон повернулся на голос. В двух шагах от него стоял небритый мужчина в спортивном костюме и бейсболке. Одну руку он держал в кармане, а в другой перебирал четки. Так вроде обычный человек, но вот только будто под стеклянным куполом. На него не попадал дождь.

– Это Вы Абу...

– Можешь звать меня Ахмад.

– А разве джинны так одеваются?

– Пацан, джинны сейчас еще и не так одеваются. Давай желание...

– Три?

– Чего три? – не понял джинн.

– Ну, желания. Три?

– Я что тебе, золотая рыбка? Давай одно желание и положи меня туда, где взял.

Мальчик задумался. Как бы хорошо было, если бы желаний было три. Пока Антон думал дождь закончился.

– А откуда ты взялся? – спросил мальчик.

Джинн сидел на корточках и разглядывал четки. Когда он услышал вопрос, поднял взгляд на мальчика.

– Это желание?

– Нет, – поспешил ответить Антон.

Ахмад усмехнулся.

– Я живу в нем, – сказал джинн и показал на зонт.

Антон понял, что все еще стоит с открытым зонтом. Солнце вышло из-за туч.

– А почему не в лампе?

– Слушай, пацан, вот что ты пристал? Лампа – шлампа. Одеваюсь не так, живу не там. Ты желать будешь?

– А можно, я подумаю?

– Думай. – Джинн продолжил разглядывать четки.

– А можно, я тебя возьму домой... ну, до тех пор, пока не придумаю?

Ахмад встал. Размял ноги. Склонил голову сначала в одну сторону, затем в другую. Антон услышал, как хрустнули позвонки. Джинн из-под густых бровей сурово посмотрел на мальчика. Антон уже было подумал бросить эту затею с желанием и убежать отсюда. Но Ахмад произнес:

Шолохов Алексей Викторович, родился в 1975 году в д. Марьянка Калужской области. Школу и институт закончил в Карачаево -Черкессии. Работал дворником, охранником, поваром, электриком, энергетиком цеха. Сейчас живёт в Москве, работает и пишет. Сотрудничает с интернет-журналом «Пролог», альманахом «Порог» и журналом «Новый дом».

– Валяй, пацан. Только зонт закрой. И пока не решишь, не вздумай открывать.

Антон с улыбкой на губах сложил зонт. Ахмад почти сразу же исчез. Мальчик аккуратно вложил зонт в чехол. Его переполняла радость. Это же надо так повезти? Надо обязательно позвать Кирилла. Похвастаться перед другом. Улыбаясь, мальчик побежал домой.

Мама его не ругала. Ей стало хуже. Поднялась температура. Папа вызвал «Скорую». Они сделали маме укол, и она уснула. Антон положил зонт на стол и сел смотреть телевизор. Он ждал, когда и папа ляжет спать, чтобы спокойно открыть зонтик и загадать желание. Антон придумал его, пока шел домой. Он хотел Game-boy, как у Кирилла. Антон мечтал об этой игре давно. Родители обещали подарить на день рождения, но до декабря еще далеко. И раз уж появилась такая возможность, то надо воспользоваться ей.

Папа зашел в двадцать минут десятого. Погладил Антона по голове. Погасил свет и вышел. Антон долго не мог уснуть. Чувство радости перемешалось с чувством тревоги. Он переживал за маму. А взглянув на свою «лампу Аладина», забывал обо всем.

Часов в десять раздался телефонный звонок. Звонила сестра мамы – тетя Наташа. Папа рассказал ей, что мама заболела и что, возможно, ее положат в больницу. А еще он сказал... У Антона душа ушла в пятки. Он сказал, что если бы они дали ей лекарство раньше на полчаса, то она бы пошла на поправку. А так... Дальше Антон не слышал отца. Чувство вины заглушило все остальные. Папа говорил о том лекарстве, которое принес Антон. Принес очень поздно. Если бы он не играл с ребятами, а сразу принес, мама бы выздоровела.

Мальчик не сомкнул глаз до утра. У него был джинн и одно желание. И это желание...

Его разбудил папа.

– Сынок, мы с мамой в больницу, – сказал папа.

– Вы скоро?

– Я да. А мама побудет там. Ей надо отдохнуть от нас. – Папа улыбнулся, но Антон увидел печаль в его глазах. – Ты за старшего.

И отец вышел. Антон остался один. Какой-то комок подкатил к горлу. Сгусток боли и печали. Он вдруг подумал, что больше никогда не увидит маму. Антон заплакал.

Вдруг мальчик понял. Зачем ему игры, солдатик и всякая всячина, когда его мама болеет? Теперь он не раздумывал. Достал зонт из чехла и открыл его.

– Эй, ты где?

Тишина.

– Эй, Хоттабыч. Ты здесь? – Антон не запомнил, как зовут его джинна.

– Я Ахмад, – с вызовом сказал исполнитель желаний.

– Ага. А ты где?

Дверь шкафа открылась. В комнату вышел небритый мужчина все в том же спортивном костюме. Прошел и сел во вращающееся кресло у компьютерного стола.

– Слушаю и повинуюсь, – произнес Ахмад и зевнул.

– Послушайте, Ахмад. Я хочу... Вы можете... А? Джинн почесал подбородок.

– Может, ты сначала скажешь, чего хочешь, мой господин.

– А я не сказал?

Ахмад мотнул головой.

– Моя мама заболела. И я хочу... Надо, чтобы... Сделай так, чтобы мама выздоровела. Пожалуйста.

Ахмад вздохнул. Поднялся с кресла.

– Ты, мой господин, думаешь, что джинн лекарь? Нет, пацан, джинн не может лечить. Этому учиться надо. Хочешь золота? Камни, дворцы – это я мигом. Но лечить людей – великое чудо. Джинн на это не способен.

Антон сел на кровать.

– Что же делать?

– Ждать.

– Да, наверное.

– Слушай, пацан, отнеси меня назад.

– Да, конечно.

Антон сложил зонт. Через полчаса мальчик стоял в подъезде. В том, где он взял джинна. Слезы текли по щекам точно так же, как капельки дождя в тот день. Антон трясущейся рукой положил зонтик на почтовые ящики. Ему захотелось убежать, скрыться.

Антон, как и любой другой мальчишка, верил в чудеса. И вот когда ему повезло больше всех – он находит источник чуда, приходит разочарование. Чудес не бывает! Мама Антона медленно умирает, и все из-за него.

– Эй, пацан.

Мальчик сначала подумал, что вышел кто-то из жильцов.

– Это я – Ахмад. Открой зонт.

Антон подошел к ящикам. Взял зонт и надавил на кнопку. Щелчок.

– Я вот что подумал, мой господин. – Ахмад ибн Мухаммад сидел на ступеньках и улыбался. – Пожелай, чтобы ничего этого не было. Чтобы ты в тот день не зашел сюда, а пошел сразу домой.

Мальчик сел рядом.

– Ну? – поторопил его джинн.

Хуже ведь не будет.

– А это поможет?

– Тебе решать, повелитель.

– Давайте. Я желаю, чтобы ничего этого не было. Чтобы я успел принести лекарство маме.

– Слушаюсь и повинуюсь.

Антон вышел из аптеки и столкнулся с Мишкой. Они учились в одном классе.

– Антоха, давай с нами. Мы с пацанами в казаки-разбойники играем. Давай?

«Тебе решать», – вдруг вспомнил Антон слова джинна.

– Нет, Миша, я не могу. У меня мама заболела.

И Антон побежал домой. Он вернулся задолго до того, как начался дождь.

Мама выздоровела. А Антон... Антон понял, что чудеса бывают. Но каждый должен решать сам, что ему делать.

Лев ЭГЛИТ

Фото из фондов музея Свердловской киностудии

Юбилей забытого жанра

Недавно исполнилось 60 лет Объединению научно-популярных фильмов Свердловской киностудии. С его появлением начал складываться облик Свердловской киностудии как своеобразного кинокомбината, где под одной крышей представлены все виды кинематографа. А начиналось Свердловское научное кино в октябре 1948 года. Тогда в Свердловск переехал коллектив Новосибирской студии учебных фильмов. Он-то и стал «фундаментом» будущего объединения.

На первых порах научно-популярные фильмы имели четко выраженный географический характер. Режиссёр А. Литвинов, известный по лентам 1920-х годов «Лесные люди» и «По дебрям Уссурийского края», снимает фильмы «В горах Алтая» (1948) и «По Чусовой» (1949). Кстати, уральская красавица Чусовая заинтересовала и режиссёра И. Правова. Его картина называется «По берегам Чусовой» (1950). Действительно, кто не видел Чусовой, тот не видел Урала.

В 1950 году приходит первый значительный успех. Режиссёр Я. Задорожный заканчивает фильм «Соперники». А в марте 1951 года ему и оператору А. Сухомлинову присуждается Сталинская (Государственная) премия СССР. О чём эта картина? О том, как быпа выведена знаменитая орловская порода лошадей. Суть и прелесть фильма в том, что история орловской породы рассказана (сценарий М. Витухновского) живо, эмоционально, ярко. В фильме прослежена жизнь красавцев рысаков Баловня и Бравого. Создатели фильма как бы «очеловечили» их. Такое направление в научно-популярном кино получило название «антропоморфизм». Можно,

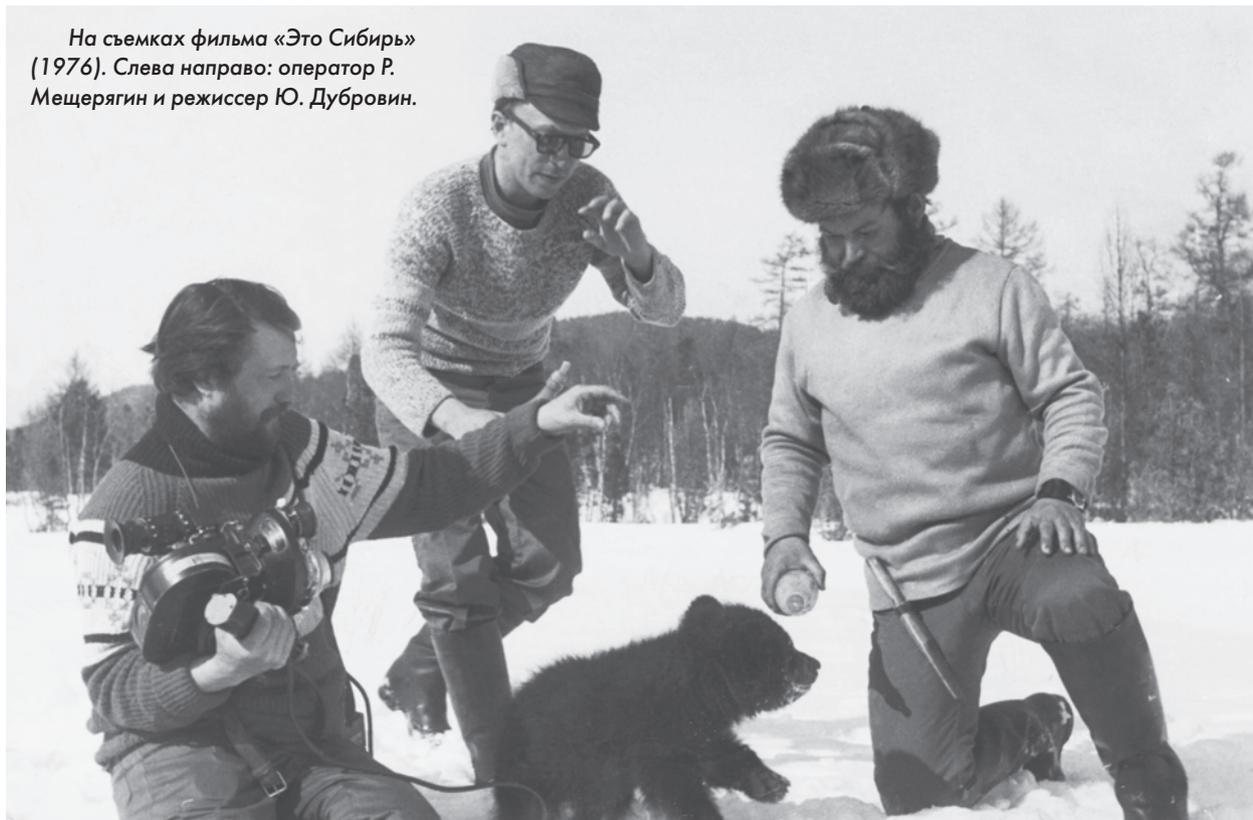
наверное, сказать, что картина «Лесная быль» (о семье бобров), сделанная на «Моснаучфильме» режиссером А. Згуриди в том же творческом ключе, соперничала с «Соперниками» по части зрительского успеха. Первое свидание с «Соперниками» я запомнил на всю жизнь. Нам, шестиклассникам, фильм показали после экскурсии в просмотровом зале студии.

Мы чтим и помним наших мастеров, много сделавших для научно-популярного кино. Вера Елисеевна Волянская и Леонид Иванович Рымаренко – эти имена всегда рядом Муж и жена. Творческие соратники. На Свердловской киностудии они работали с 1948 года. Поэты в душе, они

Режиссеры (слева направо) Л.И. Рымаренко, В.Е. Волянская, оператор Н.Г. Гайл на съемках фильма «Круг жизни» (1976)

На съемках фильма «Это Сибирь» (1976). Слева направо: оператор Р. Мещерягин и режиссер Ю. Дубровин.

изучали и воспевали природу во всех её ипостасях. Проникали в тайны дерева, воды, камня. Особенно камня. «Неживую» природу они умели сделать живой, пульсирующей, одухотворенной. Отсюда и непреходящий интерес к жизни и творчеству замечательного ученого-минералога А. Ферсмана. Свидетельством тому научно-популярные ленты: «Рассказ о камне», «Воспоминание о камне», «Будь полезен человечеству!». В начале 1960-х годов В. Волянская и Л. Рымаренко сняли фильмы «Миллионы в отвалах», «Огненное копьё», «Укрошенный враг», посвященные актуальным проблемам научно-технического

прогресса. Критик К. Ахтырский назвал их «рождением нового жанра – боевой научной публицистики». Особенно большой общественный резонанс получил фильм «Огненное копьё» – об эффективном «огневом» буре.

Одними из первых В. Волянская и Л. Рымаренко стали заполнять «экологическую нишу» в нашем научном кино. И заполнять серьезно, глубоко, достойно. Широкий диапазон экологических вопросов в их фильмах. «Наш дом – Земля», «Наш неизменный друг», «Круг жизни», «Предвидеть!...», «Сколько стоит пейзаж?». В последнем фильме, пожалуй, впервые затрагивается диалек-

Режиссер В.Е. Волянская

Оператор Х.А. Лобер и режиссер А.В. Меницкая

тическая связь экологии и эстетики. Свет, цвет, музыка, ракурс, монтажный стык – всё в поле зрения мастеров. Отсюда – высокая культура их кинопроизведений.

Нельзя не вспомнить о фильме А. Литвинова «Иван Ползунов» (1954). Добротный, можно сказать классический, научно-популярный фильм, несущий зрителям интересный познавательный материал о знаменитом русском механике А как впечатляет эпизод с макетом

«дышащей» паровой машины Ползунова! А. Литвинов начал свою работу в кино в «немой период». И судьбе было угодно, чтобы таковым был, и его последний фильм. В начале 1970-х годов студия выпустила несколько так называемых сувенирных фильмов (для любителей кино). И один из них – «Металла русского краса». Немое изображение и титры. Последний литвиновский фильм заканчивал его оператор Г. Куликов.

На съемках фильма «Однажды летом» (1960).
В центре режиссер А.А. Литвинов

В активе Галины Михайловны Тургеневой более 50 научных фильмов. И во многих из них она использовала своё проверенное оружие – мультипликацию. Невидимые процессы, внутренние реакции в живом организме, принципы устройства машин – становились понятными для зрителей. «Наступление на вирусы» (1970) – одна из ярких и значительных работ режиссера. А в научно-популярном фильме для младших школьников «Путешествие по стране Геометрии» (1972) стараниями Галины Михайловны полностью царствует увлекательная мультипликация...

От Свердловска до самых до окраин пролегли пути - дороги режиссёра Аллы Владиславовны Меницкой и оператора Хаима Абовича Лобера. Прекрасный и удивительный мир природы открывается в их картинах «Источники Тункинской долины», «Ожерелье здоровья», «Рожденная во льдах».

В былое время строго соблюдалась традиция преемственности поколений. В 1960 – 1980 годы среднее и младшее поколения «научно-популярников» продолжили дело старших мастеров. Бориса Урицкого увлекала публицистика и глубины науки («Север – навсегда», «Закон возрождения», «Кто ты, робот?»). Лия Козырева преуспела в гуманитарной тематике («Д.Н Мамин-Сибиряк. 26 октября 1912 года», «Литературный квартал». «Воспоминание на фоне города»). Лев Ефимов – прекрасный пропагандист истории техники («Конструктор Поликарпов», «Танки против танков», «Уроки катастроф»). Плодотворно в эти годы работали Анатолий Стремяков («Урал – металл – наука», «Как спасти море?» «Дети Чарковского»), Ия Михайлова («Ферменты – наши друзья», «Окно в мир»), Эдуард Шейнгезихт («Кто сварит кашу?», «Инженер Шухов»), Владимир Чинёнов («Хруп-

кие мгновения истории). Аркадий Морозов словно бы шёл по следам Д. Литвинова, снимая картины о малых народностях России («Мы были птицами», «Одноногий карлик»). Анатолий Валуев после яркого дебюта («О, велосипед!») снял философский фильм о своём родном Коми-Пермяцком крае («Мы были дымом»). Лидию Котельникову волновали вопросы здоровья человека («Помогите здоровью», «Хирург и лазер»). Юрий Дубровин с любовью, проникновенно показал родной Урал в своих короткометражках («Река Чусовая», «Голубые жемчужины Урала», «Самый красивый Урал»). Беспокойной детской аудитории посвятила свои ленты Ирина Брызгалова («Копилка курьезов», «Шёл трамвай по городу», «Алиса в стране Метрополитении»).

А что же происходит в настоящее время? К сожалению, производство научно-популярных фильмов почти «на нуле». Пожалуй, можно назвать несколько этнографических лент и картину об истории грампластинки (режиссер Т. Погорелова). Познавательная «нота» практически ушла из кинотеатрального репертуара. Здесь превагирует дешёвая развлекаловка. Но мы помним научно-популярный киножурнал для детей с дерзким романтическим названием «Хочу всё знать». Да, действительно, мы многое хотим знать и понимать. Академик В.Я. Комаров писал в предисловии к сборнику сценариев научно-популярных фильмов (1944): «Мне хочется ещё сказать, что научно-популярные фильмы – знаменательный пример сочетания искусства и науки. Для русской культуры такое сочетание – давнишняя традиция, идущая от Ломоносова. Что может быть более благодарной задачей, чем распространение в народе научных представлений с помощью такой могучей силы, как киноискусство...»

На съемках фильма «Такая добрая зелень» (1985).
В центре – режиссер Л. Котельникова

Иван ПЛОТНИКОВ

Учитель скульптора Шадра

107 лет назад (в декабре 1902) в Екатеринбурге была основана Художественно-промышленная школа. Со временем она превратилась в многоотраслевое учебное заведение. Ее преемником ныне стало Екатеринбургское художественное училище им. И.Д.Шадра. Первым директором (1902–1906) и одновременно преподавателем школы был художник и педагог Михаил Федорович Каменский. Уральскому читателю небезынтересно будет узнать о жизненном и творческом пути этого человека, а также о его весьма примечательной родословной.

Предками Каменских были столбовые дворяне древнего рода. Его родоначальник – Ратша – тиун (судебная должность) великого князя Киевского Всеволода Олеговича. Ратшичи упоминаются в летописи 1146 года. Потомок того первого Ратшича – боярин Роман Иванович Акинфич – имел вотчину на реке Каменке в 50 верстах от Твери. Потому и стал носить фамилию Каменского. Был это XIV век.

По материнской линии последние поколения Каменских имели истоки от герцога Оттона Берга, переселившегося в XIV веке из Вестфалии в Эстляндию, и Иоганна Миниха – примерно с того же времени живущего в Прибалтике же. Ближайшие предки художника – дед и бабка: Александр Каменский, поручик и Шарлотта-Екатерина – дочь генерал-аншефа М.В.Берга. Родители – генерал-майор Федор Каменский и педагогическая деятельница Аделаида Арисовна (из семьи А.М.Фольфа).

В семье этих Каменских было два сына. Михаил Федорович – младший из сыновей, Федор Федорович – старший. Обоих увлекло искусство. Федор (1836–1913) стал одним из выдающихся скульпторов России. Наиболее известные его произведения: «Мальчик-скульптор», «Первый шаг» и группы «Мир» и «По грибы». Ф.Ф. Каменский учился в Академии художеств у И.П.Витали и Н.С. Пименова. За барельеф «Возвращение Регула из Рима в Карфаген» получил большую золотую медаль и звание классного художника 1 степени. В 1868-м в Италии получил звание академика – за скульптуру «Вдова». Жил и работал во Флоренции, с 1871 – в США. Он был на 12 или 14 лет старше Михаила и помогал его становлению как художника.

В роду Каменских – два героя Отечественной войны 1812 года. Их портреты представлены в Военной галерее Зимнего дворца.

Михаил Федорович Каменский родился 16 (28) марта 1850 года в Санкт-Петербурге. Окончил Акаде-

мию художеств по классу живописи со званием классного художника. Преподавал (1879–1902) методику рисования в знаменитом техническом училище барона Штиглица. Потом, как мы уже знаем, директорствовал в Екатеринбурге и преподавал рисунок, живопись и историю искусств. После событий 1905 года был смещен с поста директора школы и сослан в Уральск.

Среди учеников Каменского был будущий скульптор И.Д. Шадр (Иванов), в судьбе которого наставник принял самое живое участие. В неумелых рисунках мальчика педагог сумел разглядеть будущего мастера и зачислил его в школу вопреки сопротивлению других педагогов. В трудные для Шадра годы учебы (он не имел никаких средств материальной поддержки) Михаил Федорович ввел его в свою семью, где мальчик получил, кроме прочего, уроки музыки и вокала, поскольку жена М.Ф. Каменского имела хорошую музыкальную подготовку.

Михаил Федорович был женат на Алевтине Яковлевне Шелудяковой. У них были сын Федор (1887–1942) – юрист, педагог и внук Михаил (1923–1986) – капитан 1-го ранга, участник Великой Отечественной войны.

Михаил Федорович и его семья остались жить в советской России. Большая часть приведенных биографических сведений получена автором от здравствующего ныне и проживающего в Твери (ему за 80 лет) А.А.Ткаченко. Он – потомок Каменских по женской линии и, кстати, внучатый племянник жены адмирала, Верховного правителя России А.В.Колчака. Его бабушка Екатерина Федоровна Ткаченко, урожденная Омирова, и жена Колчака Софья Федоровна – родные сестры. Их мать Дарья Федоровна была из Каменских. Сестры и при советской власти (Софья проживала во Франции, а Екатерина – в России) умудрялись переписываться. Правда, вдова Колчака указывала свою девичью фамилию – Омирова.

М.Ф.Каменский был одним из организаторов журнала «Учитель рисования» (Москва), где напечатал ряд статей, излагая в них свое методическое кредо – обучение художественному ремеслу в сочетании с интеллектуальным развитием.

Михаил Федорович был членом УОЛЕ, участвовал в культурной жизни Екатеринбурга.

В 1914 году он открыл в Москве частную школу рисования. Некоторое время жил и работал в Петрограде, был хранителем художественных ценностей в Коломенском районе. Затем переехал в Москву, где и скончался.

Иван Федорович Плотников, – академик Российской Академии гуманитарных наук, заслуженный деятель науки РФ, лауреат ряда премий, доктор исторических наук, профессор УрГУ. Автор многих книг, публикаций в периодических изданиях, сборниках. Давний автор «Уральского следопыта».

СОКРОВИЩЕ ТАМУРИИ

Исторический роман

ШЕСТОЙ ДЕНЬ ДО ЖЕРТВЫ СОЛНЦУ

– Кому понадобилось вешать беспомощного старика? – спросила Тамурия састара. – Ребята говорят, он уже не смог сам влезть на лошадь.

В лучах рассвета на шее пастуха, лежавшего навзничь на опушке березовой рощи, четко отпечатался след от петли. Его собственный аркан, уже снятый с ветки воинами, валялся неподалеку.

– Чабан любил поболтать, – указал састар на вытянутый язык. – Это его и сгубило. Раухшана доложил, что старик перед тем, как посидеть с ними, о чем-то беседовал с молодым посланцем. Этого же перса ночью выгнал из рощи тот же Раухшана.

Амазонка ничего не ответила, и командир мужчин продолжал:

– Кстати, парень вроде бы не так уж плох. Крепыш, хотя и с ветром в башке. Он попросился в мой отряд. И я ему не отказал.

Тамурия будто не слышала его, и састар снова заговорил об убийстве.

– Воин, стороживший пленных, услышал ночью какой-то шорох и обнаружил, что у одного из исседов порвана веревка.

– Ты хочешь сказать, что этому пленнику удалось тайком выбраться и задушить старика? Зачем он это сделал и почему вернулся назад?

– Иссед мог наткнуться на чабана. Поняв, что трудно убежать в одиночку, он возвратился освободить товарищей. Тех, кто помог ему самому. Отныне будем раскладывать пленников подальше друг от друга.

Не отрывая глаз от трупа, Тамурия похлопала плетью по сапожку.

– Вы наказали исседа?

– Ждали тебя. Может, надо его тоже повесить?

Продолжение. Начало в № 10, 11

– Наверное, чтоб другим неповадно было. Покажешь, кто этот иссед, – и добавила, указав на березу:
 – Может, старик сам свел счеты с жизнью?
 Командир мужчин криво усмехнулся.
 – Твое слово дороже моего, начальница. Только как чабан добрался до ветки, если не мог даже на лошадь залезть?..

Проснувшись поутру от какого-то шума, послы возобновили разговор, начатый накануне.

– Я еще не рассказал тебе о ночной встрече с Раухшаной, – произнес, не вставая с лежанки, Арианда. – Если я правильно понял откровения этого беспородного щенка, то отныне мы можем считать себя в плену у Тамурии.

– Ну, ты-то, по-моему, давно у нее в плену, – усмехнулся Утана.

Лицо молодого перса вдруг исказила гримаса.

– Голова снова болит? – догадался главный посол. – Ладно, хоть удар секирой пришелся не лезвием, – посочувствовал Утана. – И вообще – о великие боги! – мы спаслись тогда только чудом.

– Ты знаешь, как зовут это чудо.

Старший из персов молча кивнул.

– Кстати, о Тамурии. Ты говоришь, Арианда, что она все-таки знает дорогу к Высокой Харе?

– Так утверждал старый пастух, а не я. Он еще добавил, что только избранные знают туда дорогу. А зачем тебе Хара, Утана?

Главный посол сделал вид, что не расслышал вопроса, и вышел из палатки.

Через минуту он вернулся уже не таким размеренным шагом.

– Первое предзнаменование этого дня для нас недоброе! – бросил он. – Наш конюх сказал, что твой жеребец заболел, и тебе надо выбрать другого. А второе еще хуже: старый пастух найден повешенным в роще.

– Проклятье! – не удержался Арианда. – Только мы собрались подкупить его и расспросить поподробнее!

– Теперь его душу расспросит сам Митра на Мосту-Разлучителе. Как и душу того исседа, которого подозревают то ли в убийстве старика, то ли в попытке побега.

По пути к коням внимание послон привлекло разбирательство дахов с пленниками. Кочевники обрывали с одежды врагов те из медных украшений (исседы предпочитали бляшки в виде птиц), которые показались им острыми и могли быть использованы для того, чтобы перерезать веревки.

Между своими соплеменниками и дахами стоял обвиняемый иссед.

– С ним-то я и беседовал в тот вечер, – шепнул другу Арианда. – Но зачем он прикончил старика?

– Говорят, именно он броском ножа тяжело ранил того, кто сторожил наших коней в мертвом городе, – откликнулся главный посол.

– Сейчас его накажут и за то, и за это.

Кардат не выделялся внушительностью среди могучих разбойников, хотя нельзя было назвать слабыми его широкие плечи или твердые черты лица. И это лицо он и не думал опускать перед грозными командирами дахов.

– Он все отрицает, – пояснил послан конюх персов, пришедший чуть раньше. – Якобы его веревка просто перетерлась, но он никуда не уходил.

– Благородная Тамурия! – голос исседа немного дрожал. – Даже ваши веревки не выдерживают. Облегчи страдания хотя бы раненых, не мучай их удушающей связкой, – чем больше говорил пленник, тем больше он успокаивался, не замечая, что с амазонкой дело обстоит как раз наоборот.

– Взываю к твоей справедливости, Тамурия! – закончил Кардат. – Если ты знаешь, что это такое.

– И вы, палачи, еще требуете справедливости? – у девушки перехватило горло. – Даже если не ты убил старика, по праву войны мы можем делать с вами все, что захотим, – амазонка обернулась к своим. – А что же мы хотим? – Она обвела взглядом дахов.

– Казнить наглеца! – без раздумий произнес састар, и его слова были подхвачены почти всеми мужчинами и кое-кем из амазонок. – Марга (убей)!

Тамурия подозвала одного из охранников и обменялась с ним короткими фразами, после чего тот протиснулся через ряды своих и куда-то исчез.

– Ты слышал мнение большинства воинов? – бросила Тамурия пленнику, подойдя почти вплотную к нему. – Ты по-прежнему отказываешься назвать того, кто перерезал или перегрыз твои пути?.. Не возражай!

– Она подняла свою ладонь, а могла бы – плеть, – прошептал Утана. – Девчонка не любит бить тех, кто не может ответить?

Пока она вглядывалась в глаза Кардата, пытаясь проникнуть в то, что было у него на уме, дахи ругали последними словами исседов, но о пленении Тамурии не поминали, зная, что ей это было бы неприятно.

Тем временем вернулся воин, отосланный амазонкой. Кочевник нес два бараньих черепа, которые были разрублены таким образом, что походили на чаши. Он словно собирался дружески распить с пленником кумыс.

Воин аккуратно расставил черепа-кубки на концах продолговатого валуна, лежавшего в траве неподалеку.

Александр Владимирович Кондратьев (псевдоним Алекс Кондор) – специалист по вопросам управления и оздоровительным системам, преподаватель Челябинской медицинской академии. Его alter ego – история древних культур. Собрал по этой теме большую библиотеку книг и статей. Будучи давним поклонником «Уральского следопыта», специально для любимого издания подготовил журнальный вариант своего остросюжетного исторического романа. Рисунки выполнены автором.

Видимо, готовится какой-то варварский обряд, решили персы.

– Со святотатцами, разрывающими города и могилы предков, у нас свой разговор, – заявила Тамурия. По этим ее словам, как по сигналу, охранник зашел за спину к исседу и подтолкнул его к камню. Затем дах, потянув за веревку, заставил пленника встать на колени и положить голову между бараными черепами на эту импровизированную плаху.

– Ты просил облегчения страданий? – спросила амазонка Кардата. – Сейчас получишь.

– Наверное, в эти чаши будут собирать его кровь, – сказал Утана.

Воины с таким опытом, как оба посла, были привычны к казням. Если можно к этому привыкнуть. Но, кажется, здесь готовилось что-то еще.

– Мне говорили, что кочевники пьют кровь первого врага, – добавил Утана. – С кровью врага они забирают его силу.

Арианде вспомнилось, как он сам невольно попробовал крови вожака исседов. Кроме тошноты, он ничего не испытал ни тогда, ни сейчас.

Дах в это время вытащил из чехла бронзовый чекан, и поводит его клиновидным бойком перед самым носом Кардата. Все затихли в предвкушении некоего таинства, смысл которого был не совсем еще понятен. Зато ясно было одно: молодому разбойнику оставалось жить считанные мгновения. Палач тем временем приложил острие чекана к темени иседа, раздвинув его русые пряди. Он то ли хотел получше прицелиться, то ли подольше помучить жертву. Затем дах медленно поднял свое оружие – как можно выше – и нанес резкий удар. Так дятел клюет подсохшую сосну, и такой же стук раздался сейчас в мертвенной тишине.

Удар был так силен и так точен, что расколол напрочь кости черепа.

Но то был не череп Кардата, а стоявший рядом бараний «кубок».

Вздых облегчения пронесся по толпе зрителей, даже у некоторых из тех, кто ратовал за казнь. Но, похоже, дело было вовсе не закончено...

– Иссед не дрогнул, – заметил Утана. – Но что будет дальше?

Кардат поднял голову с недоумевающим видом. Казалось, он не верил в данную ему отсрочку и ожидал встретить нечто иное: к примеру, райский сад или адскую нечисть.

Смахнув наземь осколки, палач придвинул прямо к виску пленника второй череп-кубок и встал сбоку.

– Проси прощения у своей госпожи за непочтительность, – строго сказал дах. – И поклонись ей земным поклоном. Иначе следующий удар сделает то же самое с твоей головой.

Иссед не шелохнулся, и тогда воин снова занес над ним свой чекан.

– Подожди, – остановила его Тамурия. Она поискала кого-то глазами. – Раухшана, иди сюда.

Молодой дах не сразу вышел вперед; его подтолкнули воины в спину.

– Ты ведь не был еще в бою, – обратилась к нему предводительница амазонок. – И не проливал ни свою кровь, ни чужую. Пора начинать.

Она кивнула охраннику:

– Отдай ему чекан.

Раухшана как-то неуверенно, будто нехотя, принял оружие и нерешительно потоптался рядом с исседом.

– Что ты медлишь? Ты же сам рвался убивать врагов.

Юноша помялся, перебирая в руках чекан. Убивать в бою – это одно дело. А начинать свои ратные подвиги с казни – это совсем другое.

– Тамурия! – что-то надумав, решительно сказал он.

– Вели дать ему такое же оружие, и мы сразимся с ним на равных.

– Нет, Раухшана, – улыбнулась вдруг амазонка. – Сейчас мы испытываем не твое мужество. Бей. Или ты боишься промахнуться?

После этих слов молодому даху ничего не оставалось, как поднять чекан, хотя рука пастуха и не была столь тверда, как бывала при забое скота.

– Марга, марга! – скандировали кочевники.

Стоя по-прежнему на коленях, молодой иссед обернулся – прощаясь? – к товарищам, но встретил ухмылку своего недруга. Медленно поворотив голову, Кардат уставился на плаху, как будто увидел ее впервые.

Высоко занесенный чекан замер, наконец, в крепкой руке Раухшаны...

Молодой иссед поерзал на коленях.

– Прости меня, Тамурия, – неожиданно для всех произнес он и пал ниц.

Вирак – тот из исседов, что требовал когда-то пытать пленницу, – сказал негромко, но так, что услышали все его сородичи, в том числе и сам Кардат:

– Я же говорил, что он слишком слаб, чтобы быть вожаком!

Персы тоже вполголоса обсуждали происшедшее.

– Сдался-таки, – бросил другу Арианда. – Трудно два раза подряд играть со смертью.

Утана ничего не ответил; он следил не за исседом, а за Тамурией. На лице ее отразилось не столько удовлетворение от признания своей власти и усмирения этого подобия мятежа, сколько какое-то разочарование.

– По ночам усилить охрану! – приказала Тамурия. – Во время переходов в этом деле мужчин пусть сменяют девушки. А ты, Раухшана, будешь помогать им, – и она быстро зашагала прочь.

– Как ты думаешь, она остановила бы казнь, если бы иссед не покорился? – спросил Арианда у главного посла.

– Не знаю, – ответил тот. – И, по-моему, не знает она сама.

Воины расходились, плетками загоняя в строй притихших разбойников; персы тоже поторопились со сборами.

На лежавшего ничком исседа поначалу никто не обращал внимания. Потом охранник, забравший у Раухшаны свой чекан, помог пленнику подняться – пинком по ребрам. Но ни этот воин, ни другие дахи, ни тем более персы не заметили, что во рту Кардата оказался кусок разломанной кости, валявшийся на земле рядом с валуном...

Караван снова двинулся в путь под мерный звон колокольчиков на шеях персидских верблюдов. Пастушеский род вернулся на луга с добротными кормовыми травами. Тамурия отправила с ним и подпасков, которые должны были захоронить тело чабана. Сама же она повела отряд на западный берег реки. На узорчатой белой скале заскользили не только копыта лошадей, но даже мозолистые подошвы двугорбых бактрианов.

– Осторожнее! – закричал Утана погонщикам. – Берегите груз.

– Он ценнее ваших голов, – прибавил молодой посол.

После переправы снова был дан сигнал к выступлению, и опять, как выразился Утана, «могучие воины трех племен послушно побрели за девичьей попкой».

На том берегу осталась большая лесистая гора; на-верное, самая высокая из всех гор к востоку от Дахика, встреченных ими на пути.

– Если бы не эта задержка с исседом, – бросила Тамурия састару, – мы бы поискали в ней пещеру.

– С рисунком Голубой Ветви? – откликнулся тот. – Только не на глазах у персов...

Пройдя вдоль реки на север, параллельно Рипейскому хребту, отряд свернул влево, вверх по притоку Дахика.

– Видишь, караван направляется к Рипейскому кряжу? – оживился старший посол. – Если мы не сменим курс, к вечеру будем уже в горах.

– Ну и что?

– Это значит, что разгадка, быть может, близка.

– Какая разгадка? – молодой перс призадумался. – Ты полагаешь, что Хара Барзати находится там, среди Рипейских гор?

Утана не ответил на вопрос товарища, но Арианда к этому уже привык.

– Недалеко от Рип, – продолжил главный посол, – вот только неизвестно, с той стороны или с этой, должна простираться и родина Аджидахаки, Дахского Змея: страна Б а б р а й – «Бобровая», Страна Холода и Зла.

– Однако, сейчас тут жарковато для страны холода, – усмехнулся Арианда. – Хотя предостаточно зла. – Он кивнул шурину на старейшину, который время от времени косил на послов единственным глазом. – Вероятно, састар предпочел бы гнать нас рядом с иседами.

– Да, зла тут хватает с лихвой, – согласился Утана. – Тем более что, по легендам, Дахака не был насмерть сражен Траитауной, а только ранен, лишен силы и закован в нерушимые цепи. Ныне он где-то в пещере, может быть, в этих же горах, сторожит священные ценности. «Сокровище сокровищ», как называл их наш злосчастный хорезмиец.

При этих словах Арианда невольно вздрогнул.

– Какие сокровища?

– Знаки могущества древних арийских царей, в том числе и Траитауны. Такое сокровище, по слухам, было и у Зарины, царицы с а к о в.

Молодой перс дернул узду так, что его жеребец фыркнул и встал.

– Ты не говорил мне вчера об этом, – Арианда дал коню посыл вперед, – когда я сказал тебе о сокровище сакской царицы.

– Я только сейчас вспомнил. Моя голова занята Харой, а не бабами.

– И что же это за сокровища, Утана?

– А вот этого-то как раз никто и не знает. Разные легенды лишь спорят о том, кому первому достались эти реликвии и куда они потом делись. Все сказания сходятся только в том, что эти сокровища прилетели с неба. Боги время от времени даруют их достойнейшим из людей. Говорят, именно благодаря этим знакам милости богов наши предки одерживали свои победы до преклонных лет. Причем не только на поле брани, но и на ложе любви. Что не менее трудно для ветеранов, – закончил Утана с улыбкой.

Молодой посол шутку не воспринял.

– Но как такое сокровище могло попасть к Зарине? И что оно может из себя представлять?

– Неизвестно, попало ли оно к ней вообще. Это только догадка некоторых мидийских жрецов-магов. Наваянная, как мне кажется, теми успехами Зарины, что возвели царицу небольшого племени на высоту, достойную древних героев. Хотя, вероятно, как и во всякой легенде, в этой есть доля истины. И я не исключаю, что кто-либо из мидян, воевавших с саками, мог видеть эту реликвию и поведать о ее существовании своим соратникам.

– Так вот в чем дело! – воскликнул Арианда. – Значит, сокровища Тамурии и есть этот магический символ победы! Обладание этой реликвией и объясняет ее непонятную власть над людьми: особенно, над воинами-мужчинами и над самим старейшиной.

Арианда умолчал, что не свободен от воли амазонки и он сам. Он, который до знакомства с Тамурией презирал слабый пол и считал женщин чем-то вроде прислуги. Во всяком случае, гораздо ниже хорошего коня.

Да, похоже, ему не покорить сердце девушки, пока он не раскроет ее тайну. Но почему все кругом только и говорят о сокровище, даже тот дахский ублюдок?

– Теперь ясно, что ищут и дахи, и исседы в этих краях, не так ли? – спросил он старшего посла.

– Я не провидец, – отозвался Утана. – Для меня важнее, что ищем тут мы.

В этот момент Тамурия освободилась наконец от опеки старейшины, и Арианда поспешил покинуть друга и присоединиться к ней.

Молодой перс впервые с ранней юности хранил целомудрие третий месяц кряду. Поэтому близость прекрасной женщины и ее недоступность производили на него такое же впечатление, какое оказывает на заблудившегося в пустыне странника узкий и глубокий колодец, до дна которого он никак не может достать.

Правда – кто знает? – вода в этом колодце могла быть отравлена...

– Приветствую тебя, владычица степей!

Девушка засмеялась.

– Такой титул подобает только той великой богине, которой поклоняемся и мы, и вы, хотя и под разными именами.

– Красотою, Тамурия, ты не уступишь ни любой богине, как бы она не называлась, ни прославленной Зарине.

Пунцовые от реальгаровых румян щеки амазонки еще больше зарделись.

– Такому многоопытному ценителю женщин трудно не поверить, – сказала она. – А может, наоборот, нельзя доверять ни одному его слову... Так и до вас, персов, долетело грозное имя Зарины?

– Кто же не слышал о знаменитой царице саков? – приободрился молодой посол. Ему, кажется, удастся повернуть разговор в нужное русло. – Даже в Вавилоне известно о ней. Правда, за давностью лет, подробности ее жизненного пути забыты. Передают только, что она долго наводила ужас на мидян. А что ты можешь поведать о Зарине?

Если Тамурия и хотела что-то скрыть, то пока это было незаметно. Во всяком случае, она с оживлением начала рассказ.

– Некогда с далекого востока от наших зимних стоянок возвращались на земли предков близкие нам по крови племена саков. Одни из них остались жить среди нас, другие прошли на запад, третьи обосновались неподалеку на юге, за низовьями Вахшу¹. Среди этих последних и родилась девочка с волосами, как нити красного золота, и бирюзовыми глазками, ставшая потом прекрасной царицей, которую еще помнят некоторые наши старики, видевшие ее своими глазами. Вернее, помнили, – с ноткой грусти произнесла Тамурия. – Сегодня не смог сам сесть на коня последний из них. А это значит, что жрец его рода на вечернем пире должен был отправить душу старика с вещей птицей Гар. Но какой-то негодяй поторопил это событие...

– А как переводится имя царицы? – спросил Арианда, когда амазонка умолкла. – З а р по-арийски «сверкать». «Сверкающая»?

– З а р а н и я – «золото» на дахском и сакском языках.

– А по-нашему, д а р а н и я. Кстати, есть еще арийское слово З а р а – «утренняя заря». Значит, Зарина – «Сверкающая Золотом Заря»?

– Ты настоящий поэт, Арианда.

– Это ты вдохновляешь меня. Но продолжай же, я слушаю тебя.

Пока амазонка собиралась с мыслями, посол тоже призадумался. Даже само имя царицы саков, как и ее облик, наводят на идею о золоте. Его-то, наверное, она и оставила, как сокровище, Тамурии. Но ведь дахиянка принадлежит к иному племени...

– Война с мидянами принесла ей столько сокровищ, столько золота, сколько вихрь приносит песка в пустыне, – Тамурия словно подслушала думы молодого перса. – А бирюза из рудников страны Хвар², воевавшей вместе с ней против Мидии, потекла голубою рекой. Зарина столь же славилась меткостью стрельбы, сколько искусством наездницы. Враги обращались в бегство, едва за-

видев огненного скакуна царицы. Она сражалась рядом со своим мужем Кидреем, пока тот не погиб. Тогда Зарина вышла замуж за Мармара, царя племени п а р ф я н из той же страны Хвар. Но однажды...

Тамурия вдруг умолкла: к ним уже подъезжал угрюмый старейшина.

– А вот и Ваюга, – произнесла она. Заметив недоумение молодого перса (при чем тут имя древнего арийского демона бурного северного ветра?), амазонка успела пояснить:

– Так мы прозвали сатрейшину, когда он лишился глаза: истинный Ваюга тоже, как говорят, смотрит одним, правда гигантским, оком. Кстати, састару новое имя пришлось по душе. Можешь к нему так и обращаться.

Но на лице старейшины Арианда прочитал такую откровенную неприязнь, что предпочел не обращаться к нему вообще. К тому же голова молодого перса была сейчас занята совсем иными заботами, нежели налаживание отношений с одноглазым степняком.

Старейшина отгородил лошадью перса от амазонки, которая только и успела кивнуть послу, отъезжая. Науши заостренной войлочной шапки даха были развязаны из-за жары, и внимание Арианды привлекла единственная, висевшая на правом ухе, серьга. Незамкнутое проволочное кольцо, к которому снизу припаян золотой конус со вставкой бирюзы в виде капли.

Опять бирюза, как и на бусах Тамурии, и в ее рассказах о Зарине.

Боковым зрением Арианда ощутил чей-то изучающий взгляд.

Тот самый пленник-исед, с которым он разговаривал вечером, снова наблюдал за ним. Но на этот раз в пронзительном взоре его холодно-голубых (бирюзовых!) глаз перс прочитал только ненависть...

– Узнал что-нибудь о Харе Барзати? – спросил Утана.

– Нет. И о сокровище тоже. Тамурия избегает даже самого этого слова. Как ты думаешь, что она могла она унаследовать от царицы чужого народа?

– А ты сам как считаешь?

– Первое, что приходит в голову при слове «сокровище», это золото. В нашем случае не просто гряда золота, а какая-нибудь священная вещь. Венец или ожерелье, а может, гривна.

– То есть, Арианда, ты полагаешь, что эта реликвия отлита из металла, блестящего, как Солнце, которому кочевники поклоняются едва ли не больше всего. Золото – вечно красивый, не ржавеющий, неизменно ценный металл. Только каким образом это может быть связано с победой?

– Очень просто. Великое сокровище – какая-нибудь регалия, инкрустированная бирюзой.

– В этом что-то есть. У нас, персов и мидян, а также у северных, кочевых ариев бирюза – талисман победы. Любой воин и любая красotka (а этим победы нужны не менее) с гордостью носят украшения с бирюзой. Лекари утверждают, что разглядывание ее по уграм обостряет

¹Вахшу – древнее название р. Амударьи.

²«Страна Солнца», ныне Хорасан в северо-восточном Иране.

зрение и избавляет от беспокойства на весь день, – задумчиво проговорил Утана.

Арианда был доволен поддержкой такого знатока. Увы, поддержка оказалась недолгой.

– Оставим в покое сокровище кочевниц, – сказал вдруг главный посол. – Высокая Хара – вот, что нам нужно. А сокровище, скорее всего, только легенда. Помни об этом, Арианда!

Молодой перс упрямо продолжал рассуждать сам с собой. Если сокровище – легенда, то почему его так настойчиво ищут местные племена? Да еще делают это так скрытно, что избегают самого слова «сокровище»: что предводительница дахов, что пленный исед. Наверное, это для них в самом деле нечто важное. Как и для него самого: оно должно помочь ему одержать одну жизненно важную для него победу. Победу над Тамурией...

Правда, какой-то голосок твердит ему, что действительно все не так просто с этим сокровищем. Каким образом дахиянке могла достаться священная реликвия саков? Где это сокровище сейчас? И причем здесь дорога на Хару?

Кстати, о Высокой Харе.

Почему Утана всячески избегает объяснения своего странного интереса к Харе Барзати? Интерес, который проявился только в виду Рипейских гор. Что старший посол скрывает от младшего?

Одна идея вдруг осенила молодого перса. Старый чабан помянул вместе и унаследованное девушкой сокровище, и дорогу на Хару. А что, если сокровище Зарины – Тамурии, которое ищут дахи, спрятано на Высокой Харе? Тогда получается, что им с Утаной нужно одно и то же?!

– Итак, по-твоему, великое сокровище – это вещь из золота, – усмехнулся вдруг в бороду старший из персов. Видно, сокровище забирало и его. – Из золота и бирюзы. Бирюза – камень превосходный. Но не очень стойкий. Ее надо беречь от жирных масел, и даже от пота она с годами может немного поблекнуть. К тому же она не является такой уж редкостью, чтобы быть великим сокровищем великой царицы. Да и золота у нас немало.

– Может, диадему украшают другие самоцветы? – произнес Арианда. – Или вообще сокровище представляет собой собрание каких-то редчайших и прекраснейших драгоценных камней?

...Его размышления оборвала сама обладательница сокровища.

Увильнув от одноглазого стража, она прогарцевала перед лошадьми послов, словно поддразнивая Арианду. Амазонка улыбалась. Она сама приглашала его?! Забыв обо всем, он рванулся вперед так, что едва не слетел с фестончатой попоны, которую персы использовали вместо седла.

Подруги лукаво окликнули свою предводительницу:

– Тамурия, нам всем следовать за тобой?

Девушка отмахнулась и прибавила ходу; Арианда – тоже, стрельнув в амазонак черными глазами так, как любили бить из лука кочевники севера: на полном скаку, обернувшись. Пристроившись к Тамурии так, что едва

не касался коленом колена, кивнул в сторону отставших дахиянок:

– Наши женщины не похожи на ваших. Они сидят во дворцах за высокими стенами и никому не показывают своих лиц, кроме мужей и служанок. Зато как крепко они любят нас, мужчин: ведь мы заменяем им весь свет!

– О великая богиня-Мать! Какое преступление они совершили, что вы лишили их свободы? Лучше бы вы отняли у них жизнь! – Тамурия взметнула плеть так высоко, словно решила ударить не своего коня, а молодого перса. – Жить в каменном мешке, заживо угасать в затхлом склепе – брр! – И она снова помчалась вперед.

Посол пытался ее настигнуть, но где там! Конь Тамурии летел сквозь траву дахской стрелою. Его же собственный жеребец часто спотыкался на бездорожье; Арианда в который раз пожалел о своем заболевшем коне.

Молодой перс взмок не меньше, чем его скакун, но смог догнать амазонку только тогда, когда она остановилась на отмели. На берегу зияла пещера: достаточно большая, чтобы в ней могла разместиться засада исседов. Или просто какая-нибудь уединившаяся семья.

– Тамурия, а как у вас живут женщины с мужчинами?

– За этим ты так спешил? – расхохоталась девушка. – Как живут? Так же, как и везде: по-иному не дано богами, устроившими именно так наши тела!

Арианда засмеялся вместе с нею.

– Но все-таки, Тамурия, ты же понимаешь, что я имею в виду.

Девушка тронула поводья.

– Если женщина не хочет, никто ее не заставит. Но если захочет – никто и не остановит.

– Даже муж?

Она помолчала с минуту, выбирая дорогу по бровке пойменной террасы.

– Когда муж увидит на кибитке своей семьи чужой колчан, он не должен мешать жене. Так же как и она ему в подобных случаях.

– И вы не знаете, что такое супружеская верность?

– У вас самих, Арианда, ее знают только женщины. Впрочем, у нас немало таких, что живут вдвоем всю жизнь. Но вообще наш обычай не неволит ни женщину, ни мужчину: в пределах своего рода они могут встречаться, когда хотят, с кем хотят и как хотят, и иметь столько возлюбленных, сколько пожелают.

Двигаясь вверх по реке, они давно уже потеряли из виду караван. И, похоже, девушка не торопилась обратно. Вот она снова ждет его на берегу.

– Тамурия, а как жили твои отец и мать? – Арианда попытался продолжить беседу тем же легким тоном.

Но девушка вдруг нахмурилась и, ни слова не говоря, опять погнала коня.

Молодой перс поравнялся с дахиянкой, только когда она сбавила ход у небольшого озера. Исправляя свой промах, Арианда попробовал увлечь девушку рассказом, чтобы не дать ей опять оторваться.

– Женщины нашего народа тоже бывают отважны и энергичны, хотя и не участвуют в битвах рядом

с мужьями, как вы. Когда царь Куруш поднял нас против Мидии, первые бои были неудачны. Особенно тяжела была битва у нашей столицы. Мы отступали в большом беспорядке. Тогда навстречу нам выбежали наши женщины и закричали, задрав подолы: «Куда вы несетесь, негодные! Там-то вам уже не укрыться, откуда вы появились на свет!»

– И помогло? – рассмеялась Тамурия.

– Еще как! Мы повернули назад и с такой злостью ринулись на врага, что с тех пор наша армия не знает поражений. А мидяне теперь – наши верные соратники в походах. Есть один из них и в нашем отряде.

– Тот, что носит мидийский башлык с тремя поперечными складками? – догадалась Тамурия и добавила с усмешкой: – Вот видишь, даже вы, тюремщики женщин, не смогли обойтись на войне без них! – и амазонка снова пустила коня в галоп.

Арианда поскакал за нею, пытаясь вспомнить, какая же – очень важная! – мысль промелькнула у него только что. Перейдя ту же реку, они поехали другим берегом мимо цепи сопок к Рипейским горам; последние были уже совсем близки.

«На моем месте Утана не преминул бы спросить еще раз о Высокой Харе, – подумал посол. – Но я не буду спешить. Пусть все идет так, как хочется ей. И тогда, может быть, ей захочется того же, что и мне...»

Недалеко за полосой холмов кончалась Великая степь. Там высилась первая линия Рипейских гор, невысокая, но поросшая соснами и оттого почти непреступная. Почти, потому что река ее все-таки пробивала. В эти «ворота» и готовилась направиться отважная амазонка.

Она обернулась к послу, который притормозил коня.

– Вскоре ты увидишь то, к чему стремишься, Арианда! Чем она собирается его удивить? Неужели...

Если прав главный посол, то девушка покажет сейчас дорогу на Хару Барзати. А если к тому же и сам Арианда окажется прав, то скоро он увидит и загадочное сокровище Тамурии...

Лишь немного сбросив темп, амазонка и молодой перс пробирались в глубь гор вдоль берега реки. Наконец, привязав коней на склоне, они добрались до вершины. Но где же сокровище Тамурии?

Едва ли среди реденького ковыля на продуваемой каменистой почве рискнул бы запрятать кто-нибудь свои ценности. Разве что сам Ваюга (настоящий бог ветра, конечно, а не дахский старейшина), который денно и ночью бдит за этой вершиной. Но на какое-то время посол забыл о сокровище: перед ним простиралась обширная, на много дней пути, горная страна. Впрочем, насчет пути сказано, пожалуй, зря: и горы, и долины были почти сплошь покрыты хвойными лесами и казались непроходимыми.

Не отличаясь особенной высотой, гряды Рипейского хребта напоминали спокойные, сдержанно-мощные волны каменного моря. Ближние – покрывала малахитовая зелень; за ними, в тени – сапфирово-синие. Самые дальние почти сливались с небом и казались прозрачными, как голубой топаз, который тоже встречается

в Рипейских горах, – камень необыкновенно красивый, но со временем выцветающий, подобно бледнеющему по утрам небосклону.

На самом севере едва проступала сквозь туман одна из таких вершин. Она поблескивала на полуденном солнце, словно омытая водою, и молодой перс вспомнил, как объяснял ему Утана значение древнего слова Рипа – «береговой обрыв, гора у воды».

Арианда посмотрел на Тамурию.

Ее лицо было необычно умиротворенным, даже отстраненным. Она не замечала спутника, словно дух ее был не здесь, а парил вместе с вон тем сапсаном, уносясь в неземные дали, как волшебная птица Гар. Расслабленное и неподвижное тело ее казалось слитым с этим горным краем, являясь частью его: каким-то, может быть самым ценным, камнем-самоцветом. Сокровищем.

– Вероятно, – нарушил тишину гор посол, – где-то за этими отрогами и возвышается у моря обитель богов, величайшая гора на свете, священная Хара Барзати, чьи склоны покрыты пластинами золота?..

Кардат брел вместе со всеми пленниками и мечтал о том же, что и остальные: о привале. Но остановка нужна была ему не для отдыха.

Осколок бараньей кости, который он успел схватить зубами и спрятать во рту, своим острым краем царапал ему десну, щеку и особенно язык. Но главное, этот осколок мешал ему говорить. А точнее, попросить одного из своих о помощи. Когда же ему удалось объяснить товарищу, что от того требуется, долго не было подходящего момента. Наконец молодой иссед подал знак своему напарнику. Тот зашел на шаг вперед него и поднял связанные за спиной кисти рук ладонями вверх. В эти-то ладони, как в чашки, Кардат и выплюнул свое оружие. Но увы! Косточка выскользнула и упала под ноги того, кто должен был схватить ее руками. Все пропало?

Кардат с ходу повалился как подрубленный, упал боком на косточку и завертелся на земле, переворачиваясь на спину. Соратники обходили его стороной. А его недруг Вирак, обернувшись, презрительно усмехнулся...

– Так здесь или не здесь находится Золотая Гора? – нетерпеливо повторил молодой перс, видя раздумья Тамурии.

Амазонка как-то странно оглядела его и произнесла загадочные слова:

– Может быть, да. А может быть, нет.

Пока Арианда морщил лоб в тщетных попытках понять ее ответ, она окинула прощальным взглядом все окрестности.

– Пора возвращаться.

...После долгого спуска с горы и скачки по степи конь посла совершенно выбился из сил и еле-еле поспевал за неутомимым жеребцом амазонки.

– Проклятая кляча! – молодой перс в сердцах ударил коня кулаком. – Из-за тебя все идет не как надо!

Но кажется, еще не все было потеряно.

– Посмотри сюда, – подозвала посла амазонка на возвышение. – Как это тебе? – она простерла руку, будто приглашая посла в свои владения.

Впереди лежало озеро меж холмов. Озеро, окольцованное пестрой каймой из камней – словно пруд, отделанный мозаикой всех цветов радуги.

– Ваши парадизы – за стенами, для царей, – усмехнулась Тамурия, – а наши открыты для всех. Яшмовое Зеркало – так зовется это райское место!

«Место, где ты станешь моей», – мысленно добавил молодой перс.

Вблизи озера краски береговых камней показались Арианде еще ярче. Да, Яшмовое Зеркало имело прекрасную оправу: россыпь яшмы причудливой расцветки, в глыбах и гальке, близ воды и поодаль. Тут были и желтые камни, и черные, синеватые и зеленые, и смешанные, словно на палитре художника. Особо привлекали красные всех оттенков: от темного, как вино, до нежно-розового, как кожа девушки.

– Смотри, Тамурия, – указал он на берег. – Не правда ли, этот ряд из голубоватых камней с вишневыми по бокам похож на веточку вишни, или Деревя Пути, как вы его называете?

– Скорее, на Голубую Ветвь, – прошептала она.

Арианда продолжил свои рассуждения. Может, не зря она привела его сюда? Может, сокровище Тамурии – это некий священный предмет, выточенный из самой красивой и твердой яшмы? Не корона, которую можно отнять с помощью оружия, а само оружие. Например, булава – символ власти у древних. Та булава, которой, быть может, Траитауна поразил дракона Дахаку. Булава, в которой заключена неземная сила.

Кажется, пришла пора напрямую спросить амазонку о ее сокровище...

Тамурия, скинув на берегу сапожки, завела потного коня в устье ручья и сама, разгоряченная ездой не меньше его, соскочила прямо в волны. Положив на холку скакуна свою куртку, она омыла свои плечи и грудь.

Подъезжая, молодой посол проследил, как по гладкой, словно из отполированной бежевой яшмы, ложбинке между ее лопаток стекает тоненькая, прерывистая струйка вниз, за пояс.

Тамурия, наверное, почувствовала кожей его напряженный взгляд и поспешно набросила куртку. Все, что успел увидеть посол из-за ее спины, это была колыхнувшаяся грудь амазонки с частичкой какого-то рисунка...

Пока дахиянка проверяла узлы на подпругах, Арианда подошел сзади и уже протянул руки, чтобы обнять девушку, но остановился, будто наткнувшись на что-то, при первых же ее словах.

– Арвант – потомок знаменитого жеребца Зарины, которого и звали так же. А тот происходит от небесного коня Арванта, что некогда вступил в связь с богиней. От этого союза родились также те огненные и белые лошади, что влекут колесницы светоносного Митры и его спутника, бога Солнца, – с гордостью за такую родословную произнесла

хозяйка красавца. – Про таких резвых скакунов, как мой, говорят, что у них «дырки в подмышках».

Услышанное Ариандой имя Зарины сразу повело мысли посла в новом направлении. Пожалуй, не годится яшма для великого сокровища. Слишком она хрупка. И не так уж редка. Ее залежи немало на Верхнем Дахики.

А вот конь Тамурии...

Арвант – потомок коня Зарины, и это, вполне вероятно, единственное, что объединяет дахскую амазонку с сакской. Едва ли Зарина и Тамурия связаны какими-нибудь узлами крови: девушка не преминула бы сообщить о столь лестном для нее родстве. Но даже если предположить, что Тамурия – правнучка Зарины, то вряд ли саки могли бы передать представительнице чужого народа великую реликвию племени. А ведь старый пастух сказал четко: сокровище унаследовано, а не отнято в набеги или украдено.

Что же можно легко получить, как не семя жеребца в лоне кобылы? Так и передалось наследство: не столько от самой Зарины, сколько от ее скакуна.

Значит, конь Тамурии – ее сокровище! Ведь конь воительницы – это ее жизнь в бою. А прекрасный жеребец и у них, и у нас стоит целое состояние. Можно было догадаться об этом и раньше, когда девушка рассказывала о Зарине и упомянула об огненном, как и конь самой дахиянки, скакуне.

Арвант в нетерпении рыл копытом землю и прядал ушами, словно понимая, что говорят о нем.

– Что это за надрезы у него на ухе? – осведомился посол. – Следы свадебных поединков?

– Нет, просто так мы клеймим наших лошадей и... – амазонка запнулась, но все же закончила, прикрыв мокрыми волосами свое искалеченное ушко: – И рабов. Это знак нашего рода Хшантиев.

Она помолчала немного и предложила как-то не очень уверенно:

– Ну что, едем?

– Погоди, – Арианда, присев, осмотрел ногу своего коня и ощупал путовый сустав; при этом его скакун дернулся от боли.

– Кажется, я отъездился, – с досадой сказал посол. – Моя лошадь...

– Слишком молода для взрослых забав, – голос Тамурии был не просто утешительным, но даже немного виноватым. Ее необычная мягкость снова задела какую-то струнку в душе молодого перса; глаза его заблестели.

«Слишком молода для взрослых забав, – мысленно повторил он слова дахиянки, сбрасывая нераспашную рубаху. – Как ты, Тамурия...»

Заметив, что девушка не отрывает от него какого-то странного, дремотного взгляда, вдруг спросил:

– Какое сокровище ты хранишь, Тамурия?

Предводительница амазонок вздрогнула, тряхнула головой, словно прогоняя какое-то наваждение.

– Кто сказал тебе об этом, чужеземец?

– Тамурия, я же просил, не называй меня чужеземцем, – протянул молодой перс, подходя к девушке. – Ответь мне, даже если это какая-то тайна вашего племени. Не бойся довериться мне, я никому ничего не скажу,

даже Утане. И сам не воспользуюсь секретом тебе во вред; пусть покарает меня стрела Митры, если я нарушу свою клятву!

– У тебя на уме одни только сокровища да золотые горы, Арианда, – задумчиво сказала дахиянка. – Кажется, я слышу конский топот, – как-то неуверенно добавила она.

– А я не хочу ничего слышать, – посол положил руку на колено девушки.

– Нет-нет, там явно кто-то скачет, – Тамурия развернула коня, который презрительно махнул хвостом перед самым носом молодого перса.

Арианде ничего не оставалось, как вернуться к своей лошади и последовать за Тамурией, с сожалением оставляя за спиной бирюзовое озеро в яшмовых берегах. Из-за холма, который они объезжали, уже явно доносился стук копыт и даже какие-то крики. Амазонка, а за нею молодой перс поднялись по откосу для лучшего обзора.

По лощине, пригнувшись к лошадиной шее, мчался всадник. Его скакун взбивал клубы пыли; казалось, он летел на облаке, словно был одним из небесных коней. Время от времени его хозяин оглядывался назад. Далеко от него скакали несколько человек, но беглец легко уходил от погони.

– Это же один из исседов! – воскликнул Арианда, но амазонка и без него уже поняла, в чем дело, пустив Арванта с места в карьер.

Она попыталась перерезать пленнику дорогу; заметив ее, беглец вынужден был отвернуть от прямого пути к спасительному лесу. Но конь его был посвежее, чем более утомленный Арвант, и расстояние между ними начало увеличиваться. Однако, на свою беду, иссед вдруг заметил перса. Не зная, что конь посла не смог бы сейчас догнать и жеребенка, иссед снова поменял курс. Его заминки хватило Тамурии, чтобы приблизиться едва ли не до столкновения, но затем иссед снова стал отрываться. Неужели он уйдет?

Тамурия отпустила поводья и наклонилась; посол подумал, что она хочет достать лук и снять беглеца стрелой. Но нет – взвился аркан с ее плеча, петля его захлестнула шею исседа. Амазонка в тот же миг резко осадила коня, поворачивая его назад. Иссед вылетел из седла, будто его ударило палицей. На свое счастье, он просунул руку в петлю, иначе ему разорвало бы горло.

Тамурия поволокла его по жесткой, колючей траве, усеянной каменными «цветками» – кусками яшмы. Тело пойманного исседа болталось, как рыба на удочке. Трудно было определить, жив ли он, или уже разбил свою голову, и это его кровь окрасила яшму багровым цветом. Не останавливаясь, девушка соединилась с подоспевшими дахами и поскакала навстречу каравану, который выдвигался из-за роцци, покрывавшей подножие холма. Пересев на лошадь исседа, Арианда ненадолго отстал от Тамурии.

Совсем недавно Кардат был почти на свободе. Теперь же, весь покрытый ссадинами и синяками, в одежде, которая превратилась в лохмотья, он валялся в полубморочном состоянии в кругу обступивших его врагов.

Один из дахов, совсем юный кочевник, несколько раз пнул исседа под ребра, пока его не остановила Тамурия.

– Как это произошло? – спросила предводительница амазонок у старейшины, который с несвойственной ему лаской погладил холку ее тяжело дышащего коня.

– Он перерезал веревку, наверное, припрятав что-нибудь острое..

– И охрана это проглядела?

– Твои девушки и мои мужчины увлеклись веселой беседой, – сердито сказал Ваюга

– Он попросил у Майясары воды, а затем сбросил ее с коня. Дочка, кажется, сломала ребро, – Ваюга указал на ту, чье имя, «Лунолика» – оправдывалось теперь не только ее светлыми кудрями, но и бледностью.

При виде страдающей подруги Тамурия схватила беглеца за волосы, поставила его на колени и ткнула кинжалом в висок.

Кардат дернулся от боли. Глаза его загорелись огнем ненависти, который, однако, быстро угас, уступая место тому отстраненному безразличию, какое охватывает человека перед лицом неминуемой смерти. Острие заходило все глубже; струйка крови побежала за пазуху, но иссед не издал ни звука.

– Теперь-то его уж точно ничего не спасет от скальпирования, – кивнул Арианда подошедшему Утане. Молодой перс был несказанно зол на исседа: ведь только тот, по мнению посла, и помешал Тамурии раскрыть свои тайны.

– Лучше бы она его казнила, – отозвался Утана. – Иначе дахиянка наживет себе злейшего врага.

Но Тамурия не услышала этого рассуждения. Она не стала добывать беспомощного пленника и запретила это Ваюге, который вытащил свой меч-акинаку, видя ее заминку. Протерев кончик кинжала о воротник беглеца, амазонка запрокинула его голову и бросила ему в лицо:

– На этот раз ты не станешь отпираться? Если станет хуже, я убью тебя собственной рукою! – с этими словами она толкнула исседа коленом в спину, и он упал ничком. – Так будет с каждым, кто нарушит мой приказ!

Састар убрал акинаку в ножны только, когда дахиянка что-то прошептала ему. Но на этом разборка происшествия еще не была закончена. Тамурия выбрала женскую часть охраны за беспечность, а мужскую – за неудачное преследование.

– Мы бы могли подстрелить беглеца, да этот молокосос помешал! – воины поспешили оправдаться, указывая на Раухшану. – Он вырвался слишком вперед и чуть не схватил исседа, но зато перекрыл нам линию выстрела.

Теперь гроза нависла и над злополучным юношей, который уже не в первый раз попадал под горячую руку предводительницы.

– Ты всегда думаешь только о себе, да еще и думаешь-то не тем местом! И вообще, я поручала тебе стеречь пленных в дороге, а не любезничать с девицами! – Тамурия стегнула Раухшану плетью по спине. Как раба.

Молодой дах покраснел; не от боли, конечно, от которой бледнеют, а не краснеют. Но он не проронил ни слова, а только сжал кулаки.

– Вот еще один недруг у Тамирии, – тихо сказал Утана. – Случаем не показала ли тебе Тамирия дорогу на Высокую Хару?

Арианда не ответил. Навстречу ему попался конюх персов Фрияна, имя которого – «Любимый» – сейчас ему так не подходило.

– Ты подсунил мне негодную лошадь! – расви-репел Арианда и угостил коновода хорошей оплеухой, от которой тот отлетел на несколько шагов. Товарищи воины, как бы его ни жалели, не смогли удержаться от смешков.

– Мне не из чего было выбирать, – пролепетал он в свое оправдание.

Арианда готов был проучить беднягу еще, но его руку на замахе перехватил как всегда невозмутимый главный посол.

– Ты что, подражаешь гневу Тамирии?

Утана притянул друга поближе к себе и добавил тихо, но так, что слова его не потеряли своей силы:

– Запомни: ты находишься не среди рабов. Кочевники не должны видеть раздоров в нашем стане. Да и со своими людьми в походе надо считаться. Если не хочешь как-нибудь ночью получить удар в спину.

– Тебе не надоедает все время оказываться правым? – усмехнулся Арианда, но конюха больше не тронул...

К угрюмому Раухшане подошел старейшина дахов.

– Ты скакал за исседом быстрее всех. А почему не стрелял?

– У меня были только легкие охотничьи стрелы.

Ваюга усмехнулся и расстегнул клапан своего колчана.

– Держи, – протянул он юноше пучок боевых стрел из своего набора. – И всегда помни в бою, что ты – не один.

Заметив, что за ними искоса наблюдает Тамирия, састар вернулся к ней.

– Не слишком ли ты строга к мальчишке? – осторожно спросил он ее.

– Он этого достоин, – отмахнулась амазонка.

Ваюга спорить не стал.

– Надо приглядеться получше к этому персидскому конюху, – вдруг сказал он. – Он ведь тоже но-чует вне стана.

– И что же?

– Мог и он убить чабана.

– Мог, – подумав, согласилась Тамирия. – А мог и тот мидянин, который ему все время помогает.

– Так этот воин в мидийской складчатой шапке точно мидянин?

– Так сказал сам Арианда.

Амазонка хотела запрыгнуть в седло.

– погоди, – састар снова погладил по шее Арванта. – Мы проверили пещеры на том берегу реки. Рисунков в них нет. А в Рипейских горах ты часом не видела Голубую Ветвь?

– Нет. Но зато я видела...

Старший посол повторил младшему вопрос о Харе Барзати.

– Не знаю, – ответил ему Арианда. – Я так ничего и не понял. С какой-то кручи мы увидели едва ли не все вершины Рип. И тогда я спросил Тамирию, не за этими ли отрогами простирается Золотая Гора. А она ответила: «может быть, да, а может быть, нет».

Утана наморщил свой лоб мыслителя. Но это ему не помогло.

– Что бы это все значило? – озадаченно произнес главный посол. – Твоя Тамирия – сплошь загадка. Не знаешь, что от нее ожидать любую минуту, словно от норовистого коня.

– Да, – кивнул Арианда, – словно от коня. Коня, – пробормотал он, отворачиваясь к новому скакуну, которого ему подводил конюх. Так складно все получалось с этим ее конем – истинным сокровищем. Остался, правда, один маленький, но очень неприятный вопрос. Если конь – сокровище Тамирии, то при чем здесь дорога на Хару? И что тогда ищут дахи и их враги? К тому же старик ведь не утверждал, что Тамирия в л а д е е т этим сокровищем. Он только сказал, что она у н а с л е д о в а л а его!

– С этим сокровищем надо быть поосторожней, – услышал бормотание друга Утана. – Оно может быть очень опасным... – и добавил уже не так тихо:

– Позови Тамирию. Мне надо самому переговорить с ней.

Но в этот момент дозорные воины с гребня холма что-то прокричали, и лагерь дахов пришел в движение. А из-за рощи, с той стороны, откуда недавно пришел караван, появилось несколько всадников.

– Нападение? – насторожился Арианда, вскакивая на коня.

– Не похоже, – Утана тоже сел верхом. – Дахи не подняли тревогу.

Вновь прибывшие оказались передовыми нового отряда, который подтягивался позади них.

– Почему ты назвал сокровище опасным, Утана?

– Передают, что если его обладатель совершает неблаговидный поступок, он теряет все. А если им пытается завладеть недостойный, того ждет гибель.

Арианда закрыл глаза и потер виски. «Кто как не я, выходец из древнего царского рода, достоин этого сокровища?»

...Переговорив с новыми дахами, предводительница амазонок сама направилась к персам. Подняв правую руку, Утана учтиво приветствовал ее.

– Тамирия, я давно хотел у тебя спросить, – осведомился затем посол. – Какое наказание ожидает тех, кто потревожил дух мертвого города?

– Такое же, как и предателям рода. С них заживо сдирают кожу.

Арианда кашлянул. Старший посол и бровью не повел, но только выразительно глянул на товарища.

– Суровые у вас обычаи, – задумчиво произнес глава персов. – И за другие преступления следуют столь же жестокие кары?

– Нет, – усмехнулась девушка. – Даже за убийство, если его совершает дах знатного рода, присуждают лишь к изгнанию.

– А за убийство послов?

– То же самое: вечное изгнание. Но не бойтесь, вас никто не собирается убивать, – сказала она и добавила, немного помедлив: – Без суда...

Беседа приобретала слишком мрачный оборот, и главный посол предпочел сменить ее направление.

– Ответь, пожалуйста, почему исседы считают эти земли своими?

Тамурия пристально посмотрела на него, а затем на Арианду.

– Зачем вы общаетесь с нашими врагами? Это наша древняя земля, – отрезала амазонка. – Ведь и главная река здесь называется Рекою Дахов!

Против этого довода трудно было что-либо возразить.

– В стране исседов тоже есть горы? – как бы невзначай поинтересовался Утана.

– Это вам надо было спрашивать у самих исседов, – в голосе Тамурии прозвучала неприкрытая насмешка. – Но теперь уже поздно. Мне сдается, что вы любите изучать чужие земли, чтобы потом сделать их своими.

Главный посол понял, что с предводительницей амазонок, обладающей врожденным чутьем, бесполезно говорить, нагромождая ловушки.

– Тамурия, нам только хотелось бы поклониться вершине мира, обители богов – Высокой Харе. Не укажешь ли ты дорогу к ней? Если же она слишком далеко, хотя бы Расскажи, в каком направлении ее искать.

Тамурия в задумчивости покрутила прядь на виске.

– Твой друг уже задавал мне подобные вопросы. Точнее, не уверена, что знаю дорогу к ней.

– То есть Хара все-таки где-то здесь, в этих краях? – ухватился за ее слова Утана. – По преданиям, она должна быть в холодной северной, а значит, в этой или сопредельной ей стране. Может, Рипы включают и Хару Барзати?

– Сожалею, о любопытнейший из послов, но я ничего не могу об этом сказать, – твердо произнесла амазонка, давая понять, что разговор окончен. – Поспешите со сборами, – добавила она. – Мы выступаем тотчас и отныне поедем гораздо быстрее. Это я и собиралась вам сообщить, – и она потянула поводок. – Единственное, что я вам посоветую: в обмен на продукты отдайте своих больших лошадей, – сказала она, отъезжая. – Им не выдержать пути.

– А можно нам подкупить у вас запасных лошадей? – остановил ее Утана. – Особенно, если они – тех же кровей, что и твой жеребец. Про него самого я уж не говорю: я бы отдал за него сумку золота.

– Зачем? – уезжая, девушка насмешливо прищурила глаз. – Новые лошади вам не особенно нужны: вам ведь некого догонять... и не от кого убегать.

Утана был раздосадован скудными результатами разговора.

– Тамурия точно что-то знает о Харе, – он не обращал внимания на ехидные усмешки товарища. – Впрочем,

она подсказала мне один способ выяснить это, сама не ведая того.

– Какой же? – в голосе Арианды еще можно было уловить иронию, но во взгляде уже появился серьезный интерес.

– Ты бы сразу понял, если бы поменьше думал о красотах да их сокровищах! – поддел его старший посол, подгоняя коня.

Молодой перс, задумавшись, перевел взгляд с отъехавшего друга на ускользящую Тамурию, а потом опять на шурина. Почему Утане так важно узнать дорогу к Харе? Ведь посольство вовсе и не собиралось идти к ней...

К ватцему удовлетворению Утаны, дахи не стали объединять оба отряда.

Прощаясь с товарищами, кочевники Тамурии и Ваюги быстро, даже слишком быстро собирались в дорогу. Пленных перекинули через седла, приторочив покрепче. Дахи-мужчины вели теперь лошадей с пленниками за узду, отвечая каждый за своего, а своих запасных лошадей передали амазонкам.

Когда воины хотели таким же образом скрутить и беглеца, старейшина жестом придержал их и предложил Тамурии:

– Зачем с ним возиться? Не пора ли все-таки прикончить его?

Девушка размышляла недолго. Она что-то сказала одному из всадников, и тот стянул запястья иседа длинной веревкой, привязав другой конец к седлу.

– Погоним его так, – заявила дахиянка Ваюге, и добавила уже исседу:

– Если упадешь – не поднимешься.

– Застрелите его, если он упадет, – уточнил састар.

Кардат поднял голову, встретившись глазами с Тамурией.

«Если упадешь – не поднимешься». Так он сам сказал ей в тот день...

К великому сожалению Утаны, мечтавшему о Высокой Харе, караван направился не к Рипейским горам, а обратно, на восток. Видимо, единственной причиной захода в долину Яшмового Озера была назначенная заранее встреча с другими дахами. Но почему, едва переговорив с ними, вдруг так заторопилась Тамурия, оставалось секретом для послов, еще одной тайной предводительницы амазонок.

Арианда, для которого все эти загадки были хуже вражеских стрел, поскакал к своей воительнице, чтобы разгадать хотя бы одну из них.

– Тамурия, ты продолжишь повесть о Зарине? – решительно начал он, едва догнал девушку. Снова какая-то важная мысль стрелой промелькнула у него. И опять исчезла. Тем более что амазонка уже начала свой рассказ...

– С новым мужем Мармаром царица проводила только лето, когда ходила в походы, на зиму же возвращалась в свою столицу Раухшанак, «Светлую». В эти годы она вместе с беглецами из страны Хвар основала Хвара-Зам³ и много других городов.

Тем временем, после многих неудач мидяне поставили во главе своего войска талантливому полководцу Стриангу. С его приходом парфяне и саки несли все большие потери. А однажды Стрианга, заманив их в ущелье, сбил копьем саму Зарину. Увидев царицу воочию, полководец мидян восхитился прелестью Зарины так же, как до того восхищался заочно ее умом и отвагой.

– Доблестный воин, отпусти меня, – сказала ему Зарина. – Я не смогу смириться с пленом и покончу с собой: такая победа не принесет тебе чести.

Очарованный ею Стрианга (и сам бывший в расцвете мужественной красоты), дал ей уйти к своим, попросив только на прощание:

– Разрешите мне поцеловать тебя: ведь ты, все-таки, хоть какой-то миг была моею добычей.

Кто кого при этом взял в плен, история умалчивает... А на следующий год Зарина провела своих темной ночью по хорошо знакомому ей ущелью в долину, где располагалась ставка врагов. Напав внезапно, союзники захватили множество пленников. Каково же было удивление царицы, когда на рассвете Зарина увидела среди связанных мидян самого Стриангу! Она решила использовать случай и предложить мидийской державе мир на своих условиях. Но ее муж Мармар был неумолим. Он решил перебить всех пленников. Как ни просила его Зарина, царь парфян велел все приготовить для той казни, которой в наших краях подвергают предателей и святотатцев.

Тамурия вдруг оставила Арианду, и он вернулся к другу.

– Скажи, Утана, ты слышал о Стрианге? Том мидийском полководце, который воевал с Зариной. Не знаешь, что с ним стало?

– Я помню только, что он не вернулся на родину...

Показавшееся вдали русло Дахика вызвало общее оживление, караванчики очнулись от жаркой истомы. Река Дахов становилась к верховьям все уже, а окрестные холмы – все круче, и потому дорога – труднее. Зато кормовые луга здесь были все еще свежи и зелены, невзирая на сухое лето. Курганы и остатки древних поселений в долине говорили, что это оценивали и предки. Хотя сейчас тут было не очень уютно: пойма поросла не только ивняком, но и колками леса, а кое-где была и во все заболочена.

– Ну и местечко мы выбрали для лагеря, – проворчал старейшина на привале. – Тьма комаров. Но не уходите же нам куда-то от брода. А завтра после переправы пойдем вверх по реке до Верблюжьей горы.

– Нет, – твердо сказала Тамурия. – Лучше напрямую к реке Курасан. Не стоит вести чужаков туда, где...

Она замолчала, заметив приближение персидских посланцев. На то, что беглый исед тоже слышал ее слова, амазонка как-то не обратила внимания.

Между тем от непрерывной скачки раненной им дахиянке стало значительно хуже; Ваюга и один юный дах сняли ее с коня почти без чувств.

– Что с тобой, Майяса? – бережно огладила светлые волосы подруги предводительница амазонок. – Кружится голова?

Девушка кивнула, присела на землю и сняла с себя куртку одной рукой. На ее обнаженном торсе проступили синяки – следы падения. Один из них, под левой грудью, был таким крупным, что напоминал те кожаные мешочки с косметическими красками, какие были у каждой кочевницы.

Ваюга отстранил всех сбежавшихся дахов и сам острым ножиком вскрыл эту припухлость, выдавив на кожаное полотенце ее багровое содержимое.

– Потерпи, дочка, – глухо сказал он. – Сейчас приложим подорожник и завяжем покрепче; до следующего боя заживет. А эту тварь, – указал он на исседа, наблюдавшего за процедурой, – пора раздавить.

При виде крови любимой подруги Тамурия взъерилась, как пантера. Она бросилась к пленнику, не вынимая, правда, кинжала. Но, казалось, оружие и не требовалось горячей амазонке, чтобы покончить с заклятым врагом.

– Ты помнишь, что я обещала на привале? Твоя жизнь зависела от здоровья Майясары!

Спешившиеся степняки ждали, когда она обнажит свое оружие.

– Марга (убей)! – все, как один, торопили дахи свою предводительницу.

– Я не буду мारать о тебя руки.

Сразу несколько воинов повинытаивали свои мечи и чеканы. Среди них первыми оказались Ваюга и похожий на него юный кочевник.

– И вы не будете! – остановила амазонка своих. – Его покарают другие.

Дахи недоуменно оглядели друг друга и персов, подошедших на шум. И даже пленников. Кого имеет в виду Тамурия? Кого она назначит палачом на этот раз?

– Раухшана!

Молодой дах теперь не прятался за чужие спины. Слишком велика была его обида на исседа за все, что с ним случилось.

– Поможешь брату Майясары, – приказала амазонка тоном, не допускающим возражений. – Привяжите исседа к дереву у самого болота! Утром мы окончательно разберемся с ним, – добавила она уже для всех. – Если он доживет до утра.

– Не забудьте снять с него одежду, – приказал со своей стороны Ваюга. – Помни, что ты пообещала, – тихо добавил он Тамурии.

– Он будет казнен, если не расскажет все, что знает о Голубой Ветви, – подтвердила дахиянка со вздохом.

Юный сын Ваюги и Раухшана повели пленника через луг, на котором паслись кони. Дальше начиналась роща, ограниченная с другой стороны прудом, переходящим в болото. На его берег его и

³ «Земля Хвара-Солнца», Хорезм.

вышли все трое, в сопровождении большой группы воинов, которые наперебой давали молодежи советы, к какому дереву и как лучше прикрутить исседа.

Забрав одежду пленника и стянув его толстыми подпружными – не перетрешь теперь! – ремнями, они, наконец, оставили его... не в покое, нет. Оставили его жадно набросившемуся на добычу рою насекомых.

– Все повторяется, – пробормотал Кардат, напрягая мышцы в напрасной попытке освободиться. – Она помнит, что я предлагал своим сделать с нею, и делает это со мною. Но ведь я... – он не окончил свою мысль, передернувшись не столько даже от укусов комаров, сколько от их сверлящего голову звука...

Поздний ужин не доставил привычного удовольствия молодому персу.

Утана куда-то запропастился. Не было старшего посла и в палатке. Надо раздеться и заснуть побыстрее, но сначала выкурить лучиной комаров.

Но что же такое приходило ему на ум, когда он ехал с Тамурией в горы?..

Арианда проснулся в полной тьме от толчка в бок, который пришелся как раз в его едва затянувшуюся царапину. Он хотел было ругнуться, но твердая, хорошо знакомая рука шурина сжала его ладонь, и молодой перс только ворчливо спросонья:

– Что случилось?

– Тише, тише! – старший посол прикрыл ему рот другой рукою. – Помнишь, на привале я говорил тебе о своем плане?

– Ты только намекнул, Утана, что задумываешь какую-то хитрость.

– Именно так. Теперь пришло самое удобное время: туча закрыла луну.

Старший из персов нагнулся к самому уху товарища, пощекотав его шею бородой. Когда он закончил шептать, Арианда приглушенно спросил:

– И ты выполнишь свое обещание?

– Нас ведь с детства приучали говорить только правду, особенно, если ты поклялся. Даже врагов можно обманывать только при крайней необходимости.

– Вот именно, при крайней, – с нажимом на последнее слово произнес молодой перс. – По-моему, она наступила с момента нашей встречи с дахами.

Они бесшумно выскользнули из палатки. За пределами стоянки друзья, низко пригибаясь, сошлись неподалеку от опушки, где были привязаны кони. Сзади хрустнул сучок, и Арианда схватился за меч. Молодой перс не опустил оружие и тогда, когда увидел фигуру раздражавшего его конюха.

– Спокойно, – проговорил старший посол. – Он пойдет с нами и будет стоять на страже. Как охрана, ты проверил, Фрияна?

– Дозоры далеко от того места, хотя однажды, кажется, заходили и туда.

– Хорошо, тогда пошли по одному, на расстоянии, но чтобы не терять друг друга, – распорядился главный посол. – Ты нам покажешь, где это.

Глядя, как шустрый и смысленый Фрияна ловко пробирается между кустов, Утана лишний раз решил, что правильно сделал, доверив это дело молодому конюху. К тому же надо постараться примирить с ним Арианду, иначе их вражда может зайти слишком далеко...

Привязанный к дереву пленник потратил последние силы на попытку сорвать путы и теперь безвольно повис на них. Ему уже слышался шелест крыльев птицы Гар, которая в облике Птицы Войны должна отнести его душу туда, где ее будет судить Митра. Шелест повторялся снова и снова, ближе и ближе. Но нет, кажется, это было шуршание травы, доносившееся непонятно откуда. Он открыл глаза с невероятным усилием, и тотчас пожалел об этом. Лучше бы он не видел это знамение своей смерти! Из вязкой трясины выползала длинная гибкая тварь. Извиваясь, она направлялась прямоком к нему. Болотная гадюка! А он бессилен даже ногу отодвинуть с ее пути. Змея приближалась, она уже ткнулась влажной головой в его голую стопу. Гадюка замерла перед укусом...

Пленник зажмурился. Вдруг раздался какой-то свистящий звук. Что-то дергалось на его ноге, но укуса он не почувствовал и снова открыл глаза.

Разрубленное надвое тело гадюки билось в агонии.

– Тихо-тихо, – проговорил чей-то голос, и Кардат опять впал в забытье...

Пока Арианда вытирал о траву меч-акинаку, запачканную кровью змеи, старший посол пошлепал исседа по щекам.

– Демоны-да и вы смеются над нами, Арианда: пленник лишился чувств. Кто же раскроет нам тайны здешней страны?

Молодой перс вдруг хлопнул себя по лбу.

– Вспомнил! Я знаю, кого можно еще спросить – Митридата!

– Единственного мидянина среди нас? Что он может знать о Харе?

– О Харе ничего. Зато может знать что-то о сокровище Зарины. Ведь мидяне столько лет воевали с ней.

В это время пленник застонал. Утана снова похлопал его по лицу.

– Поклянись Митрой, что будешь отвечать на все наши вопросы правдиво, и тогда мы освободим тебя, а потом поможем бежать.

Иссед открыл глаза, но взор его казался Утане бессмысленным.

– Может, он просто не понимает твою персидскую речь?

– Твою же понимал, – ответил главный посол. – Наверное, он слишком ослаб или вообще сошел с ума от мучений. Теперь он нам бесполезен.

Но в этот момент иссед разжал-таки зубы и выдохнул:

– Клянусь.

Персы в два меча разрезали ремни за спиной пленника, но едва пути перестали его держать, как он повалялся ничком.

– Проклятье! – склонился над ним молодой посол, освобождая руки и ноги иседа от остатков связки. – Да он чувств лишился от счастья.

– Скорее, от истощения.

Вдвоем они понесли пленника к воде, осматриваясь по пути, чтобы не наступить на очередную ядовитую гадину.

– Так что, мы сдержим слово, Утана? Или, как выразилась утром Тамурия, поговорим, а потом «облегчим его страдания», чтобы он нас не выдал, если вдруг попадется?

Утана проверил, не слышит ли их рассуждения иседа.

– Не знаю, – ответил главный посол. – Это будет зависеть от него самого.

Вода, а точнее сказать, жижа, которой они обрызгали лоб и губы пленника, вернула ему сознание. Он первым делом перевернулся и припал к мутной «похлебке», как дикий зверь, а затем уже сел перед послами, обхватив от холода ноги своими руками.

«А ведь мы даже не принесли ему одежды», – подумал о своем упущении Утана, прежде чем задал первый вопрос.

– Как тебя зовут?

– Кардат, – с трудом, словно вспоминая, проговорил пленник. Но, похоже, названное вслух собственное имя подействовало на него оживляюще, и дальше он отвечал уверенно. Даже слишком уверенно.

– Почему ты все время лезешь на рожон?

– Я не могу безропотно брести в толпе, как в стаде.

– Это присуще изгоям. Или вождям. Ты знатного рода, Кардат?

– У нас все роды знатные.

Персы переглянулись между собою: да он гордец, этот дикарь!

– Почему вы напали на нас? – продолжил допрос Утана.

– Нам нужны были не вы, а ваши лошади. А вас, по слову, мы собирались отпустить за выкуп после допроса. Или убить, – будучи под присягой, Кардат не стал крикнуть душой. – Вы пришли на нашу землю. Но пришли не к нам.

– Ты называешь эту землю своей, дахи – тоже. Чья же она на самом деле?

– Некогда она принадлежала нашим общим предкам, затем дахам, приходили сюда и другие племена. Потом дахи ушли в теплые края, а верховья Дахика уступили нам.

– А теперь дахи зачем-то вернулись сюда и выгнали вас?

Пленник сжал свои кулаки и стиснул зубы, но это едва не стоило ему обморока.

– Сначала в эти края ворвалась несметная конная рать а р и м а с п о в .

Юний ГОРБУНОВ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГОРСКАЯ Н.

(См. Шаликова Н.П.)

ГОРСКАЯ-ГАБТЛИХ Надежда Артуровна (псевд. Вукотич, О.)

Масанов. Есть (была) переводчица Н.Горская. Наприм., она переводила испанские романы, вошедшие в сб. «Романсеро» М., 1970. Моя ли?

ГОРЧАКОВА Александра Александровна (1842 – 1913), переводчица оперных либретто.

Певица.
Венгеров. Источ.

ГОРЧАКОВА кн. Анна Александровна (– 1897), поэтесса.

Венгеров. Источ.

ГОРЧАКОВА Анна Евграфовна (псевд. Кось-Кнаегорский), писательница.

Авт. кн. «Из конского мира. Смутные годы (1905-06)». Калуга, 1910; «Страницы жизни». Калуга, 1912.
Масанов; Розанов; Указ. заглавий.

ГОРЧАКОВА Елена Сергеевна (1824 – 1897), авт. путевых очерков, поэтесса.

Внучка поэта и драматурга Д.П.Горчакова. Педагог. Прототип одной из «некрасивых» княжон Корнаковых в автобиографической трилогии Л.Н.Толстого. В теч. многих лет была нач. 3-й Моск. женской гимназии. Авт. кн. «Стихотворения...» (М., 1879). Доброжел. встречена критикой ее кн. путевых очерков «Воспоминания о Крыме» (М., 1883 рец. в «Рус. Мысли», 1883. № 7. С.8. Авт. кн. «Киев. С прилож. плана г. Киева». Изд. 2-е. М., 1886. Выпустила серию очерков о монастырях. В т.ч. «Житие преп. Сергия Радонежского и описание св. Троице-Сергиевой лавры и ее окрестностей». Изд. 2-е. М., 1892.

Русские писатели. Т.1 (портр); ИДРДВ. Т.3. Ч.4.; Указ. имен.; Розанов.

ГОРЧАКОВА Лидия Николаевна (урожд. Мусина-Пушкина; псевд. Ольга Элинге; 1898 – ?), журналистка.

Княгиня. Жила в Харбине, работала в газетах.
Хисамутдинов.

ГОРЧАКОВСКАЯ Леонила Ивановна (псевд. Семилуцкая, Леонила), поэтесса и драматург.

Авт. кн. «Смена волн. Стихи 1909-1912» Т.1. СПб., 1912.
Масанов.

ГОРЧИНА С., поэтесса.

Сотр. «СПб. газеты» (1883-1884).
Здобнов.

ГОРШКОВА Мария Николаевна (1887 – ?), авт. воспоминаний.

Артистка балета. Одна из авт. подборки воспоминаний о балетном отделении Петерб. театр. училища. – В кн. «Материалы по истории русского балета». Л., 1939. Т.2. С.25-31.

ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 7659.

ГОРЬКАЯ Х.Н.

Авт. сб. пов. и рассказ. (СПб., 1901)
Венгеров. Источ.

Начало в №1, 2005. Продолжение на стр. 67

Они пришли с востока и потеснили и нас, и дахов. Сто лет мы копили силы и, наконец, недавно отогнали захватчиков от Рипейских лесов, а дахи – от своих кочевий. Мы считали дахов союзниками, а они оказались такими же врагами. Видите, как Тамурия обращается с нами? Она заслужила жестокую месть.

«Теперь-то уж точно я не отпущу тебя живым, – дал себе слово молодой перс. – Что бы там ни говорил Утана».

– Кстати, – добавил Кардат. – Дахиянка и вас собирается предать.

– Как это? – заинтересовался Утана.

– Сегодня, на встрече с командирами второго отряда, она сказала им: «Эти послы – враги. Они приехали шпионить и подкупать. Таких надо убивать, а не переговоры с ними вести».

Персы были поражены так, что на какое-то время лишились дара речи. Это позволило пленнику отдышаться и снова глотнуть воды. Но Утана уже собрался с мыслями.

– Почему здешние горы называют Рипами, то есть «Горами у вод?»

– Здесь берут начало многие реки. Древние думали, что все.

– Рек тут много, – согласился посол. – А есть ли поблизости море?

– Нет.

Это короткое, резкое слово было произнесено без заминки, что говорило об искренности исседа. Но оно так сильно разочаровало Утану, что тот на какое-то время замешкался. А когда старший посол уже был готов задать свой коронный вопрос, его вдруг опередил младший:

– Ты знаешь, где находится великое сокровище Зарины, царицы саков?

Этому вопросу удивился один иссед, но его ответу удивились оба посла разом.

– Знаю, – чуть помедлив, вымолвил пленник.

– И где же? – в унисон проговорили персы.

– На той горе, что вы называете Высокой Харой.

«Я так и думал!» – едва не вскричал Арианда, но главный посол снова взял допрос в свои руки:

– А ты знаешь дорогу к Харе Барзати?

На этот раз иссед замялся и как-то странно посмотрел на послов.

– Говори, ты же клялся честно отвечать на любые вопросы.

– Я скажу. Но о которой дороге вы спрашиваете?

– Что значит «о которой?»

– Есть три пути на Хару.

Утана наклонился пониже к пленнику.

– Расскажи обо всех.

Кардат задумался, видимо выбирая, с чего начать.

– Первая из дорог...

Из глубины рощи вдруг раздался протяжный волчий вой.

– Это условный знак Фрияны, – перешел на шепот Утана. – Сюда идет дахский патруль. Живо по кустам. А ты последи за исседом, – добавил он чуть слышно Арианде.

Послы помогли пленнику подняться и вместе с ним заспешили к дереву, у которого еще недавно он стоял, а вернее сказать, висел на ремнях. Кардат вдруг остановился, словно побоялся снова оказаться привязанным.

– Я спрячусь подальше, мое тело слишком заметно, – проговорил он и юркнул в колючий кустарник на берегу. Молодой перс полез было за ним, да зацепился рубахой.

– Тише ты, – шикнул на него старший посол. – Они уже здесь. – И он вытащил из ножен свой меч, показывая тем самым Арианде, что нужно делать, если охрана либо обнаружит их, либо не обнаружит исседа.

Двое дахов, также с обнаженными акинаками, прошли так близко, что было слышно, как один из них вздохнул:

– Знаешь, я уже не помню, где привязывали этого проклятого исседа.

– А я помню, – отозвался другой дах. – Зато ни зги не вижу.

Они развели руками ветви куста, за которым засели послы.

– Пойдем-ка отсюда, – снова заговорил первый. – Не понравился мне что-то этот вой.

Когда их голоса затихли вдали, послы снова выбрались на опушку.

– Выходи, Кардат, – негромко позвал Утана, озираясь вокруг.

Ответом ему была полная тишина.

Персы обошли кругом кусты, через которые пролезал иссед. Даже ночное светило, освободившееся, наконец, от тучи, не смогло помочь послам.

Иссед как в воду канул!

Молодой перс с досадой рубанул мечом ветку:

– Этот дикарь оказался хитрее, чем мы думали!

– Значит, он не дикарь, Арианда, – озабоченно проговорил старший посол. – Не дикарь.

Они в растерянности оглядели друг друга. Ответы на жизненно важные для каждого вопросы только, что висели в воздухе, а теперь придется все начинать сначала.

– Надо срочно уносить ноги, – сказал Утана. – Пока дахи не хватились его. Или нас.

Вскоре в той грязной воде, что искажала и пачкала серебряный лик заглянувшего в нее божества Мах (Луны), вдруг подалась вверх одна из тростинок. За стебельком показались державшие его губы, а потом и все лицо – зыбкое в болотных испарениях лицо исседа. Он осторожно поднял голову, и только убедившись, что никого нет вокруг, встал во весь рост: бледный и голый, покрытый только тиной и водорослями, распухший от укусов, словом – вылитый утопленник. Наверное, такой же мертвевшей стала и его душа.

– Хвала вам, бессмертные боги! – проговорил он, стуча зубами. – Вы позволили мне ускользнуть и от тех врагов, и от этих. И все это – чтобы обрести великое сокровище... Да будет проклята дахская змея и ее род! Я уберег ее от насилия, а взамен сам подвергся унижениям и мучениям. Что ты скажешь на это, Природа-Мать?

(Продолжение следует.)

Владимир ТРУСОВ
Фото автора и Юрия Дунаева

Расстрелянный обелиск

Этот обелиск «Европа-Азия» установлен возле шоссе Билимбай – Новоуральск в двух километрах от деревни Починок в сторону Тарасково.

Починок основан выходцами с реки Вятки в начале XVIII века, и поэтому первоначально деревня называлась Вятский Починок.

Обелиск изготовлен на одном из предприятий Новоуральска из толстолистовой стали четырехгранной формы в виде длинной усеченной пирамиды. Внутри он полый. Поставлен на перевале через Бунарский хребет (449 м) в 1958 году. Высота столба – 3,5 метра.

Первоначально «пограничник» был украшен гербами Советского Союза на каждой грани и с литыми буквами в словах «Европа» и «Азия». Места здесь безлюдные, автомобили в 50 – 60-е годы проезжали редко. Кто-то из охот-

ников использовал обелиск вместо мишени, поэтому уже давно на обелиске нет гербов и слов «Европа» и «Азия».

Поблизости в этих местах находятся истоки азиатских рек Нейвы и Тагила, текущих на восток. А на запад берет свое начало европейская река Восточный Шишим. Она как раз в том месте, где установлен знак Европа – Азия. Значит, граница между частями континента, проходящая по водоразделу, находится к востоку, и евроазиатский столб поставлен не на том месте.

Получается, что граница Европы и Азии (с севера на юг) у окрестностей села Тарасково огигает исток реки Восточный Шишим, затем проходит восточнее речки Шишимки и вдоль высоковольтной линии выходит на гору Черничную (508 м).

Углежоги

До начала двадцатого века существовала профессия углежог. Сейчас она забыта – другие времена.

Кто же такой углежог? Чем он занимался и для чего нужна была такая профессия?

Металлургические заводы в XVII – XVIII веках работали исключительно на древесном угле. Это было главное топливо для нагрева и выплавки металла. Для выплавки одного пуда чугуна надо было заготовить 1,6 – 1,9 пуда древесного угля. Но для загрузки домны требовался уголь еще и отменного качества. Твердый, крупный, т.е. такой, чтобы при загрузке не крошился и под слоем руды не истирался. Требовали древесного угля также кузнечные фабрики, различные нагревательные печи других производств. Например, Верх-Нейвинскому заводу, чтобы заготовить угля на один только год, предстояло пережечь около 30 000 куб. саженой леса. Домна проработала около ста лет и «съела» за это время окрестные леса на 20 – 25 верст. Вокруг многих заводов леса просто перестали существовать.

Заготовкой этого топлива занимались углежоги, или как их еще тогда называли кабанчики. Слово происходит от слова «кабан» (куча).

Куренная работа (курень – место, где складывается куча) проводилась в течение 6 – 7 месяцев в году. В феврале рубили дрова, в июне-июле – сушили. Потом наступал самый ответственный момент – процесс кладки, дернения и отсыпки кабана (кучи). Это проводилось в августе-сентябре и требовало особого искусства от куренного мастера.

Сначала выкладывалась клетка-колодец, играющая роль зажигательной трубы. К ней со всех сторон приставлялись дрова-долье в один ярус. Сверху они прикрывались поленьями, а затем выравнивались – пустые места между дровами заполняли сухими сучьями. После этого кучу обкладывали дерном – травой вниз. И все это обсыпалось землей. В результате и получалась огромная куча, так называемый кабан.

Теперь начиналась самая ответственная работа – жечь кучу. Если сам углепоставщик не умел жечь, то он нанимал знающего специалиста – «жигалья». От него зависело, получится уголь или останется одна зола, годовой труд пойдет прахом.

Жигаль, взобравшись на верх кабана, разводит из сухих дров костер (жарник) и сбрасывает его в клетку. И потом все время подбрасывает сухие дрова. «Кормежка» продолжается сутки или двое – до тех пор, пока не загорится куча. Когда куча «взялась», трубу доверху наполняют дровами и закрывают ее сначала дерном, а

потом землей. Полдела уже сделано. Внизу кучи проделываются отверстия (поддуваленки) – с той стороны, откуда дует ветер. Закрыванием и открыванием поддуваленок происходит управление огнем. А еще жигаль ходит по куче и колотит ее пестом («бабой») – испытывает, не образовалось ли где пустое место. Заметил провал, работники сразу вскрывают пустое место, заполняют дровами и снова дернут, засыпают землей. Путешествуя с пестом по куче, жигаль рискует провалиться в огненное «море», и превратиться в уголь. Такие случаи бывали.

Если все идет нормально, то куча может гореть 15 – 20 суток. Затем поддуваленки закрывают, и куча остывает. Затем начиналась отчистка и разломка кабана. Уголь сортировался и складывался в валы. Его вывозили в коробах по зимней дороге на городской склад. Короб – это плетенный из прутьев ивы или черемухи ящик на санях, вмещающий около 20 пудов угля.

В еженедельнике «Екатеринбургская неделя» (№1, 1883 г.) по этому поводу читаем: «Коробья делают в с. Кипринском и Черемисском. Лучшие черемуховые коробья, худшие – тальниковые; первые покупаются по 1 р. 80 к., а вторые – 80 к. и по рублю за короб».

Обычно вывозка готового угля начиналась с 1-го декабря и должна закончиться к 1-му марта.

Вывозили уголь, разумеется, по бездорожью, по глубокому снегу. Можно представить себе адский труд углежого и как недолог был его век. Ведь каждый углежог обязан был поставить на заводской двор до 70 и более коробов в год.

О тяжелой жизни и работе углежогов написано очень много. В частности, газета «Урал» за 1897 год (№42) писала:

«Сжигание дров в уголь – весьма трудная и вредная для здоровья работа, так как во время обжига приходится жить в сырых и холодных балаганах, землянках, обложенных дерном, отдыха совсем нет, работают день и ночь.

От едкого дыма, копоти и смрада, поднимающихся от горящих под дерном дров, у кабанчиков сильно болят глаза, дыхание становится неровным, тяжелым, чувствуется сильная боль в груди, сердцебиение; недели две-три после углежжения, как выражаются углежоги, отплевываются «чернядь» – до того бывает засорены у них дыхательные органы. Помимо всего этого, у кабанчиков распространены всевозможные кожные болезни, ревматизм и прочее, как результат тех санитарных условий, в которых они находятся во время сжигания дров в уголь.

**Шкатулка «Углевоз». Автор модели В.Ф. Торокин (1842-1912)
Каслинский завод. Россия. Отливка 1900 г.**

Жителям Урала хорошо знаком этот «черномазый», весь в саже человек, попадающийся зимой на дорогах, ведущих к заводам».

На заводском складе велся строгий учет приемки угля. Порядок приемки не везде был одинаков. Крестьяне, возившие уголь на завод, получали от лесного надзирателя ярлыки (прототип квитанции) по количеству коробов, которые они обязаны были доставить на завод. По мере поступления угля на склад ярлыки сдавались приемщику, который записывал в приемную книгу, сколько угля привез тот или иной углежог. Но эта система просуществовала недолго, т.к. было много лазеек для различного рода махинаций.

После этого вместо ярлыков начали применять бруски, на которых приемщик ставил клеймо. Но это тоже породило путаницу.

И вот в 1733 году утверждаются новые правила приемки угля. Углежог, привозивший уголь на заводской склад, получал за каждый короб берестяную печатку. Он хранил ее до конца вывозки, а потом сдавал надзирателю. Тот, в свою очередь, выписывал углежогу квитанцию. Лесные надзиратели обязаны были сдать берестяные печатки в заводскую контору, и там они сверялись с записями в приходной книге.

На этом жизнь берестяных печаток не заканчивалась. Печатки отправлялись на Екатеринбургский завод, где для всех казенных заводов Урала изготавливались новые печатки с железных клейм. На печатке изображался двуглавый орел, начальные буквы названия завода и год. Причем печаток для каждого завода изготавливали столько, сколько коробов угля заготавливалось на данный год.

К сожалению, берестяные печатки не дошли до наших дней. Их находка станет сенсацией среди коллекционеров, работников музеев и в научном мире.

В декабре 1748 года Берг-коллегия издала указ Главному правлению Казанских и Сибирских заводов изготовить на монетном дворе медные печатки (жеребья) для приема угля, руд и извести на уральских казенных заводах. На печатках предлагалось изобразить начальные буквы названия завода и материала (уголь, известь, руда). В большинстве случаев чеканились печатки для учета приемки древесного угля – угольные печатки. С 1749 года их начали чеканить на Екатеринбургском монетном дворе. Правда, на некоторых частных заводах применялись угольные печатки, изготовленные на своих заводах или же по заказу на других предприятиях.

Юний ГОРБУНОВ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для библиографического словаря)

Г

ГОРЯНСКАЯ Софья Федоровна (ок. 1860 — 1902), деят. по народ. образованию.

Сотр. «Рус. Мысли». Авт. кн. «Беседы о законах и порядках. Азбука законоведения». Под ред. Я.Абрамова. Изд. Ф.Павленкова. СПб., 1887.

Венгеров. Источ.

ГОРЯЧЕВА Елизавета Семеновна (1888 — 1966), авт. воспоминаний.

Ткачиха, член РСДРП, большевичка. Авт. кн. «Годы моей юности» М., 1968 (портр).

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 2539.

ГОРЯЧЕВА Н. (псевд. Перелетная, Н.), журналистка.

Сотр. в изд. «Город и деревня» 1909, № 1 — Авечарог, Н.; «Доля бедняка» (1909-10) — Пер., Н.; Перелетная, Н.

Масанов.

ГОРЯЧИХ Н.Н., авт. воспоминаний.

Напис. воспоминания «Памяти О.А.Виноградской». — В кн. «Памяти Ольги Афиногеновны Виноградской». М., 1916. С.108-112 — о своем учителе.

ИДРДВ. Т.3. Ч.2. № 4390.

ГОРЯЧКОВСКАЯ Мария Алексеевна (псевд. Алексеева, М.), драматург, журналистка.

Сотр. «Света»; «Колокола» (1908); «Нового Времени» (1908) — Г-ская, М. Не она ли авт. «Бледная» в «Сборнике молодых писателей». СПб., 1905 ?

Масанов; Венгеров. Источ. Голубева.

ГОСЛАВСКАЯ (урожд. Жигаева или Шигаева), драматич. писательница.

Авт. ком.: «Быть и слыть», поставленной в 1863 г. и «Старая песня», показанной в 1879-м.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГОСЛАВСКАЯ Софья Евгеньевна, авт. воспоминаний.

Артистка театра и кино. Авт. кн. «Записки киноактрисы». М., 1974; «Из мемуаров». — «Искусство кино», 1969. № 5. С.136-145.

ИДРДВ. Т.4. Ч.4. Указ. имен.

ГОСТЬ-КОЛЬЦОВА Л.

Авт. драмы в 5 д. «Банк, акции и биржа, или золотая лихорадка» М., 1885. 110 экз. Лит.-театр. биб-ка Е.Рассохиной.

ГОТОВЦЕВА, Готовцова Анна Ивановна (в замуж. Корнилова; 1799 — 1871), поэтесса.

Происх. из древнего дворян. рода; сестра писательницы М.И.Готовцевой (см); тетка Ю.В.Жадовской (см). Получ. хорошее домашн. образование. К поэтич. творчеству Г. побудил педагог и литератор Ю.Н.Бартенев. Первые стихи печатались в «Моск. Телеграфе» и альм. «Литературный музей на 1827». В Костроме позн. с П.А.Вяземским. Полемизировала с А.С.Пушкиным о «чувстве изящного» у женщин (См. «Северные Цветы» на 1829 г.). Став в 1829 г. женой гвард. офицера П.П.Корнилова, почти оставила литературу. В ЦГАЛИ хранится тетрадь стих. Г., большинство из которых остались неопубликованными. Несмотря на это, имя Г. осталось в истории рус. лит. Современники ценили образованность, ум и красоту Г. Н.М.Языков посв. Г. стих «Влюблен я, дева красота!» (1829; полож. на музыку А.А.Алябьевым и А.С.Даргомыжским).

Русские писатели; Слов. рус. писательниц; Розанов.

Начало в №1, 2005. Продолжение на стр. 79

Шереметевский — художник и педагог

Среди художников, по стечению жизненных обстоятельств приехавших в конце XIX века в Екатеринбург, выделяется Андрей Андреевич Шереметевский. Его отец, тоже Андрей Андреевич, родившийся в 1824 году, был круглым сирота. Попечительский совет принял его на полный пансион в Московский воспитательный дом — закрытое

учебно-воспитательное учреждение для подкидышей, внебрачных детей и детей, оставленных своими родителями по бедности. При материальной поддержке некоей госпожи Шереметевой он успешно выдержал вступительные испытания и был принят в Императорский Московский университет. А по окончании курса естественных наук определен на службу в Московскую комиссариатскую комиссию помощником столоначальника, получив чин губернского секретаря. Вскоре он женился на полячке Юлиане Антуанетте Пфафф. В марте 1860 года А. А. Шереметевский-старший подает прошение о переводе в Рязанскую губернскую строительную и дорожную комиссию на должность бухгалтера. За время пребывания в Рязани он дослужился до чина коллежского асессора и надворного советника, но, к сожалению, скоропостижно умер 14 февраля 1867 года. После его смерти беременная жена вместе с четырехлетним сыном Андреем переехала снова в Москву, где поселилась в доме 1/9 по Неопалимой улице. Здесь в мае у нее родился второй сын — Николай.

Молодой Андрей Шереметевский уже в раннем возрасте проявил склонности к рисованию, а позже, с 1880 года, стал заниматься на курсах в Московском Строгановском центральном училище технического рисования на положении любителя, выдержав экзамены «для поступления в число штатных учеников». Он был принят в училище и по окончании его в 1883 году, получив звание «ученый рисовальщик»,

А. А. Шереметевский. 1883 г.

Учитель гимназии

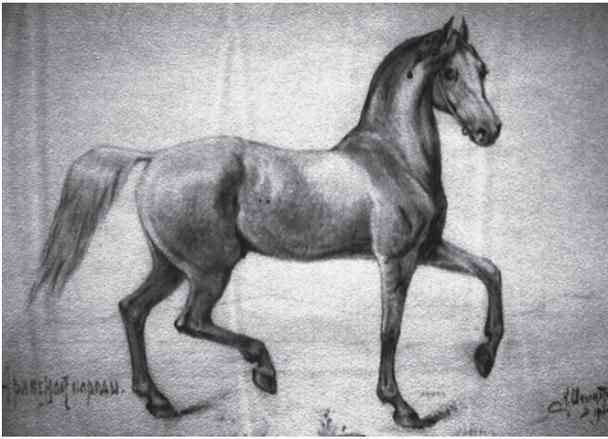
приказом по Оренбургскому учебному округу был назначен учителем рисования и чистописания в Мензелинскую мужскую прогимназию с годовым окладом 250 рублей. С сохранившейся фотографии этой поры на нас смотрит молодой интеллигентный юноша с зачесанными назад волосами, крупными чертами лица и пронизательным взглядом.

Спустя три года был перемещен в Екатеринбургскую женскую гимназию, где проработал в течение трех лет, после чего в 1890 году переведен по его просьбе в мужскую. Архивные документы доносят по этому поводу скупые сведения: «Преподаватель мужской гимназии, надворный советник Андрей Андреевич Шереметевский, 32 лет, православного исповедания. Окончил курс в Московском Строгановском центральном училище, имеет звание Ученого рисовальщика. С 1884 года ведет уроки чистописания в II и IV классах, 6 уроков. Получает в мужской гимназии 800 руб., в женской — 180 руб.».

А.А. Шереметевского отличало умение содержательно строить свои занятия, носившие творческий характер и связанные непосредственно с жизнью. Он постоянно пополнял фонд методического материала, приобщал своих учеников к миру природы, к умению наблюдать ее в бесконечном развитии.

Благодаря усилиям Шереметевского в гимназии сложилась стройная система преподавания изобразительного искусства. Материалы программы изобразительной деятельности включали рисование с натуры; рисование по памяти и воображению; иллюстрирование литературных и фольклорных произведений; моделирование, лепку с натуры, по памяти и воображению; декоративную композицию.

В период подготовки Всемирной выставки в Париже распоряжением Оренбургского учебного округа учебным заведениям было предложено принять в ней

участие. От мужской гимназии А.А. Шереметевский представил только что разработанный им «Систематический курс по рисованию и чистописанию».

Роль организатора в объединении научной и педагогической интеллигенции Урала взяло на себя, начиная с 1871 года, Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), членами которого стали и некоторые художники-педагоги города, в их числе был и А.А. Шереметевский.

С образованием УОЛЕ произошел качественный перелом в изучении историко-культурного наследия Урала. В конце XIX века была предпринята попытка создания альбома зарисовок наскальных рисунков — «чуждого письма» с уральских писаниц, расположенных по рекам Каме, Чусовой, Вишере, Туре, Тагилу, Салде, Исети. Для выполнения зарисовок и композиций был приглашен А.А. Шереметевский. Позже, в 1902 году, он назначается заведующим художественным отделом музея УОЛЕ.

В Екатеринбурге А.А. Шереметевский (он жил в доме Зотовых 16/42 по Вознесенскому проспекту) состоялся не только как художник-педагог, но и как творческая личность. В составе Екатеринбургского общества любителей изящных искусств, созданного в 1896 году, Шереметевский играл не последнюю роль. Председателем общества был академик архитектуры Ю.А. Дютель. Общество содействовало развитию культуры и эстетизации различных слоев населения, способствовало сохранению традиционных художественных промыслов и ремесел, пропагандировало достижения культуры и искусства среди населения города.

А.А. Шереметевский активно участвовал в создании театральных постановок. В феврале 1902 года, в ходе подготовки 50-летней годовщины со дня смерти Н.В. Гоголя — Гоголевских празднеств — в Верх-Исетском театре он подготовил декорации на тему «Вечера на Ивана Купала». Произведения Шереметевского не раз демонстрировались на художественных выставках, которые организовывались творческой интеллигенцией города. Газета «Урал» за 9 января 1902 года отмечала: «Открытая в первый день рождественских праздников (23 декабря 1901 года) выставка картин в музее УОЛЕ подразделяется на два раздела — в первом помещены картины, составляющие собственность художественного отдела, во втором — произведения местных ху-

дожников». Этими художниками-инициаторами были А.А. Шереметевский и Л.Н. Жуков, которых активно поддерживали местные самодеятельные художники Н.Н. Клепинин, С.И. Яковлев, Н.А. Глушук, Н.П. Колмогоров (Курган), горный инженер В.Г. Терников, студент Петербургского университета В.Я. Толмачев, учащиеся мужской гимназии и реального училища П. Чешуин, В. Русских, А. Косоглядов. А.А. Шереметевский представил наиболее значимые свои произведения: «Ермак, призывающий товарищей идти на Сибирь в 1579 году», «Часть Верхисетского пруда», «Загляделись», «Пожар в деревне зимой», «Деревенский ухаживатель», «Серый день», «По реке Пышме», «Гуськом», «Часть Чертова Городища», «Вечер на реке Пышме», «На Исетском озере», портрет П.М.Л.; акварели «В деревне» («Коптяки на Исетском озере»), «Лиственница сибирская», «Кедр сибирский». Полотно «Ермак, призывающий товарищей идти на Сибирь в 1579 году» впоследствии заняло место в исторической экспозиции музея УОЛЕ.

В марте 1905 года в стенах Екатеринбургской художественно-промышленной школы открылась VII выставка Екатеринбургского общества изящных искусств, на которой демонстрировались новые картины А.А. Шереметевского «Перед грозой», «На Исетском пруду» и ряд этюдов.

В 1915 — 1917 годах А.А. Шереметевский исполнял обязанности эксперта по художественным ценностям в окружном суде. За период своей педагогической деятельности он дослужился до чина статского советника. Награжден серебряной медалью в память Александра III (1896), орденами Святого Станислава 3 степени (1899) и Святой Анны 3 степени (1905).

В сложный для России политический период 1919 года он с семьей был вынужден покинуть город и двинуться в Бодайбо (Иркутская область), куда переехала после своего замужества и его дочь Ксения. В этом небольшом сибирском городке на реке Витим художник преподавал в местной школе рисование и чистописание. Не забывал он и свое занятие искусством: часто уходил с красками на реку или в лес. Сохранились несколько его картин и этюдов, свидетельствующих о неувыдаемом мастерстве художника.

Умер А.А. Шереметевский 1 января 1931 года в возрасте 64 лет. Как память о замечательном художнике, в фондах Свердловского областного историко-краеведческого музея хранятся три его акварели 1901 года: «Голова девочки», «Сосна», «Памятник Пржевальскому» и четыре рисунка лошадей. А в Екатеринбургском музее изобразительных искусств находится

его историческое полотно «Ермак собирает дружину», известное под названием «Ермак, призывающий товарищей идти на Сибирь в 1579 году».

Судьба круто распорядилась семьей художника и педагога: один из сыновей — Александр (р.1889), находясь на службе в белой армии, пропал без вести; в 1938 г. в период репрессий, два других сына — Андрей (р.1890) и Борис (р.1905) — были арестованы. Спустя восемь месяцев их расстреляли в застенках тюрьмы Иркутска. Судьба дочери Татьяны (р. 1903) неизвестна. Лишь младший сын Николай (р. 1902), арестованный в 1931 г. и осужденный на десять лет лишения свободы по статьям 58-7-9-11, длительное время находился на строительстве Волго-Донского канала, а затем был переведен НКВД в Ухтижлаг. Освобожденный в апреле 1941 года, он поселился в Ухте, где и обзавелся семьей.

Рубрику представляет Уральский геологический музей
Владимир АВДОНИН, г. Екатеринбург

Турмалин – краса и гордость минерального царства

*До сей поры турмалин может казаться чудом природы,
единственным в своем роде,
но путем экспериментирования мы найдем, быть может,
что и другие тела хотя не имеют таких же точно качеств,
но обладают близкими к ним.*

Ф.У.Т. Эпинус (1759)

В Европе турмалин определили как самостоятельный минерал лишь после того, как его доставили в 1703 г. с острова Цейлон. Пройдут десятилетия, и редкий, малоизвестный минерал приобретет права гражданства и замечательную популярность. О чем ещё в 1804 г. поведал нам великий гражданин Франции Рене Жюст Гаюи, аббат и основоположник современной кристаллографии:

«Известно, сколь разнообразны те вещества, кои носят название шерла; казалось бы, что ученые

условились объединить этим именем все те минералы, которым затруднились отвести определенное место в систематике».

В 1668 г. рудознатец Михаил Тумашев объявляет в Сибирском приказе об открытии цветных камней и медной руды в окрестностях Мурзинской слободы. Тогда же он рассказал и о красном шерле и аметисте по р. Нейве. За находку цветных камней М. Тумашев получил в награду 144 рубля с полтиною (Семенов В.Б., 2005). Надо думать, что исто-

рия русского турмалина началась с этого времени, хотя А.Е. Ферсман (1968) точные данные относит к 1787–1789 г.г.

Однако в России турмалин, – как пишет В. Буканов, почетный геммолог России, – и ранее применяли в ювелирном деле, ошибочно принимая за другой самоцвет. В собрании Оружейной палаты Московского Кремля турмалин можно встретить в окладах многих икон работы русских мастеров XV в. Турмалином массой около 500 карат в 1730 г. была увенчана корона российской императрицы Анны Иоанновны.

В современной минералогии название «турмалин» – собирательное, под этим именем объединяется группа боросиликатов очень сложного химического состава, но с ярко выраженными природными индивидуальными особенностями, несмотря на то, что все они имеют одинаковую кристаллическую структуру и однотипные химические формулы. Индивидуальность их обусловлена количеством и распределением таких главных химических компонентов как натрий, литий, кальций, магний, железо, хром.

В минералогии различают по химическому составу: шерл – натрово – железистый турмалин; эльбаит – с высоким содержанием лития и алюминия; бюргерит – высокоохристый и др.

Физические свойства и морфология кристаллов обнаруживают у всех турмалинов большое сходство, но они могут быть специфичны для того или иного типа месторождений.

Примечательно другое – широчайший диапазон расцветок. И это неудивительно: в их состав постоянно входят главные красители минерального царства: ионы двух- и трехвалентного железа, марганец различной валентности, хром...

Среди других минералов мы не можем назвать других представителей минерального царства с такой яркой и разнообразной окраской. Индивиды турмалина нередко бывают полихромные. Так, красные кристаллы его, по направлению главной оси, кажутся иногда синими. Встречаются и такие кристаллы, у которых одна половина, считая по длине, – красная, а другая зеленая, синяя либо черная. Встречаются и кристаллы с оболочкой зеленого или синего цвета, а внутренность у них – красная. На Урале привлекают своей чистотой, прозрачностью и разнообразием окраски кристаллы Липовских копей.

Д. Соколов писал в 1825 г.: «Малиновый шерл по своему приятному синевато-красному цвету, по своей твердости и сильному блеску может стать наравне с первоклассными дорогими камнями».

Долгое время Россия была единственной страной, в которой находился малиновый шерл...

Наибольшую славу заслужили турмалины Среднего Урала. Поражают своей чистотой, прозрачностью и разнообразием окраски кристаллы Липовских копей. В этом месторождении встречаются турмалины: розовый, карминово-красный, красно-фиолетовый, малиновый, синевато-фиолетовый, оливково-зеленый, золотисто-зеленый, светло-коричневый, черный, бесцветный.

Первые турмалины в этом знаменитом месторождении нашли совершенно случайно на пашне (около 1899 – 1900 г.г.) «Весть об этом разнеслась сейчас же по деревне, и со всех сторон начали собираться крестьяне. Первое время находили действительно огромное количество камней, положительно фунтами находили хорошие кристаллы. Кроме турмалинов ничего не выбирали». В 1904 г. копь сильно обеднела, а вскоре и была заброшена. Такова бесхитростная история открытия липовских турмалинов, описанная в 1904 г. В. Воробьевым – талантливым минералогом, погибшим на Эльбрусе в 1906 году.

Полихромные турмалины добывались в пегматитовых жилах Урала (Шайтанка, Мурзинка, Южакская, Сарапулка, Липовка). Особенно ценились

Владимир Авдонин – старший научный сотрудник Уральского геологического музея, кандидат геолого-минералогических наук.

карминово-красные турмалины Сарапулки, розовые, синие и зеленые Липовки. В Нижнеисетском районе добывали крупные кристаллы хромовых турмалинов от темно-зеленого до черного цвета. В районе Мурзинки встречались изумительные кристаллы вишнево-розового турмалина, по прозрачности и красоте тона с которым не может конкурировать ни один турмалин мира. Из известной ямы Мора около Шайтанки происходят редкие буровато-красные турмалины.

По этой причине в старой минералогии и ныне у многих коллекционеров и любителей камня минералы семейства турмалина получили разные имена: ахроит – бесцветный, белый; рубеллит – розовый, малиново-красный; индиголит – синий; верделит – зеленый. Однако самый распространенный – черный шерл.

Как мы уже отметили в современной минералогической литературе отдельные представители гр. турмалина различаются между собой не по физическим свойствам, а по химическому составу. Самый распространенный железо-натровый турмалин черного цвета - шерл. В старой литературе название «шерл» особенно широко распространено: «Так называли прежде всякую каменную породу – столбчатую, игольчатую, либо звездчатую ...» – писал В. М. Севергин в 1807 г. Интересно высказывание проф. Д. И. Соколова (Соколов, 1852).

«Шерл - название весьма древнего происхождения, корнем ему, как можно полагать, служит старинное немецкое слово Schor, означавшее черную примесь, которая остается в оловянной руде, после промывки оной: «происходит от черного шерла, роговой обманки, магнитного железняка, как всегдашних почти спутников оловянной руды в ее месторождениях. Прежде под именем шерла разумели, вероятно, один только черный шерл нынешней системы, а впоследствии название сие сделалось эпитетом всех минералов более или менее похожих на сей образцовый шерл. Ныне породу сию называют также турмалином».

Различаются турмалины и по частоте их нахождения. Например, шерл высокожелезистого турмалина черного цвета широко распространен в природе и в частности на Урале. А вот эльбаит и лиддигоатит – турмалины с высоким содержанием лития и обладающие ювелирным качеством, относятся к числу редких и даже очень редких минералов – особенно лиддигоатит.

Отметим ещё одну специфическую индивидуальность: образцы всех представителей гр. турмалина встречаются в виде кристаллов, как правило, хорошо ограненных различной величины, нередко гигантских размеров.

Кристаллы минералов – удивительные творения природы, они всегда привлекали внимание исследователей своей красотой.

Санаторий «Изумрудный берег» приглашает Вас отметить корпоративный новый год!

Атмосфера зимней сказки, пение птиц и бодрящий морозец, белый снег, пушистые сугробы, искрящиеся снежинки, шоу-программа с профессиональным ведущим, артистами эстрады и балета, дискотека, забавные розыгрыши и шутки.

МЫ СДЕЛАЕМ ВАШ ПРАЗДНИК НЕЗАБАВАЕМЫМ!

По всем вопросам обращаться:
г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 8, оф. 10
Тел.: (343) 371-98-12, 359-84-79,
8-912-26-25310, 8-912-66-000-16,
www.izumrud-bereg.ru

СДЕЛАЙТЕ ПОДАРОК СЕБЕ, РОДИТЕЛЯМ, ДРУЗЬЯМ!

Путевка с лечением в декабре

- для взрослого от 8900 руб./ 7 дней
- для ребенка от 4900 руб./ 7 дней

Встреча нового года 31.12 - 02.01 от 5500 руб./чел.

Новогодние каникулы 02.01-10.01

- Путевка «Мать и дитя» от 2100 руб./сут с лечением
- Для школьников «Зимний калейдоскоп» 03.01-10.01., 6800 руб. с лечением.
- Тур выходного дня на Римские каникулы от 2900 руб./чел./ 2 суток в загородном клубе «RIM» в пятницу зажигательная шоу-программа, в субботу приглашаем всех на караоке вечеринку!

*Для ВАС!
Релаксирующие SPA процедуры, косметология, массажи, ... Бассейны, русская баня, сауна, прокат зимнего спорт. инвентаря, и многое другое!*

Образование кристалла – самое привлекательное и удивительное свойство природы. Помимо внешней формы, кристаллы нередко привлекают внимание ученых и исследователей, своими удивительными свойствами.

Ещё в начале 18 столетия заметили в Голландии, что кристалл турмалина, будучи нагрет, привлекает к себе частицы пепла и после опять их отталкивает; а потому назвали его пеплопритягателем (Aschenziecher).

Может быть это на первый взгляд не особенно выдающееся наблюдение и привлекло внимание Ф. Эпинуса – тогда молодого профессора Петербургской Академии наук.

Первые же его наблюдения показали, что турмалин, помещенный на раскаленный уголь, сперва притягивал, а затем отталкивал рассыпанную вокруг золу и другие легкие тела: перья, клочки бумаги и прочее. Это свойство турмалина было с давних времен известно ювелирам, назвавшим камень «притягателем золы».

Вот что писал по этому поводу Ф. Эпинус: «...что путем нагревания одна сторона камня получает электричество противоположное электричеству другой стороны, то должна быть причина, почему определенная сторона всегда и без исключения положительно-электрическая, а другая – отрица-

тельная». Таким образом, впервые была отмечена полярность турмалина.

Эта уникальная особенность кристаллов турмалина находит широкое применение и ныне. Кроме использования в ювелирном деле турмалины применяют в качестве сильных пьезоэлектриков в радиоэлектронике и приборостроении, где их не могут заменить даже высшие сорта пьезокарта. Для этого выбирают абсолютно бездефектные кристаллы турмалина, из которых изготавливаются пластины размером не менее 4x4x2 мм (1978).

С именем Ф. Эпинуса – академика, члена Петербургской Академии наук – связано зарождение специального раздела кристаллографии – учения об электрических и магнитных свойствах кристаллов. И зародилось это учение при изучении кристаллов турмалина.

Уникальные находки и кристаллы

В 1978 г. в Бразилии на руднике Итатийа была обнаружена крупная полость в пегматите, из которой извлекли сросток кристаллов рубеллита массой около 4 т. Наибольший кристалл имел размер 100 x 40 см и был оценен в 1 млн долларов (Буканов, 2008).

Содержание журнала «Уральский следопыт» за 2009 г.

РЕКА ВРЕМЕНИ

Тропой поиска

- Ю. ГОРБУНОВ. Писательницы России.....№2-12
Ю. КЛЮШНИКОВ. Туринская бумага.....№6
В. МОИСЕЕВ. Картинка с выставки.....№6
А. МАКСЯШИН, И. ШЕРЕМЕТЕВСКИЙ.
Шереметевский – художник и педагог.....№12

Далекое-близкое

- А. ПИЧУГИН. По следам демидовских старателей.....№2
Ф. СОЛОМОНОВИЧ. Ивдельлаг.....№2 - 4
И. ГРИГОРЬЕВ. Один из многих.....№4
Р. ТИХОНОВ. Я – гамаюн!.....№5
А. ВОЛКОВ. Мототуристы на ЯВЕ.....№6
И. ГЛАДКОВА. Как Менделеев не ко двору пришелся.....№6
В. ПЛЕХАНОВ. «Спрявление Карла Либкнехта».....№7
А. СТРУНКИНА. Тобольск – ангел Сибири!.....№9
И. ГЛАДКОВА. Взлет по золотой полосе.....№9
А. ПИЧУГИН. Ушковская канава.....№10
В. ПЛЕХАНОВ. Уральский Арбат.....№11
Н. ПОЗДНЯКОВА.
Радола Гайда – герой Белого движения?.....№11
Л. ЭГЛИТ. Юбилей забытого жанра.....№12
В. ПОПОВ. Углежого.....№12

Краеведческая копилка

- А. ДМИТРИЕВ. Любимовское дело.....№2
В. ТРУСОВ. Царский мост.....№3
В. МОИСЕЕВ.
Шахматный меценат Елим Демидов.....№3
А. КОЗЫРЕВ. Юнга с Соловецких островов.....№3
Л. ЕЛТЫШЕВ. Кожевник Чуватов.....№6
Н. ПОЗДНЯКОВА. Прототипы «Девушки с веслом».....№7
Н. ШАРНИНА. Швелевка – Лесная школа.....№7
О. РЕНЕВА. Город на чайном пути.....№8
А. МЕЛЬНИЧУК.
Стрелял ли Гумбольдт по Ишиму.....№9
А. КОЗЫРЕВ. Ученый без противогаса.....№10
В. ТРУСОВ. Расстрелянный обелиск.....№12

Человек и природа

- М. ФОНОТОВ, В. САДЫРИН.
Цинния, не помнящая родства.....№2
А. ЧУБУКОВ. Кто живет на речке Сале.....№3
М. ФОНОТОВ, В. САДЫРИН. И жить торопится.....№3
М. ФОНОТОВ, В. САДЫРИН. Апрельская любовь.....№4
М. ФОНОТОВ, В. САДЫРИН.
Одуванчик: шар из корзинки.....№5
М. ФОНОТОВ, В. САДЫРИН. Костер на лугу.....№6
М. ФОНОТОВ, В. САДЫРИН. Царские кудри.....№7
М. ФОНОТОВ, В. САДЫРИН.
Дни и ночи смолевки.....№8
М. ФОНОТОВ, В. САДЫРИН.
Желтые корзинки бессмертия.....№9

- М. ФОНОТОВ, В. САДЫРИН. Обитатель мелководий..№10
М. ФОНОТОВ, В. САДЫРИН.
Плюсы и минусы борщевика.....№11
М. ФОНОТОВ, В. САДЫРИН. Чуткий ветру.....№12

Легенды и были

- В. ТРУСОВ. Шунут-богатырь и другие.....№2
А. КОРЕЛИН. Вечера в Госьково.....№3
А. КОЗЫРЕВ. Адмиральские часы.....№4

Пушкиниана

- Н. ШАРНИНА.
«Велению божию, о муза, будь послушна».....№2
Н. ШАРНИНА. Пожелтевшая афиша.....№2
Н. ШАРНИНА. Роза Ивановна.....№2
Н. ШАРНИНА. Новоуткинские таланты.....№2
Н. ШАРНИНА. «Счастливым сын пиров».....№2

Камни Урала

- В. АВДОНИН. Прекрасное даровано земле.....№3
В. АВДОНИН. Рубин и сапфир – знатные дворяне
минерального царства.....№4
В. АВДОНИН. С пиритом наедине.....№5
В. АВДОНИН.
Родонит – именитый уральский минерал.....№6
В. АВДОНИН. Топазы.....№8
В. АВДОНИН. Александрит.....№9
В. АВДОНИН.
Гранаты – ветераны минерального царства.....№10
В. АВДОНИН. Минералогия Урала XX века в именах
преподавателей СГИ–УГГУ (страницы истории).....№11
В. АВДОНИН. Турмалин – краса и гордость
минерального царства.....№12

Давным-давно

- И. ГЛАДКОВА. Путешествие вне хронологии.....№4
В. ДЬЯЧКОВ. О дьячках.....№4
Э. СОКОЛОВ. Музыка времени «великого молчания»...№9

День победы

- В. ФИННОВА. ...И мы пошли эвакуироваться.....№5
Л. РОМАНЕНКО. Долгая дорога к деду.....№5
А. НЕМЕРОВА. Три картофелины.....№5
И. ГЛАДКОВА. Воюющая магистраль.....№5
А. КОЗЫРЕВ. Прикосновение к кино.....№5

Замечательны тем, что жили

- Н. ПОЗДНЯКОВА. Сониная юность.....№5
О. ОЖГИБЕСОВА. Летописец из деревни Дубынка.....№9

Возвращение из Леты

- А. КОЗЫРЕВ.
Унтер-офицер экспедиционного корпуса.....№2

Прогулки в прошлое

- Р.ФИЛИППОВ. Славный город Шадринск.....№2
Ю.ГОРБУНОВ. Мощна и Порнэ.....№8

В мире прекрасного

- И.ГЕРУЛАЙТИС.
Когда камень начинает вспоминать.....№4
О.КАРЯКИНА.
«Секретный» подряд Геннадия Мосина.....№10

Юбилей

- В.ИЩЕНКО. Улица Шварца.....№4
В.КОПЕЙКО. Братья Столетовы.....№7

Занимательная нумизматика

- В.ПУРОНЕН.
Республика римского народа.....№5

Версия

- М.ДАВИДОВ. У Волчьей балки.....№7

Литературное краеведение

- П.СЕВЕРНЫЙ. Топтыгин с Косьвы.....№7-8
А.КОНДОР. Сокровище Тамурии.....№10-12
М.ВАХРУШ. Сорни Эква.....№11

Музей одной фотографии

- Е.БИРЮКОВ. Столичный гость Саввы Морозова.....№8

Мемуары

- В.ЧЕКАН. Фрагменты биографии.....№8-10

Клуб собирателей

- В.ПУРОНЕН. Американская афера.....№10

Портреты

- А.МОЛЧАНОВ. Рыцарь песни.....№11
И.ПЛОТНИКОВ. Учитель скульптора Шадра.....№12

Знаменитости в Екатеринбурге

- И.ГЛАДКОВА. «У вас потрясающая публика...».....№11

СВЕЧА ГОРЕЛА

Молодые имена

- М.ШЕЛЕПОВА. Cote d'Azur.....№2
Е.БОРНОВОЛОКОВА. Стихи.....№4
В.ОСИПОВ.
Волшебники собрались в Екатеринбурге.....№5

Время мастера

- Н.ГОДИНА. Стихи.....№3

Новые встречи

- В.САНДАЛОВ.
Стихи.....№3
О.БЕЛЫХ. Стихи.....№3
В.ВДОВИН.
Повесть о погибших и выживших.....№3-4
В.БАРАНОВ. Стихи.....№4

АЭЛИТА

Законы Вселенной

- М.ГЕЛПРИН. Дождаться своих.....№2
Т.КИГИМ. Казино «Скид-Неппа».....№3
А.КУЛАМЕСА. Умереть за Родину.....№4
Д.ШОРИН. Все углы треугольника.....№5
Н.СРЕДИН. Праведник.....№6
Ю.ИВАНОВ. Пляски на гаке.....№7
Е.ЧЕТКИНА. Счастье человеческое.....№8
Ю.ФУРЗИКОВА. Счастливый остров.....№8
П.ГУБАРЕВ. Бонус-трип.....№9
А.СЫРЦОВА. Точка отсчета.....№10
Г.ЕСКЕВИЧ. Тринадцатая платформа.....№10
К.КАЛИНИНА. Последний мужчина.....№11
А.КУЛАМЕСА. Фея для Золушки.....№11
Д.АНАШКИН. Встреча одноклассников.....№12
С.ВАСИЛЬЕВ. Жди меня.....№12

Повод для улыбки

- Я.ВОЛЬПОВ. Как не жениться на принцессе.....№2
А.ХУСНУЛЛИН. Время подключения.....№3
И.ВИНОГРАДОВ. Годен.....№4
А.ВЛАСЕНКО. Там где коптят угря.....№6
А.СКОРОБОГАТОВА. Желтый Сверхстратегический.....№7
А.ЛОГИНОВ. Бред.....№8

- Ю.ГАВРИЛЕНКО. Механический заяц.....№9
Д.КУПРИЯНОВ. Купи принцессу.....№11
И.ЧЕРКАШИНА. Опасная профессия.....№11
Т.КИГИМ. Черный гробовщик.....№12

Добрые попутчики «Уральского следопыта»

- Выход на орбиту.....№3

Координаты чудес

- Н.ИВОЛГА. Чистота – залог.....№2
А.ВАРСКИЙ. Последний рейс в осень.....№3
А.ПОПОВА. Посланники смерти.....№4
А.БОР. Где-то там, на Украине.....№4
В.МОЛОТОВ. Город детства.....№5
М.ГОРБАТЮК. Река.....№6
М.ДРОБКОВА. Установщик дверей.....№7
А.РАДОВ. Идикуда.....№8
В.БАБЫШЕВ. Освобождение.....№9
В.КЕТАТ. Пройди мимо своего шанса.....№10
А.ШОЛОХОВ. Зонт.....№12

Сумма технологий

- Н.РАКИТИНА, М.БОБРОВ. Жанры как они есть.....№4

Проекты «Уральского следопыта»

- Б.ДОЛИНГО. Аэлита продолжается!.....№7

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Проекты «Уральского следопыта»

- М.АКСЕЛЬРОД. Последний поход.....№1
А.ВОСТРЯКОВ. Памяти группы И.Дятлова.....№1
В.БОГОМОЛОВ. Вступление.....№1
В.ЯКИМЕНКО. Игорь Дятлов.....№1
А.ЛЕПИХИН, В.ЯКИМЕНКО. Хроника событий.....№1
Е.ЗИНОВЬЕВ. Какие были ребята.....№1
Е.ЗИНОВЬЕВ. Приполярный Урал.....№1
А.ГУЩИН. Цена гостайны – девять жизней.....№1
А.ГУЩИН. Дневник последнего похода.....№1
Д.ТИУНОВ. Пять десятилетий домислов и догадок – что же в итоге?.....№1
Е.БУЯНОВ, Б.СЛОБЦОВ.
Тайна аварии группы Дятлова.....№1
П.БАРТОЛОМЕЙ. Что было дальше?.....№1
П.БАРТОЛОМЕЙ.
От одной трагедии к другой.....№1
О.ГУБАНОВА. Память.....№1
В.ЯКИМЕНКО. Памятник.....№1
С.ДЕВЯТОВ. Спутникам странствий.....№1
Е.САДАКОВ. «Ветер, скалы, снег...».....№1
Е.ПАХОМОВА. Ледовый шторм 2009.....№3
А.МАРИНЧУК. Взгляд изнутри.....№3
Е.ПАХОМОВА. Майский экстрим – 2009.....№7
А.ОКУНЕВИЧ. Центр Свердловской области преобразуется.....№11
Положение по ЛЕДОВОМУ ШТУРМУ-2010.....№12

Путешествие по Уралу. Серебряное кольцо

- Т.ЧЕРЕМИСИНА. Полевской.....№2
Т.ЧЕРЕМИСИНА. Невьянск.....№5
Н.ЧУДИНОВА. За уральской платиной.....№6
Т.ЧЕРЕМИСИНА. Нижний Тагил.....№7
А.СЛЕПУХИН.
Лица исчезающего лесного народа.....№10
А.СЛЕПУХИН. Мастерская каменного века, или 22 законечника Шитовского озера.....№11
А.СЛЕПУХИН.
Ну, вы и забрались, товарищи манси!.....№12

Путешествие по Уралу. Южный Урал

- Е.ШИПУЛИНА. Нугуш.....№2-3
Л.ВОЛКОВ.
Искусственные пещеры острова Веры.....№9

Путешествие по Уралу. Зауралье

- А.МУРЗИН. Соловьино.....№5
А.МУРЗИН. Старица.....№6
С.НОВОПАШИН. На берегах Тавды – на границе Урала и Сибири.....№6
А.МУРЗИН. Сильные звенья.....№9
А.МУРЗИН. Барсучий колок.....№10

Путешествие по Уралу. Пермский край

- Е.ПАХОМОВА. Культурно-историческая психология Руси.....№6

Юний ГОРБУНОВ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для библиографического словаря)

Г

ГОТОВЦЕВА Мария Ивановна (псевд. Гульпинская Авдотья Степановна; 1793 — 1866), писательница.

Сестра поэтессы А.И.Готовцевой; тетка писательницы Ю.В.Жадовской. Авт. очерков о нравах костром. захолустья "Житье-бытье на Кореге. Записки Гульпинской Авдотьи Степановны" ("Рус. Вестн.", 1857. Т.У11. Кн. 1. В Ист. вестн. 1887. Т. XXX. С. 402 приписыв. Ю.В.Жадовской). Авт. стихотв., написанного в альбом М.А.Максимовича, «Как поздней осенью последние цветы...» (Киевская старина. 1882. Т. 1. С. 158).
Слов. рус. писательниц; Масанов.

ГОТОВЦЕВА Наталья Ивановна, поэтесса.

Сестра М.И.Готовцевой (см). В «Киевской старине» (1882. Т. 1. С. 158) напеч. ее стихотв. «Луч ясный играет на светлых водах». Оба стихотв. сестер Готовцевых относятся к 1825 г.
Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГОФФЕНШЕФЕР Анна Семеновна (псевд. Хованская, А; Шефер, А.), прозаик, драматург.

Авт. пьесы "Пуганица", ком.-шутка в 3 д. М., 1929.
Масанов.

ГОФМАН Варвара Васильевна, драм. писательница.

Венгеров. Источ.

ГОФМАН Нина Всеволодовна (? — 1959), авт. воспоминаний.

Актриса театра и кино. "Прошлое". — В кн. "Кино и время". М., 1965, вып.4, с.173-177.
ИДРДВ. Т.4. Ч.4.Указ. имен.

ГОФШТЕЙН Шифра Наумовна (псевд. Холоденко), поэтесса.

Масанов.

ГОФШТЕТЕР Екатерина Павловна (См. Елисеева, Е.П.)

ГОХГЕЙМ София

Авт. расск. "Женский диплом" (СПб., 1879).
Венгеров. Источ.

ГРАБАРЬ-ПАССЕК Мария Евгеньевна (1893 — ?), филолог, переводчица.

Одна из сост. "Истории греческой литературы" (1946-60). Авт. первого полного пер. на рус. язык греч. поэтов-буколиков размером подлинника. В труде "История римской литературы" (т.1, 1959) ей принадл. главы о творчестве Цезаря, Саллюстия, Вергилия, Горация, об ораторском искусстве.
КЛЭ.

ГРАБОВСКАЯ Анастасия Николаевна (урожд. Лукьянова; 1874 — ?), авт. воспоминаний.

Жена рев. П.А.Грабовского. "Воспоминания о П.А.Грабовском". — "Радуга". 1964. № 10. С.141-144.
ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 8682.

ГРАБОВСКАЯ Валерия Владиславовна (урожд. Бучинская; 1892 — 1964), переводчица.

Старшая дочь писательницы Н.А.Тэффи (см). Вып. Львовского ун-та; работала на дипломатич. службе в Польше. Переводила соч. Тэффи на польский язык. Ее воспоминаний «То, что было» \ \ РГАЛИ. Ф. 1174. Оп. 2. № 21.
РЗФ; Диаспора. 1 (Бучинская).

Продолжение в следующем номере

«Ермаковы лебеди» на родине Ермака.....№9

Дети в походе

Т.ЛЫХИНА, А.ЛЫХИН. Зимний Гамаюн.....№2
В.ПРИМЕРОВ. Горы, медведи, турки,
Фестиваль.....№4
Т.ЛЫХИНА, А.ЛЫХИН. Азов-гора.....№5
А.ЕЛИЗАРОВ. Откуда берутся кадры.....№6
Т.КАРПЕНКО. Туризм для детей.....№9

На страже Родины

И.КУЗНЕЦОВА. Как это происходит.....№2
Ю.ДОНСКОЙ.
Неоконченная пьеса для нано.....№5
Е.ПАХОМОВА. Выставка вооружений
Russian Expo Arms 2009.....№8

Камни Урала

В.АВДОНИН. Горный хрусталь – воплощение
красоты природы.....№2

Человек в экстремале

У.МАРКОСЯН.
Как манси армянина обманул.....№3
Д.МИНИН. Велосипед – это свобода.....№6
А.ЗАЛЕССКИЙ.
Когда звезды были большими.....№6
Л.ВОЛКОВ. Спелестологические перспективы
Южного Урала.....№7
П.ФЕОКТИСТОВ.
Велопоход на Северный Урал.....№9
П.ТАСКАЕВ. Путешествие по Качканару.....№10
Р.КИРШИН. Уральские геокэшеры.....№10
О.РЫЖИХ. Urban trip.....№12

Спортивные достижения на Урале

А.ЕЛЬКИН. Практическая стрельба.....№4
А.РЯЖКИН. «Арельская струя – 2009».....№5
П.ФЕОКТИСТОВ.
Новые горизонты для гонщиков-любителей.....№11

История Уральского туризма

Р.ТИХОНОВ.
Ивдель - Няксимволь – Няйс – Тапсуй.....№4
Р.ТИХОНОВ. Заснеженный Хордьюс.....№12

Заповедные земли Урала

И.АБРАМОВ. В царстве чахоточных сосен.....№4
А.КОРЮКОВ. Таватуйские были.....№5
Б.ПОПОВ. Записки факторщика.....№5-8, 10
С.НОВОПАШИН. Хрупкая вечность.....№8
С.НОВОПАШИН.
Припышминские боры: от Талицы до Тугулыма№9

Классный журнал

Н.ТАРАСОВА. Интеллектуальные игры.....№5
Л.БАБАНИН.
Литературный фестиваль «Крылья Севера».....№8
А.КАНТОР. Медиа, которые помогают.....№11

Подготовка к путешествию

В.ПРИМЕРОВ. Начинающим скалолазам.....№5

Путешествие

А.КУРОЧКИН. Покорение Кваркуша.....№5
У.МАРКОСЯН. Сплав по Народе.....№6-7
А.ОТМАХОВА. Дорога к соседям.....№7
М.ЕРЕМА.
Авто-байдарочное путешествие.....№7
У.МАРКОСЯН. Сплав по Народе.....№10-11

В объективе – Урал

Л.ВОЛКОВ. Пропащая яма.....№6
С.СМОЛКИН. Праздник Купалы.....№8

Юбилей

Е.СЕСЛАВИНА. У природного парка
«Река Чусовая» первый юбилей – 5 лет!.....№7
Н.ПАЭГЛЕ. Спасаящий красоту.....№12

Интервью номера

С.МЕХАНОШИН.
Екатеринбург – столица экстремалов.....№8

С места событий

В.ЮКЧУБАЕВ. Усть-Манья.....№8

Портреты

И.БОНДАРЕВ. Среда обитания.....№8

Человек и природа

А.ЛИТВИНОВ. Там ее и оставят гнить.....№8
В.ЮКЧУБАЕВ. Сезон дождей.....№9

Авторитетное мнение

В.ВАЙСМАН. Не было бы счастья,
да несчастье помогло.....№9
Д.ТИУНОВ.
Обзор ЧП-2009 с уральскими туристами.....№11
А.ЛЫХИН.
Чрезвычайные происшествия на воде.....№11

Экспедиция

М.ШАРАВИН.
На перевал Дятлова на джипах.....№9
В.ЯКИМЕНКО. Прекрасная Холатчахль.....№9
В.ЮКЧУБАЕВ. Дороги без конца и начала.....№10
В.ЮКЧУБАЕВ. Просто разведка.....№12

Экипировка

В.ПРИМЕРОВ. Снаряжение скалолаза.....№10

Школа экологического воспитания

И.КУЗНЕЦОВА. Прекрасные места, в которые
не хочется возвращаться.....№10
И.КУЗНЕЦОВА. Так что же делать.....№12

Добрые попутчики

Т.КАРДАПОЛОВА. Высшие женские курсы.....№9

Михаил ФОНОТОВ
фото Владимира САДЫРИНА

Чуткий ветру

Цветок козлобородника на совершенство не претендует – всего лишь непричесанное подобие одуванчика. А когда корзинка его плоско сомкнута – что тебе клинышек козлиной бороды. Так и пошло еще с древних греческих времен непочтительное имя козлобородник.

Свое вдохновение создатель отдал не цветку козлобородника, а ажурной сфере его плодов – инженерному сооружению непостижимого совершенства. Легкий шар изошренной конструкции диаметром почти в десять сантиметров тонко скомпонован сомкнутыми куполами «парашютов» – не вогнутыми, а выпуклыми. Длинные ножки куполов сходятся к округлой кнопке на оконечности стебля, в которую воткнуты острые шильца семян. Сооружение эфемерно, оно рассчитано разве что на несколько сухих дней, прочность ему противопоказана. Наоборот, этот шар только для того и соткан, чтобы дожидаться ветреного дня и рассыпаться.

Я оторвал от шара один парашютик и «уронил» его. Он, разумеется, не рухнул вниз, а только чуть-чуть опу-

стился, но удержался на лету, скользнул в сторону и, подхваченный дуновеньем ветра, поднялся выше, набрал скорость и потерялся среди деревьев... Что найдет остренькое семечко в дальнем краю – взрытый комочек влажной земли, чтобы в него втиснуться и на нем прорасти, тугую дерновицу или каменистый кряж, чтобы на них погибнуть? Природа вывела семянку козлобородника в десантники, предписав ей подалее улететь от родной матери, пустить корни и раскрутиться на новом месте. Ради захвата новых пространств козлобородник безропотно принимает лишения рискованных путешествий, тоску в разлуке и неприкаянное одиночество на чужбине.

Чем еще интересен козлобородник? Наверное, тем, что едва ли не весь съедобен. Прямо-таки овощная культура. Правда, он пропитан горьковатым млечным соком, но достаточно листья и стебель отбить деревянным молотком, выдержать в кипятке одну-две минуты – и зелень готова для салатов, щей и тому подобного.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

В краю пяти целебных озер в окружении стройных берёз на берегу озера Подборного стоит молодая красавица — здравница «Урал». Несмотря на свою молодость, известность санатория перешагнула границы родной Челябинской области. Отдыхать здесь любят и уральцы, и жители нашей огромной России.

Лучший отдых на Урале — в санатории «Урал!» — считает киноактриса и режиссер Н. Бондарчук.

На Новый год и каникулы — в «Урал»!

Лучший отдых на Урале — в санатории «Урал!» — считает киноактриса и режиссер Н. Бондарчук, которая ежегодно прилетает из столицы в Челябинскую область на Урал, чтобы поправить свое здоровье. Особенно любит бывать здесь зимой, любит лыжи, кристально чистый воздух и белый снег, и, конечно, полноценное оздоровление и комфортный отдых в условиях лучшей уральской здравницы.

Совместите и вы, уважаемые земляки, приятное с полезным!

Только в «Урале» новогодние праздники удачно и успешно совмещаются с активным отдыхом и лечением.

Не отрываясь от лечебных процедур, можно весело и вкусно встретить Новый год, отметить Рождество, присоединиться к чудесам Старого Нового года! Это прекрасная возможность провести каникулы всей семьей: порадоваться тесному общению с детьми, посмотреть вместе интересный фильм, спектакль, концерт, натанцеваться до дыра, подучиться вместе с детьми в спортзале, покачать мышцы в тренажерном зале, накататься на лыжах,

коньках, погулять по зимнему лесу! В санатории вы можете очистить организм от шлаков, порадовать свое лицо и тело косметическими процедурами.

Здесь все создано для комфортного отдыха. В едином 7-этажном комплексе находятся гостиница, лечебница, центр питания, спортивный, досугово-информационный центр, бытовые, торговые помещения, бассейн, центр красоты и здоровья, хирургическая клиника. И вам не придется после массажа, ванны или другой процедуры выходить на улицу, чтобы попасть в свой номер, и, если погода вам сегодня не нравится, ее можно просто понаблюдать из окна, а подышать свежим воздухом можно на просторной лоджии.

Сегодня «Урал» уже объявил цены на новогодние праздники и зимние каникулы, составлена развлекательная программа для взрослых и детей. Принимаются заявки и бронируются путевки на индивидуальный и семейный отдых.

Вы еще не решили, где будете встречать Новый год, куда поедете с детьми в каникулы? **Отбросьте сомнения. Приезжайте к нам в санаторий «Урал».**

Лицензия № 0030527, регистрационный номер 74-01-000842 от 29 декабря 2007 г.

Действуют скидки для пенсионеров, бюджетников и студентов.
Звоните нам и заказывайте путевки в любое время:
8 (922) 700-66-09, 8(922) 723-56-96, 8 (922) 708-39-43, 8 (922) 700-66-22, 8 (922) 700-66-28,
8 (908) 080-74-12, (35166) 200-22; 200-23; 200-20, (351) 278-80-94, 278-80-95.

Форма оплаты разная, обо всем договоримся.
Мы рядом. Можно на автомобиле. Стоянка есть.
Также подробная информация на нашем сайте: www.uralsan.ru

У Р А Л Ь С К И Й

ЭКОЛОГ

ISSN 0134 - 241X

www.uralstalker.com

С Новым Годом!

ЗУБ ХОРДЬЮСА

НЕФТЯНОЙ ГОРИЗОНТ

ДЕНЬ ЖЕРТВЫ

СОЛНЦУ

ЭКОЛИДЕР - 2009

РОД ПАКИНЫХ

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ

ТУРИЗМ

декабрь
2009 (№630)

Ольга РЫЖИХ
Фото предоставлено автором

Вид из цеха
завода имени Куйбышева

Уральский urban trip: сталкеры и зоны

Заброшенные заводы и таинственные подземелья. Почему они влекут современных сталкеров? Чем притягательна странная эстетика созданных человеком и им же заброшенных объектов? Посещение таких мест называется urban trip, или индустриальный туризм. Это необычное увлечение набирает всё больше поклонников по всему миру. Команда экстремального клуба MADS – Дмитрий Воробьёв и Илья Береснев – гуляла по заброшенным заводам и стройкам, спускалась в бомбоубежища, стратегические коммуникации и ракетные шахты. С их точки зрения, Урал – идеальное место для поклонников urban

trip. Здесь, в промышленном центре страны, множество подобных мест.

Илья: Начиналось наше увлечение, наверное, как и у многих, от желания интересно занять свободное время. Пару раз спустились в заброшенные шахты. Очень понравились необычные ощущения, своеобразная атмосфера. Потом заинтересовались историей этого места. Ведь каждый такой объект хранит свою историю, и, изучая её, можно многое узнать о крае, где ты живёшь.

Дмитрий: Особенный интерес таких мест в том, что историю изучаешь не по учебнику или экскурсии в музее, а имеешь возможность

увидеть всё своими глазами. Такие объекты – это «законсервированное прошлое», в них совершаешь маленькое путешествие во времени. Мне, как инженеру по образованию, особенно интересно посещать заброшенные заводы, осматривать механизмы, догадываться, как это всё работало, что там производилось.

Загадочная атмосфера заброшенного места. Лёгкий выброс адреналина от прогулки по тёмным коридорам, уже много лет не слышавшим человеческих шагов. Возможность прикоснуться к настоящей истории, увидеть её своими глазами. Пусть это даже история позапрошлого десятилетия. Это те компоненты ut-